РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА КБР И КБНЦ РАН

ВЕСТНИК

Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

1 (19) журнал выходит два раза в год

Редакционный совет

акад. В.И. Тишков (председатель), член-корр. РАН Х.И. Амирханов, акад. Н.Н. Казанский, акад. А.Б. Куделин, член-корр. РАН Р.М. Мунчаев, д.и.н., проф. В.В. Наумкин, д.и.н. Ю.А. Петров, д.и.н. В.В. Трепавлов

Редакционная коллегия

Б.Х. Бгажноков (главный редактор)

член-корр. РАН С.А. Арутюнов, М.М. Агларов, Б.Ч. Бижоев, Ж.М. Гузеев, А.М. Гутов, Д.М. Кумыкова (отв. секретарь), В.Х. Кажаров, А.Г. Кажаров, Х.Т. Тимижев, З.Х. Толгуров, Л.Х. Махиева, О.Л. Опрышко

Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. Выпуск 1 (19). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2012. – 116 с.

Издание основано в 1968 г.

Адрес КБИГИ: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18 Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH OF THE KBR GOVERNMENT AND KBSC OF THE RAS

BULLETIN

of the Institute for the Humanities Research of the KBR Governments and KBSC of the RAS

1 (19) the journal comes out in biyearly parts

Editorial council

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences,
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences,
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences,
R.M. Munchayev, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
V.V. Naumkin, Doctor of History, Professor, U.A. Petrov, Doctor of History,
V.V. Trepavlov, Doctor of History

Editorial board

B.H. Bgazhnokov (editor-in-chief)

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences S.A. Arutyunov, M.M. Aglarov, B.Ch. Bizhoyev, Zh.M. Guzeev, A.M. Gutov, D.M. Kumykova (exec. secretary), V.H. Kazharov, A.G. Kazharov, H.T. Timizhev, Z.H. Tolgurov, L.H. Makhiyeva, O.L. Opryshko

Bulletin (Vestnik) of the Institute for the Humanities Research of the KBR Government and KBSC of the Russian Academy of Sciences. Issue 1 (19). – Nalchik: Publications department of KBIHR, 2012. – 116 p.

The edition is founded in 1968.

Address:

KBIHR, 18 Pushkin Street, Nalchik 360000 Federal State Budgetary Academic Institution Institute for the Humanities research KBR Government and KBSC of the Russian Academy of Sciences

СОДЕРЖАНИЕ

история. Этнология

Бгажноков Б.Х. Аффилиативные свойства ритуалов	7
Дзагов Р.Н. Русское население Кабарды: опыт экономической и культур-	19
ной адаптации и интеграции в XIX – начале XX в	19
цев Дагестана во второй половине XIX в.	27
<i>Цаллагова 3.Б.</i> Всеволод Миллер – исследователь этнографии осетин <i>Агларов М.М.</i> Межэтнический мир – историческое достояние народов	35
Дагестана	43
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР	
<i>Тимижев Х.Т.</i> Литература адыгской диаспоры на пороге нового времени	47
Шакова М.К. Малые жанры адыгской (кабардино-черкесской) прозы	54
ЛИНГВИСТИКА	
<i>Бижоев Б.Ч.</i> Псалъалъэм ихуэн хуей псалъэхэр къыхэхыным ехьэлIа Іуэхугъуэхэр	64
<i>Гузеев Ж.М.</i> О причинах и степени лексикализации падежных форм в тюркских языках	75
Гукетлова Ф.Н., Кумыкова (Гучапшева) Э.Т. Зооморфизмы как когнитивные операции формирования языковой картины мира (на материале кабардино-черкесского, французского и русского языков)	80
Токмакова М.Х. Слово гу 'сердце' в эмотивной лексике кабардино-чер-кесского языка	84
<i>Хежева З.Р.</i> Категория наклонения в современном адыгском языкознании (к историографии вопроса)	89
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Базиева Г.Д. Идентичность в системе современной культуры	96 102
Сведения об авторах	110

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

Bgazhnokov B.H. The affiliative properties of the rituals	7
Dzagov R.N. Russian population in Kabarda: experience of economic and	
cultural adaptation and integration in the XIX th – the early XX th centuries	19
Magomedsalikhov H.G. Transformation of social relations in Dagestan	
mountaineers during the second half of the XIX century	27
Tsallagova Z.B. Vsevolod Miller – the researcher of the Ossetian ethnog-	
raphy	35
Aglarov M.M. Interethnic peace – historical asset of the Dagestan peoples	43
LITERARY CRITICISM. FOLKLORE	
Timizhev H.T. Circassian diaspora literature on the threshold of a new time	47
Shakova M.K. Small genres of Adyghe (Kabardian-Circassian) prose	54
LINGUISTICS	
Bizhoyev B.Ch. On the problem of national dictionary glossing	64
Guzeev ZH.M. About the reasons and degree of case forms' Iexicalization in	
turkic Ianguages	75
Guketlova F.N., Kumykova (Guchapsheva) A.T. Zoomorphism as a cognitive process of linguistic world image formation (based on the Kabardian-Cir-	
cassian, French and Russian languages)	80
Circassian language	84
riography)	89
CULTURAL STUDIES	
Baziyeva G.D. Identity in a modern culture system	96
Appaeva Zh.M. Art critics sources in Kabardino-Balkaria	102
The authors of this issue	112

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

УДК 392.7 (=352.3)

Б.Х. Бгажноков

АФФИЛИАТИВНЫЕ СВОЙСТВА РИТУАЛОВ*

В практике социальной самоорганизации традиционного адыгского общества важное место занимали обычаи и нормы, блокирующие различные формы и проявления вражды и насилия. Это, так называемые аффилиативные ритуалы. Они, как показано на конкретных примерах из культурной истории Черкесии, позволяли преодолеть конфликт, изменяя позиции и роли противостоящих сторон, вовлекая людей в отношения сотрудничества, взаимного признания и уважения.

Ключевые слова: феодализм, ритуализация конфликтов, этикет, этическая рационализация, аффилиативные ритуалы, конфликт.

Ритуал важен, прежде всего, как событие, санкционирующее и знаменующее переход к новому способу культурной самоорганизации. Исполненный в составе какого-либо стандартного коллективного действия, он расширяет границы наличного соционормативного пространства, привносит в отношения между людьми, в их ожидания, в их действия по отношению друг к другу дополнительные значения и смыслы. В традиционном черкесском свадебном обряде, к примеру, существует ритуал снятия кончиком стрелы фаты невесты — xымех ^{1} . Он является одновременно и актом установления искусственного родства между невестой и юношей, которому предоставляется честь исполнить столь ответственный ритуал. Юноша, снявший фату, считается с этого времени названным братом новобрачной. Принципиально иными, более теплыми и близкими становятся, под влиянием данного события, отношения между их родителями, между всеми родственниками с той и другой стороны.

В условиях ссоры, вражды, какого-либо серьезного противостояния и конфликта, такие ритуалы, назовем их аффилиативными (объединяющими, сближающими), специально, иногда в срочном порядке привлекаются, чтобы снизить накал страстей, блокировать насилие. Вспомним, ставший хрестоматийным для рассказов о кавказских обычаях и нравах, пример вбрасывания девушкой своего платка между сражающимися джигитами. Тем самым в процесс выяснения отношений с применением насилия, вовлекается новое этически и идеологически нагруженное событие или контрсобытие. Смысл и назначение подобной инициативы — остановить сражение, что, собственно, и происходит, и рассматривается как проявление уважения к девушке, к женскому полу в целом.

Речевым выражением и дополнением этого обычая, а вместе с тем и почитания (своего рода, культа) женщины, является у черкесов формула *Щыхубз пшэрыхь* (шыпщэрыхь) хущанэ — букв. «Женщине добычу оставляют». Она возникла изначально в период матриархата под влиянием нормы, согласно которой наездники отдавали (оставляли) часть своей добычи известным красавицам или пожилым уважаемым женщинам аула. Затем выражение *Щыхубз пшэрыхь хущанэ* стало обозначением, строгим напоминанием необходимости рыцарского уважения слабого

^{*} Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект «Традиция, обычай, ритуал в культурной истории адыгов».

пола, магически действующим на каждого мужчину. На первый план выступает здесь уже не буквальное, а смысловое, духовно-нравственное содержание высказывания, его побудительная сила. Формула, возникшая как отражение социально-экономических реалий древности, ассоциируется теперь с приказом, с категорическим императивом предельно общего характера: «Для женщины сделай все, что в твоих силах», «Просьба женщины – закон для мужчины». В соединении с прикосновением к платку или с его сбрасыванием такое напоминание побуждает мужчин к неукоснительному исполнению любой просьбы, исходящей от женщины².

Иллюстрацией сказанного может служить событие, очевидцем которого стал, по нашим сведениям, Гузер Афаунов (1892 г.р.), житель селения Верхний Куркужин:

«В 1932 году, – рассказывает Гузер, – в нашем селе один парень похитил (умыкнул) девушку. Родственники девушки отняли (отбили) ее у него и вернули в дом. И хотя при этом никто никого не убил и не поранил, два этих рода (род девушки и род парня) стали врагами. Тогда три женщины из рода «жениха» пришли в дом девушки и, сняв платки, сказали: «Просьба женщины – закон для мужчины (*Шыхубз пшэрыхь хущанэ*). Отдайте нам свою дочь и на этом закончим нашу вражду». Хозяевам дома не оставалось ничего иного, как исполнить просьбу женщин. Таким образом, два рода помирились и породнились»³.

С таким же или аналогичным эффектом функционировали и некоторые другие обычаи и ритуалы аффилиативного свойства. К примеру, чтобы прекратить вражду, закрепить мир и дружбу, можно было выпить чашу традиционной бузы (махсыма), предварительно бросив в эту чашу какое-либо серебряное или золотое изделие (кольцо, монету и др.). Иногда вместо серебра в чашу с напитком добавляли по несколько капель своей крови. Считалось, что в этом случае исполнители ритуала стали братьями, закрепили свое примирение и дружбу родством (искусственным родством)⁴, что напоминает известный на всем Кавказе механизм так называемой молочной адопции⁵, успешно использовавшийся для примирения кровных врагов. Убийца человека прокрадывался или (договорившись через посредников заранее) открыто являлся к матери убитого и припадал как младенец к ее груди. Считалось, что после этого он становился молочным сыном этой женщины, фактически заменял ей убитого сына и на этом конфликт заканчивался, так как преследование и убийство молочного сына рассматривалось как тяжкое и неслыханное преступление.

Процедура примирения через установление молочного родства описана Хан-Гиреем в его рассказе о хейгакском князе Канбулате. В одном из сражений он убил сына влиятельного жанинского князя Хакушмука. Несмотря на это, в трудную минуту Канбулат ищет покровительства влиятельных жанинцев, используя для достижения своей цели законы гостеприимства и ритуал установления молочного родства. Как только в малую кунацкую, где остановился Канбулат, вошла княгиня (жена Хакушмука), убийца ее сына бросился к ней, и, прижавшись к ее груди, сказал: «Будь моей восприемной матерью!» Хан-Гирей описывает эмоции, преодолевая которые, действует княгиня в столь сложной для нее ситуации:

«Тут только княгиня разглядела гостя и узнала в назвавшемся сыне Канбулата, убийцу ее родного и единственного сына. Княгиня вначале испугалась, потом прогневалась, но, уступив законам гостеприимства, согласилась взять его под свою защиту, и, позвав одного из верных слуг своих, приказала поместить Канбулата в безопасном месте»⁷.

Оставаясь верной традиции и своему слову, княгиня через старшин народа, сообщает о случившемся мужу и убеждает его отказаться от кровной мести. В дальнейшем она относится к Канбулату, как к сыну, помогая ему во всех его делах.

Механизм замещения кровной мести молочным родством был распространен на всем Кавказе⁸. Например у осетин, по словам А.Х. Магометова, в обычае установления молочного родства убийца видел едва ли не единственное средство спасения и прекращения кровной мести. «Он проникал в дом потерпевшей семьи и добивался любым способом ... прикосновения губами к груди (соску) матери

убитого. Если ему удавалось добиться этого, то он уже считался усыновленным и заступившим место убитого»⁹. Такое же значение имел этот ритуал у чеченцев и ингушей, ср.: «Единственным средством избавиться от мести являются приобщение убийцы к культу семьи убитого. Убийца тайком пробирается к матери убитого и, с ее согласия или при помощи насилия, прикладывается губами к ее груди. После этого он становится молочным братом убитого, т.е. роднится с ним и таким образом избавляется от мести как член того же рода»¹⁰.

В Черкесии и Абхазии прекращение кровной вражды через установление молочного родства практиковалось во всех областях, среди всех слоев общества¹¹.

В Кабарде в начале XVII века этим обычаем воспользовался Хатажуко Казиев. Согласно документальным данным, в 1625 году в борьбе за власть он убил Шужея Жансохова¹². Согласно другой более достоверной версии, Хатажуко Казиев только ранил Шужея, а убил влиятельного князя не Хатажуко, а его уздень Плишуко¹³. В любом случае основная тяжесть совершенного преступления ложилась на плечи Хатажуко, что ставило его в весьма затруднительное положение. По преданию, больше всего опасался он мести Кундетовых, один из которых был воспитателем (аталыком) Шужея. Поэтому важно было нейтрализовать прежде всего влиятельный род Кундетовых, и сделать его союзником в переговорах о примирении с Жансоховыми. По просьбе Хатажуко, мужчина из рода Халишховых тайком завез его во двор Кундетова – воспитателя Шужея. Прокравшись к княгине Кундетовой, вскормившей своим молоком Шужея, Атажукин припал к ее груди со словами: Алыхым сырихьэщ/эщ, сывихьэщ/эщ - «Я гость Аллаха и Ваш гость». Раздосадованный случившимся, один из сыновей Кундетова, не сдержавшись, выстрелил в Хатажуко, но промахнулся. Несмотря на этот инцидент, сила обычая взяла все же верх: убийца Шужея еще целый месяц, пока не улягутся страсти, находился у Кундетовых уже как гость, ищущий защиты от преследователей, а также как молочный сын княгини¹⁴. В конце концов, это помогло ему избежать неминуемой гибели от рук своих кровников.

Как видим, молочное родство становится субститутом кровной мести, событием, в корне меняющим восприятие конфликта и роли его участников. Надо думать, в какой-то мере в таких случаях выигрывала и потерпевшая сторона. Подчиняясь ритуалу и вновь возникшим обстоятельствам, родственники убитого или раненного освобождались от необходимости кровомщения, от многолетней, изнуряющей вражды кланов.

Своеобразным продолжением и дополнением молочной адопции является нейтрализация кровной мести аталычеством. Для этого убийца – канлы (къанлы) – разными путями – через похищение или открыто, через посредников, привозил в свой дом и усыновлял (становился аталыком) одного из мальчиков, принадлежащих семье или роду убитого. В течение ряда лет канлы воспитывал усыновленного ребенка по всем правилам народной педагогики, и торжественно, с дорогими подарками возвращал родителям. Тем самым по отношению к воспитаннику он приобретал статус аталыка или названного отца, который в системе родства черкесов был не ниже, а в некотором отношении даже выше статуса родного отца. После этого виновник трагедии уже никак не мог быть объектом кровной мести и отсюда название усыновленного им мальчика: пъыщіэжыпщіэкъан¹⁵, что означает «воспитанник, компенсирующий кровную месть» («за кровь воспитанный»).

В любом случае основанием для примирения предлагается считать тот факт, что убийца становился в то же время воспитателем (то есть вторым или названным отцом) ребенка, взятого на воспитание из рода убитого или раненого им человека. Обычай кровной мести не распространялся на отношения между родственниками, независимо от того, является ли это родство кровным, генетическим или искусственным.

Происходит, иначе говоря, своего рода субституция, выражающаяся в том, что обычай кровной мести замещается, смягчается обычаем аталычества, устанавливается искусственное родство между родом обидчика и потерпевшего. Цель этой акции вполне ясна — примирить враждующие стороны, сделать дальнейшее продолжение вражды невозможным. Акцентируя внимание на этом, И.Ф. Бларамберг писал, что у адыгов, и особенно в среде феодальной знати, «кровная месть передается от отца к сыну, от брата к брату и тянется до бесконечности, пока не будет найден способ примирить оба враждующих семейства. Лучший способ прийти к этому — это чтобы обидчик выкрал ребенка из семьи пострадавшего, взял его к себе в дом до возмужания. После того как ребенок возвращен в родительский дом, все старые обиды обрекаются на забвение с помощью двухсторонней клятвы» В целом подобная инициатива воспринималась как сложный акт примирения с потерпевшей стороной, как своего рода компенсация за тяжелое ранение или убийство. Обычно такое усыновление и воспитание дополняло уплату цены за кровь — льыуасэ и закрепляло примирение сторон.

В целях прекращения вражды и примирения кровных врагов исполнялись и другие ритуальные действия, происхождение которых не всегда удается восстановить и объяснить. Например, в Восточной Кабарде практиковался ритуал, известный под названием жьак зумс ээк зуж — букв. «примирение через бритье бороды». Он исполнялся в доме потерпевшего как центральное звено обряда примирения. В присутствии родственников с той и другой стороны, убийцу, который приходил обязательно небритым, сажали на стул и затем сын или брат убитого брил ему бороду или голову 19.

Существует и другая версия данного ритуала, согласно которой обидчик и потерпевший поочередно брили друг другу не бороды, а головы. Вот как передал нам эту версию Жансит Кабардов из селения Нижний Акбаш:

«Почетные лица из рода обидчика и сам обидчик входили во двор потерпевшего без оружия, без традиционного пояса, с обнаженными головами, держа шапку обязательно в левой руке. Их встречали, предупрежденные заранее, родственники потерпевшего. После обмена краткими и сдержанными приветствиями (без рукопожатия) договаривались об условиях примирения. Затем наступал кульминационный момент примирения. Приносили принадлежности для бритья, кровники пожимали друг другу руки, обидчик надевал свою шапку и, сняв шапку с потерпевшего, брил ему голову. Затем, то же самое проделывал потерпевший с обидчиком. Покончив с этим, обидчик принимал от кого-либо из хозяев чашу с махсымой, кто-либо из присутствующих бросал в нее золотое кольцо или монету; не спеша, с большим достоинством обидчик и потерпевший поочередно выпивали содержимое чаши и обнимались»²⁰.

Самое простое объяснение, которое очевидцы обычно дают данному ритуалу чисто психологическое: мужчины, совершающие ритуал бритья бороды или головы, несмотря на то, что они кровные враги, не убивают и не режут друг друга оружием, находящимся в их руках. Вместо этого они используют это оружие для срезания волос друг друга, то есть демонстрируют терпение и выдержку, готовность соблюдать условия мирного соглашения²¹.

Аналогичные объяснения аналогичных ритуалов можно встретить и в других областях Кавказа. Так, в Дагестане «по общепринятому этикету канлы должен был подходить на коленях к самому близкому родственнику убитого и вручить нож в знак того, что, мол, твоя воля лишить меня жизни или нет»²². У каратинцев, по словам С.А. Лугуева, канлы подходил к родственникам убитого «без головного убора, босой, с саваном через плечо и с кинжалом или саблей в левой руке»²³.

Однако, по всей вероятности, каждое действие в составе данного обряда имело кроме того определенное магическое значение и обоснование. В частности, магическое значение мог иметь реквизит ритуала: волосы соперника, металлический предмет. Как сказано выше, согласно традиционным верованиям, связанным

с практикой заключения мира (приведения к присяге), каждая вещь, используемая для совершения обряда примирения, обладала потенциальной силой, способной нанести вред человеку, преступившему какой-либо пункт перемирия. Стоило только задать этой вещи такое направление. Считалось, что, овладев волосами другого человека, при желании можно было вызвать у него тяжелую болезнь. Металлический предмет мог превратиться в орудие, которое нанесет изменнику тяжелую рану или смертельный удар. Таким образом, мы имеем здесь своего рода пророчество беды, гарантию расправы над тем, кто нарушит условия примирения.

Другой, еще более уникальный и сложный ритуал примирения включал в себя разламывание стрел у стен Верхнего Джулата (Татартупа), на левом берегу реки Терек. Ш.Б. Ногмов описывает этот ритуал следующим образом:

«Если между союзниками или друзьями случалась ссора или нарушение слова, то оба отправлялись к жулату с луком и стрелами. По прибытии туда, они становились один против другого, брали стрелу за концы и давали обещание, что между ними впредь никакой ссоры не будет; потом разламывали ее надвое и возвращались восвояси. Этот обряд назывался жулат»²⁴.

Сломанные стрелы в данном случае символизировали мир и прекращение вражды перед лицом предков, погребенных вблизи Татартупа. И это снова подтверждает мысль о том, что авторитет каких-либо лиц, вещей или идей был необходимой составной частью аффилиативных ритуалов, в том числе ритуалов клятвы или присяги. Объект, именем которого клянутся — это всегда своего рода залог или гарант верности данному слову или обязательству. Если в ритуале у стен Джулата в этой роли выступала святость места и символические действия, связанные с культом железа, то в ритуале питья махсыма из одной чаши первостепенное значение придавалось сближению через напиток, очищенный и освященный серебром, золотом или кровью. Никто не сомневался, что люди, предметы, явления, которыми оперируют участники подобных ритуалов, обернутся против тех, кто нарушит условия соглашения.

Решающее значение в данном случае имело магическое обоснование причинно-следственных связей. Если происходит клятвопреступление или измена, залог верности взятому на себя обязательству становится опасным, губительным²⁵. Нарушителя клятвы, как было замечено, ожидала кара богов, предков, напитка (через отравление), стрел, мечей — всех объектов, используемых в качестве залога верности заключенному соглашению или союзу. Столь же губительно может действовать даже материнское молоко, в том числе и «молоко» приемной матери. «Оно обладает, по народному поверью, неоценимой громадной силой и имеет свойство «сжигать» того, кто нарушил его святость»²⁶.

Все это свидетельствует о богатстве и своеобразии символического языка аффилиативных ритуалов. Каждый элемент данного языка, так или иначе, подчинен одной главной задаче — блокировать насилие, устранить взаимное недоверие и напряженность в отношениях людей. В ситуациях жесткого, непримиримого противостояния «эксплуатация» и «трансплантация» аффилиативных ритуалов позволяют ослабить остроту враждебных чувств, прийти к компромиссу и согласию с меньшими или минимальными материальными, физическими, моральными потерями. В обычном, повседневном общении в этой роли выступают так называемые сентоны — различного рода этикетные действия (добрая улыбка, радушное приветствие, примирительное рукопожатие, извинение, благодарность), помогающие восстановить добрые отношения, снять или ослабить возникшую напряженность. Для разрешения серьезных конфликтов, чреватых применением жестких форм насилия, используются, как показывает опыт феодальной Черкесии, более сложные, специально выделенные механизмы ритуализации.

В числе этих механизмов, частично упомянутых и описанных выше, особенно важное место занимали обычаи гостеприимства и покровительства. Известно,

что по сложившейся в Черкесии и на всем Кавказе традиции, хозяин — *бысым* обязан был оказывать гостю — *хьэщІ*э содействие во всех его делах. Если гость, скрываясь от преследователей, приходил с просьбой о покровительстве, хозяин обязан был сделать для него все, что в его силах, вплоть до защиты с оружием в руках. Пользуясь этим, люди, совершившие преступление или заподозренные в нем, поселялись в кунацкой какого-либо могущественного феодала (в Кабарде у Кундетовых, Анзоровых, Атажукиных и др.), полагаясь на их защиту и посредничество в урегулировании конфликта. В Кабарде этот обычай получил название *хьэщІэ зэхуэщІын* или *хьэщІапІэ екІуэлІэжын*, что в буквальном смысле этих слов означает: «сделаться гостем», «отбыть в прибежище для гостя»²⁷. В еще большей степени такая форма защиты и покровительства, получившая в этнологии название патроната²⁸, была распространена в Западной Черкесии. Хан-Гирей в повести «Бесльний Абат» подробно рассказывает о происхождении и всех деталях куначества-патроната:

«Человек, совершивший преступление, следовательно, опасающийся преследования или, желающий на всякий случай обеспечить себя защитой сильного, является к такому-то лицу, покровительство которого может доставить ему желаемую защиту и помощь, и, коснувшись рукою полы его платья, произносит: «Отдаюсь под твое покровительство» и прочее. После этого коренные обычаи, т.е. законы черкесские уполномочивают, скажу более, обязывают покровителя вступаться во всяком случае за предавшего его защите. Ни тот, ни другой тут ничего не теряют; напротив того, оба в выигрыше: покровительствуемый приобретает сильную подпору, а покровитель, в случае обид, нанесенных его клиенту, имеет право взыскивать значительный штраф, право, которое должно почитать одним из важнейших преимуществ князей и они пользуются им с особенной готовностью»²⁹.

Преследуемый кровниками, гость мог находиться под защитой хозяина, по обычаям гостеприимства, от нескольких дней до нескольких месяцев и года. Тем временем феодал предпринимал действия, направленные на урегулирование конфликта, привлекая для переговоров с потерпевшей стороной почетных старших и служителей культа. Если, несмотря на все усилия, покровителю (бысыму) не удавалось помирить враждующие стороны, он вынужден был выбирать один из двух других вариантов поведения.

Первый вариант — вежливо объяснить или намекнуть своему «постояльцу», что не в силах обеспечить ему полную безопасность³⁰. В этом случае гость, поблагодарив бысыма, защитившего его от врагов и преследователей, находил другого покровителя, либо, опасаясь быть убитым, покидал Родину.

Второй вариант, более предпочтительный для покровителя, — социальная адопция, то есть принятие беглеца и его семьи на постоянное жительство в свой аул или в один из своих аулов. В последнем случае покровитель одаривал беглеца землей и имуществом соответственно его положению и званию. Дворянину в этом случае представлялся бенефиций, именуемый уэркъ тын — букв. «дарение уорку», а в русских документах известный под названием «узденьской дани» Помимо земельного участка покровитель-сеньор одаривал беглого уорка-вассала боевым конем, оружием, доспехами, определенным числом (в зависимости от степени) крепостных и домашнего скота 32.

Вообще переходы вассалов-дворян к другим сюзеренам-князьям были в Черкесии обычным явлением. Вспомним в данной связи переход знаменитого философа Жабаги Казаноко от князя Мисоста Атажукинской фамилии к князю Кайтука Бекмурзиной фамилии. Причину своего поступка Жабаги объяснил в свойственной ему афористической манере: *Мысостизэ яфІыр ябийщ, ябийр яфІщ* — «У Мисостовых в друзьях их враги, во врагах их друзья». Тем самым, Жабаги подчеркивал, что уходит от Мисостовых, заигрывавших с Крымом, оставаясь верным России, русско-кабардинскому военно-политическому союзу, — то есть по соображениям большой политики.

Но, переход в связи с необходимостью избежать кровной мести это особый случай, связанный в первую очередь со стремлением сохранить свою жизнь и жизнь своей семьи. Дворянин в этом случае становился беглым, бесправным рыцарем, по существу преступником – абреком. Поэтому многое зависело от того, насколько удачным, правильным будет с его стороны выбор сюзерена – покровителя. Если какой-либо сильный и влиятельный князь соглашался сделать его своим вассалом, предоставив бенефиций, то это означало восстановление дворянина во всех его правах. Без каких-либо серьезных последствий уже никто не мог мстить ему, преследовать его семью. По обычному праву он уже не считался преступником, обыкновенным убийцей.

Вот почему в упоминавшемся выше инциденте уздень Хатажука Казиева — Плишуко (по уточненным данным настоящий убийца Шужея Жансохова), в качестве своего патрона избирает могущественного князя Шолоха Сунчалеевича, фактического властителя Терского города. Понятно также, почему князь Кельмамет Куденетов (тесть родного брата Шужея — Урускана) просит царя Михаила Федоровича Романова «взять» Плишука у князя Шолоха и отдать ему³³. Другими словами, Кельмамет просит царя лишить Плишука статуса неприкосновенности, полученного в результате перехода на службу к князю Шолоху Сунчалеевичу. Он желает получить дворянина Плишуко в свое распоряжение, чтобы его зять Урускан мог беспрепятственно расправиться с убийцей князя Шужея и, таким образом, отомстить за своего брата Шужея.

Однако едва ли Шолох Сунчалеевич согласился отдать своего дворянина. Со своей стороны, Плишуко, сознавая шаткость своего положения, по всей видимости, всячески пытался понравиться Шолоху и выслужиться перед ним. Заметим, в этой связи, что всякому черкесскому владельцу нужны были такие дворяне. Готовые ради сохранения своего статуса и жизни исполнить любое приказание нового господина, беглые люди служили князю с особым рвением и часто становились для него самыми надежными и близкими людьми. Типичной в этом отношении является история Мезакошевых из кабардинского селения Старый Черек. Согласно сведениям Шолоха Мезакошева (1890 г.р.), его предки, совершив убийство одного из князей Татлостановых, скрывались в глухих лесах и поэтому получили фамилию МэзщІэкІуасэ - «Сбежавшие в лес». Затем они вышли из леса и, отдавшись под покровительство и защиту князей Докшоковых, поселились в его ауле³⁴. Мезакошевы вошли в доверие своему покровителю и стали аталыками многих сыновей и дочерей Докшоковых. А один из князей Докшоковых, по имени Али нашхъуэ стал, кроме того, молочным братом Шолоха, то есть произошло усыновление покровителя - обычай, который встречается только на Кавказе, у абхазоадыгских народов и в этом смысле является уникальным, о чем пишет Я.С. Смирнова в статье «Усыновление покровителя»³⁵.

Как следует из всего вышеизложенного, различные формы адопции были выгодны как покровителю, так и покровительствуемому. Благодаря традициям куначества-патроната князья и знатные дворяне расширяли свою клиентелу. Обращая на это внимание, В.К. Гарданов подчеркивал, что форма куначества-патроната «скрывала за собой феодальные отношения, аналогичные тем, которые складывались в средневековой Европе в результате акта коммендации» 36. Аталычество и молочное родство еще больше усиливали эти отношения. В любом случае это способствовало увеличению числа людей, с которыми был связан феодал прочными узами благодарности, верности или родства 37. Поэтому объективно, что каждый владелец был заинтересован в таком развитии событий и редко когда (лишь в самом крайнем случае) отказывал в своей защите и в своем покровительстве. Заботясь не только о судьбе клиента и его семьи, но также и о собственной репутации и выгоде, феодал стремился сделать все возможное, чтобы сохранить не только жизнь своего подопечного, но и его статус, положение в обществе.

С обычно правовой точки зрения, достаточным считалось для этого поселение беглеца во владениях князя, сопровождаемое исполнением необходимых для этого формальностей. Но сверх того, покровитель мог инициировать примирение своего клиента с его преследователями и кровными врагами. Для достижения этой цели он привлекал к переговорам самых авторитетных жителей округи, в том числе священнослужителей. После договоренностей, достигнутых в ходе переговоров, покровитель мог через посланников пригласить к себе в дом представителей враждующих родов для совершения обряда примирения.

Судя по сообщениям информантов, в конце XIX – начале XX вв., это была стандартная, хорошо отработанная процедура, применявшаяся во всех подобных случаях. Обычно от каждого рода прибывало по 10–15 мужчин – безоружных, не подпоясанных даже ремнем. Первыми заходили потерпевшие; покровитель заводил их во двор и выражал соболезнование³⁸. Затем входили представители виновной стороны. Сняв в знак смирения и признания вины свои шапки, они становились напротив группы потерпевших. Старший из числа делегации или специально избранный авторитетный и красноречивый представитель группы выдвигался и шел впереди. Обычно это был сельский мулла или какой-либо другой служитель культа. В Кабарде и повсеместно во всей Черкесии мужчину в этой роли называли жы Гак Гуэ — термин, буквальное значение которого целиком совпадает с первичным значением (внутренней формой) английского слова «спикер». Рассказывают, что иногда для демонстрации сожаления и раскаяния этот «спикер» подходил к группе потерпевших то падая на колени, то вновь вставая на ноги³⁹.

Обращаясь к родственникам убитого, *жы Iак Iуэ* выражал искреннее сожаление о случившемся, а затем от имени всего рода виновника просил у потерпевших прощения. Обычно эти высказывания имели своеобразное философское обрамление — рассуждения о том, что никто не застрахован от подобных бед и несчастий, что они случались и раньше, будут вероятно и в будущем, что на все воля Аллаха, что надо смириться и думать о поддержании мира и порядка в общине.

Выслушав жы laкlyэ, старший в группе потерпевших давал согласие на примирение и все заканчивалось ритуалом «совместной трапезы» — шыгъу-пlастэ зэдэшх и пожатием друг другу рук. Пишу для исполнения данного ритуала приносили с собой виновные. Один из младших в их группе подавал чашу с традиционным напитком махсыма, другой держал наготове хлеб и соль. Все отпивали из чаши стоя, по старшинству, пуская напиток по кругу. Затем закусывали хлебом, макая его в соль. Можно было ограничиться и «совместной трапезой» двух старших от каждой группы, после чего стороны пожимали друг другу руки и расходились 40. Ритуал «совместной трапезы» и в этом случае совершался стоя, сесть за стол никого не приглашали.

Известно, что такие церемонии, не отменяя сами по себе уплаты цены за кровь, выполняли важную для примирения задачу. Они создавали символическое поле согласия и компромисса, на фоне которого становился приемлемым вариант денежной компенсации взамен кровной мести в ее наиболее жесткой форме, предписывающей убийство виновного. В начале XX в. в Кабарде цена крови могла включать: 1) за убийство – верховую лошадь и 100–300 руб. деньгами, 2) за ранение – оплату расходов на лечение, и кормление посетителей, приходящих проведать раненного и принять участие в обряде «ухода за раненным» – *щІопщакІу*э.

С различными вариациями и дополнениями такой порядок примирения действовал и в тех случаях, когда о примирении договаривались без использования механизма гостеприимства — прибегая к помощи третейских или медиаторских судов. Примирение совершалось во дворе потерпевших, куда приходила группа виновных. Затем все происходило примерно в том же, описанном выше, порядке.

* * *

Аффилиативные ритуалы, как мы убеждаемся, проводят этически выверенные границы возможного и невозможного поведения. Устанавливая и поддерживая конструктивные, взаимно приемлемые и выгодные социальные связи и отношения, они помогают людям с честью выйти из какой-либо сложной, неловкой, конфликтной ситуации. Этой задаче подчинена идеология и повседневная практика ритуализации конфликтов.

Обычно под конфликтом понимают противоречие, возникающее между субъектами социального взаимодействия: между отдельными личностями, малыми и большими группами. Что же касается ритуализации конфликтов, то это, как показывает опыт, внутренняя активность общества и личности, призванная установить символический порядок преодоления и разрешения противоречий. Как видно из приведенных выше примеров, в таких случаях вместо прямого, спонтанного или импульсивного реагирования на событие, вызвавшее конфликт, на первый план выступают и исполняются особого свойства ритуалы, задача которых изменить позиции и роли противостоящих сторон, вовлечь их в отношения сотрудничества, взаимного признания и уважения.

При этом особенно ярко и в полном объеме обнаруживают себя этико-эстетическая и эвристическая функция и ценность аффилиативных ритуалов. Внедряясь в ткань конфликтов, они обязывают действовать в соответствии с исторически сложившимися представлениями о чести, благородстве, мужестве, — действовать, подчас, в ущерб своим личным эгоистическим интересам, преодолевая гордыню, страх, инстинкт самосохранения. Учитывая интересы и, сближая позиции людей, ритуализация конфликтов устраняет барьеры взаимного недоверия, ненависти, вражды. Она «облагораживает» общество и общественную жизнь, становится способом перехода от «варварских» средств и приемов взаимодействия к цивилизованным.

Разумеется, не каждый ритуал был способен произвести такой эффект. Поэтому всегда оставалась проблема рационального выбора — выбора наилучшей модели разрешения конфликта. Со всей очевидностью следует из сказанного, что преодолению конфликтов способствуют не ритуалы сами по себе, а прежде всего их гуманистическое содержание и умелое, удачное использование в нужный момент в нужном месте. При соблюдении этих условий ритуализация конфликтов неизбежно снижает агрессию и отводит угрозу эскалации конфликта, хотя не всегда и не в полном объеме снимает имеющееся противоречие. По отношению к исходному событию, вызвавшему, спровоцировавшему противоречие и вражду, аффилиативный ритуал выступает как своего рода контрсобытие, направляющее мысли и действия участников конфликта в позитивное русло. Другими словами, ритуализация и этическая рационализация отношений порождает новое и принципиально иное восприятие и измерение конфликта, сдерживает агрессию, противостоит эскалации насилия.

Происходит, иначе говоря, существенное изменение условий и обстоятельств социального взаимодействия. Ситуация обязывает критически оценить и пересмотреть свои позиции и роли в конфликте, прежние, ориентированные на жесткое противостояние, планы и структуры поведения.

Понятно, что речь идет об универсальном механизме регулирования социальных связей. В каждом обществе складываются специфические образы и оценки конфликтов, своя, приспособленная к этим условиям система символических средств и приемов их преодоления. Разрешение конфликтов через ритуал богато и разнообразно представлено в истории и традиционной культуре всех народов и повсюду это игра с определенными, порой очень сложными правилами и ограничениями. История черкесов в этом плане не исключение. Более того, она весьма показательна и поучительна, как пример последовательного ограничения или

смягчения так называемого кулачного права, как специфический набор средств и приемов сближения позиций, подавления агрессии и укрепления доверия. В этом, собственно, и состоит общекультурный, гуманистический смысл ритуализации конфликтов.

Используемые для этого общепризнанные обычаи, ритуалы, заповеди запускают и поллерживают новые, альтернативные механизмы преодоления противоречий, когда место одного поведенческого кода и сценария развития событий (жестокого, бескомпромиссного) занимает другой, позволяющий выйти из конфликта с меньшими потерями, сохранив лицо, не считая себя проигравшей стороной, получив важную символическую, моральную компенсацию ущерба. Моральная победа, возможность найти компромисс и действовать с учетом общих интересов, не обостряя отношений, выдвигается в этом случае на первый план. Ситуация кровной мести в этом смысле особенно показательна. Несмотря на то, что по обычному праву возмещение ущерба через уплату цены крови было обязательным, в глазах общественного мнения оно никогда не ставилось во главу угла. Точно также и родственники убитого или раненного не считали получение компенсации в виде денег и имущества своей главной задачей. Отсюда устойчивое выражение: «За счет получения цены за кровь не разбогатеешь» – Π ъыуасэм къулей урихъунукъым⁴¹. Гораздо важней было получить моральную компенсацию, защитить и сохранить свою семейную и родовую честь, честь и репутацию настоящего черкеса адыгэ щыпкъэ, что достигалось лучше всего за счет ритуализации конфликтов, в ходе этико-эстетической рационализации отношений.

В истории нет ничего простого. Ритуализация конфликтов, связанное с этим моделирование ситуаций с включением механизмов позитивного мышления, является составной частью экзистенциального поиска, в котором находилась Черкесия, все горские народы Кавказа. Этот процесс шел в ногу с общей тенденцией развития феодального общества, создавая ощущение справедливости и гармонии социальных связей и отношений, облагораживая внутреннее пространство личности. Отрицание и приуменьшение важной роли этикета и аффилиативных ритуалов в этом процессе искажает, фактически уничтожает культурную историю адыгов, преемственность средств и приемов этической рационализации отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Шкахова Х.Ц., 1909 г.р., Зеюко, Карачаево-Черкесия.
- 2. См. об этом: *Бгажноков Б.Х.* О структуре и функции паремии «ЦІыхубз пшэрыхь хущанэ» // Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1981.
- 3. Афаунов Г.Г., 1892 г.р., Верхний Куркужин, Кабардино-Балкария; См. также: Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 14 а. Пасп. № 4.
- 4. Тяжгов Л.П., 1894 г.р., Кахун, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 3. Пасп. № 3.
- 5. Термин, предложенный Я.С. Смирновой. См.: *Смирнова Я.С.* Усыновление покровителя // Советская этнография. 1984. № 2. С. 87–92.
  - 6. Хан-Гирей. Избранные произведения. Нальчик, 1974. С. 214.
  - 7. Там же.
- 8. *Ладыженский А.М.* Очерки социальной эмбриологии. Ростов-Дон, 1927. С. 166.
- 9. *Магометов А.Х.* Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.). Орджоникидзе, 1974. С. 150.
  - 10. Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004. С. 104.
- 11. О роли аталычества и молочного родства в преодолении конфликтов кровной мести в Абхазии см.: *Инал-Ипа Ш.Д.* Черты старотрадиционной семейно-

бытовой и социальной жизни абхазов // *Инал-Ипа Ш.Д.* Труды. Материалы и исследования по вопросам исторической этнографии абхазского народа. Сухуми, 1988. С. 53–188.

- 12. Кабардино-русские отношения. М., 1957. Т. 1. Док. № 71. С. 110.
- 13. Кабардино-русские отношения. Т. 1. Док. № 105. С. 155.
- 14. Мамбетов Х.Т., 1884 г.р., Чегем II, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 13. Пасп. № 2.
- 15. *Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882. С. 437; *Дубровин Н.* Черкесы // История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 223.
- 16. *Шериева Н.Г.* Понятия «лъы щ эжын» и «лъы уасэ» // Исторический вестник. Нальчик, 2005. Вып. 1. С. 342.
- 17. *Меретуков М.А.* Усыновление у адыгов в XIX веке // Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института. Этнография. Майкоп, 1968. Т. 8. С. 296.
  - 18. Бларамберг И.Ф. Кавказская рукопись. Ставрополь, 1992. С. 393.
- 19. Шарданов А., 1900 г.р., Шаов М., 1896 г.р., Нижний Куркужин, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Фонд 10. Оп. 1. Ед. хр. 14а. Пасп. № 13.
  - 20. Кабардов Ж.Дж., 1907 г.р., Нижний Акбаш, Кабардино-Балкария.
- 21. Тяжгов Л.П., 1894 г.р., Кахун, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 13. Пасп. № 13.
- 22. *Магомедсалихов Х.Г.* Конфликты в общественных отношениях горцев Дагестана: традиции и трансформация в период советской модернизации. Докт. дисс. Махачкала, 2011. С. 129.
- 23. *Лугуев С.А., Магомедов Д.М.* Каралал (каратинцы): историко-этнографическое исследование. XIX начало XX века. Махачкала, 2009. С. 142.
  - 24. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1958. С. 73.
- 25. См. об этом: *Краулей Э*. Мистическая роза. Исследование о первобытном браке. СПб., 1905. С. 125.
- 26. *Инал-Ипа Ш.Д*. Черты старотрадиционной семейно-бытовой и социальной жизни абхазов. С. 143.
  - 27. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 10а. Пасп. № 16.
  - 28. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 323.
  - 29. Хан-Гирей. Избранные произведения. С. 244–245.
  - 30. Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 10а. Пасп. № 45.
- 31. Правовые нормы адыгов и балкаро-карачаевцев в XV–XIX вв. / сост. X.М. Думанов, Ф.Х. Думанова. Майкоп, 1997. С. 84.
  - 32. Там же. С. 85.
  - 33. Кабардино-русские отношения. М., 1957. Т. 1. Док. № 105. С. 155.
- 34. Из сообщений Ш.А. Мезакошева, 1890 г.р. Сел. Старый Черек. Кабардино-Балкария.
  - 35. Смирнова Я.С. Указ. соч.
  - 36. Гарданов В.К. Общественный строй адыгских народов. М., 1967. С. 323.
- 37. Как правило, в основе института искусственного родства лежит потребность в дополнительном расширении родственных связей с целью укрепления клана, рода. Л. Уайт следующим образом писал об этом: «Причина преумножения родственных связей путем искусственного их создания достаточно ясна на сегодняшний день: это происходит для того, чтобы увеличить число людей, с которыми индивид связан прочными узами взаимопомощи: чем больше родственников вам помогают, тем лучше». Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004. С. 179.
  - 38. Хацуков Ч.Х., 1896 г.р., Старый Черек, Кабардино-Балкария.
- 39. Шоров К.А., 1899 г.р., Урух, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 14. Пасп. № 34.

- 40. Базиев Г.И., 1882 г.р., Псыгансу, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 13. Пасп. № 14; Пачев Г.Д., 1869 г.р., Ст. Лескен, Кабардино-Балкария // Архив КБИГИ. Ф. 10. Оп. 1. Ед. хр. 14. Пасп. № 6.
- 41. Распространено вместе с тем другое выражение, соединяющее плату за кровь с платой за невесту, ср.: Пхъу уасэрэ, лъы уасэрэк з къулей хъуа щы зркъым «Нет никого, кто разбогател на плате за невесту и за кровь».

B.H. Bgazhnokov

THE AFFILIATIVE PROPERTIES OF THE RITUALS

Customs and norms blocking various forms and manifestations of hostility and violence have invariably been an integral part of traditional Adyghe society social self-organization practice. They are the so-called affiliative rituals. As manifested by the concrete examples from the cultural history of Circassia, they, by changing positions and roles of the resisting parties, made it possible to overcome a conflict, involving people in the relations of cooperation, mutual recognition and respect.

Keywords: feudalism, conflicts ritualization, etiquette, ethical rationalization, affiliative rituals, conflict.

Р.Н. Дзагов

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАБАРДЫ: ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ И ИНТЕГРАЦИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

В работе рассматривается формирование и развитие русского населения Кабарды, а также специфические особенности становления социокультурных отношений, сложившихся между местным населением и переселенцами, в процессе их адаптации и интеграции, обобщая опыт экономического и культурного взаимодействия.

Ключевые слова: Кабарда, русское население, межкультурное взаимодействие, интеграция, адаптация.

События, происходившие в последние десятилетия в жизни народов России, особенно в ее северокавказском регионе, породили немало вопросов, направленных на улучшение межнациональных отношений. Среди них значимой остается проблема объективного и всестороннего изучения формирования переселенческих этнических общностей регионов Северного Кавказа и механизмов их адаптации и интеграции в принимающий социум.

В XIX – начале XX в. Кабарда представляла собой регион с глубоко полиэтничным населением. Формирование многонационального населения здесь представляла собой сложный и длительный процесс, в основе которого лежала экономическая и культурная адаптация и интеграция народов и этнических групп, сосуществование которых было обусловлено исторически.

Уже со второй половины XVI в. Кабарда формировалась как область устойчивого взаимодействия многих этносов и культур. На территории современной Кабардино-Балкарии первые поселения русских появляются в конце XVIII в. В XIX в. Кабарда становится ареалом для расселения не только русских, но и украчицев, немцев, армян, грузин и других народов. Но доминирующим, численно этническим компонентом в процессе формирования полиэтничного населения, все же, были русские, причем, до середины XIX в., основной этносоциальной группой являлось казачество, а со второй половины века преобладали различные категории крестьян.

При освоении русскими переселенцами новой территории происходило не только приспособление, но и трансформация принесенных навыков, складывался новый комплекс хозяйственно-бытового уклада, соответствующий природной среде.

Одним из условий успешного освоения переселенцами новых территорий, как известно, является восприимчивость к культурным заимствованиям. В этом отношении культура переселенцев, как и местного населения, оказалась достаточно динамичной и пластичной, что и позволило ей благополучно адаптироваться и интегрироваться в новом природном окружении и социуме.

Взаимодействие русских переселенцев и кабардинцев проявлялось, прежде всего, в производственной деятельности, т.е. в той сфере, от которой зависело жизнеобеспечение всего населения региона.

Русские в новых природных и социальных условиях поначалу, естественно, старались сохранить характерные для них традиции и обычаи в ведении хозяйства. Традиционно главным занятием славян было земледелие. А природные

условия и плодородная почва Северного Кавказа благоприятствовали развитию этой отрасли. Однако переселенцы пытались использовать трудовые навыки и агротехнические приемы, выработанные веками в центральных районах России, которые часто не соответствовали новым климатическим, почвенным и другим природным условиям. Неподходящими нередко оказывались и привычные орудия производства, календарь полевых работ и многое другое¹.

Таким образом, первые русские переселенцы «в полной мере испытали тяготы новой жизни, ломки старых, укоренившихся традиций ведения хозяйства. Но помощь пришла — они познакомились с горской культурой, удивившей их своей экзотичностью, а затем поразившей глубокой целесообразностью и разумностью»².

Естественно, что каждый элемент национальной культуры, наилучшим образом приспособлен к тем условиям, в которых живет народ. А, отмеченная многими путешественниками и исследователями, особая система земледелия горцев с оригинальными способами обработки почвы, уборки хлеба, хранения зерна и т.д. сформировалась на основе продуманного отбора наиболее рациональных способов хлебопашества на протяжении многовекового общения с родной природой.

Мигранты в новых условиях, усомнившись в своих традиционных методах земледелия, стали присматриваться к местным народам, у которых оно было поставлено «удивительно хорошо»³.

Таким образом, налаживаются межэтнические коммуникации, происходит процесс взаимообогащения культур местного населения и переселенцев. Здесь необходимо заметить, что, констатируя взаимодействие культур переселенцев и местного населения, исследователи отмечают в основном влияние русского населения на кабардинцев. А, имевшее место, влияние местной культуры на переселенцев остается без особого внимания.

Русское население Кабарды, в результате взаимодействия с местным населением, начало применять переложно-залежную систему обработки земли. Данная система, издавна практиковавшаяся на Северном Кавказе и достигшая большого совершенства у кабардинцев, была воспринята не только русскими⁴, но и другими этническими группами переселенцев, активно развивавшими земледелие.

Убирали хлеб вручную с помощью серпов и, в основном женщины. Молотили перенятыми у горцев кавказскими молотильными досками и скотом, а затем цепами. После обмолота зерно веяли обычно стоя на ветру, с помощью лопаты.

По мере расширения колонизации Северного Кавказа во второй половине XIX в., росла и численность русского населения Кабарды. Этот процесс наблюдался в период бурных экономических изменений в жизни России, связанных с ростом производительных сил страны, углублением общественного разделения труда, ростом специализации хозяйственных районов и развитием обмена между ними. Появление городов на Северном Кавказе и увеличение населения повысили спрос на продукты сельского хозяйства и, в первую очередь, на хлеб и мясо. Все это способствовало ломке натурального производства и переориентации хозяйства на рынок.

Хозяйственное развитие Кабарды в этот период также происходило под воздействием факторов, действовавших в центральных областях России. И можно сказать, что под влиянием общения с русскими переселенцами и вовлечения в рыночные связи с Россией происходит проникновение этих новых явлений и тенденций в экономику кабардинцев и балкарцев. Примечательно, что в образованных в пореформенное время русских поселениях Кабарды «развитие производительных сил и капиталистических отношений шло несравненно быстрее, чем в обремененном пережитками крепостничества центре России» и, чем в кабардинских и балкарских селениях⁵.

В этом отношении, а именно в ломке устаревших традиций ведения хозяйства и проникновении в него новых тенденций, переселенцы оказали определенное

влияние на коренное население Кабарды. По мере втягивания экономики региона в капиталистические отношения рыночный характер приобретает в первую очередь производство зерна. Кукуруза становится самой товарной культурой и в продаже зерновых в конце XIX в. занимает первое место. Увеличиваются также посевы пшеницы, вытесняя традиционное просо.

Кабардинцы заимствовали от русских переселенцев более совершенные приемы полеводства, стали применять неизвестные им раннее озимые посевы, начали возделывать в больших масштабах почти незнакомые им прежде – пшеницу, кукурузу. Семена же для посева они покупали или получали в подарок от русских крестьян⁶. Кабардинцы, балкарцы и другие народы Северного Кавказа переняли от русских переселенцев многие овощные культуры, в частности: капусту, огурцы, помидоры, редьку и картофель⁷. Современники отмечали, что кабардинцы начали приметно более заниматься хлебопашеством с 30-х гг. XIX в., расширили посевы пшеницы и «вообще хозяйство кабардинцев стало приближаться к русскому»⁸.

Вместе с тем следует сказать и о негативных явлениях в культуре земледелия русских переселенцев, в частности, о небрежном отношении к земле. Особенно отличались этим жители Нальчика, на что с возмущением указывал Д. Кодзоков. «Окрестности к укреплению, — пишет он, — предоставленные для пастбищ жительского скота и лошадей военных команд, зарастали колючкой и тернами, доводившую всю эту местность до крайней непроизводительности. Между тем, Нальчикская земля считалась кабардинцами лучшею для хозяйства и если бы она не подверглась непростительной беспечности ее обитателей, то и поныне она оставалась бы отличною. По мере же того, как ближайшая к укреплению местность глохла от вредных порослей, которые весьма легко выжигаются или подымаются плугом, войска занимали новую лучшую землю, колючки и терны в свою очередь не останавливались, а пополняли незаметно вновь занятые места..., а жители и войска жалуясь беспрестанно на неблагодарную почву, которую не берет плуг и коса, доискиваются все лучших земель от кабардинцев»⁹.

Следует согласиться с Г.Г. Тхагапсовой в том, что у русских переселенцев была «априори сформирована психологическая установка, что заселяемый край — дикий, там живут туземцы-дикари и ни о какой культуре не может быть речи, культуру несут они, переселенцы. Такая пропаганда проводилась с самой высокой правительственной санкции» Русский этнограф Я. Абрамов еще в свое время писал по этому поводу, что «если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами и нами, русскими, то менее культурною и менее трудолюбивою нациею придется признать именно русских» 11.

Конечно, таким образом относилась к местной культуре и природе лишь некоторая часть переселенцев. Но нельзя отрицать, что в этот период на Северный Кавказ, в том числе и в Кабарду, переселялись и те, которые видели природу только как объект потребления и наживы. В итоге, как замечает Т.П. Казначеева, нередко «удержанное трудовым и высоконравственным людом относительное равновесие в кавказской природе гибло под сапогами колонизаторов»¹².

В конце XIX в. с развитием торговли сельскохозяйственными орудиями в Кабарде появляются более совершенные фабричные плуги и другая сельскохозяйственная техника. Значительная роль в этом процессе принадлежит П. Юхневичу, а позже Резанову, открывшим в 1886 г. в Прохладной склады земледельческих орудий. Уже с 1900 г. многие жители кабардинских селений приобретали в кредит технику¹³. В начале XX в. в Кабарде фабричные плуги получили практически повсеместное распространение.

Определенную роль в процессе адаптации и интеграции населения региона сыграли сельскохозяйственные выставки, на которых демонстрировались лучшие сорта зерна, плодов и лучшие образцы различных пород животных. На этих выставках можно было познакомиться с новейшими образцами сельскохозяйственных орудий и методами ведения сельского хозяйства. Первая такая выставка

открылась в 1898 г. во Владикавказе, на которой многие растениеводы и животноводы из Кабарды и Балкарии получили различные награды¹⁴.

В рассматриваемый период в Кабарде начинается распространение сельскохозяйственных знаний, делаются первые практические шаги по подготовке специалистов сельского хозяйства. В частности, были созданы сельскохозяйственные школы, которые оказали определенное влияние на развитие и распространение среди кабардинцев и балкарцев элементарных научных познаний по земледелию 15. Это, несомненно, способствовало усилению взаимовлияния культур переселенцев и местного населения и их интеграции.

Высокое развитие в регионе получило не только земледелие, но и скотоводство, традиции, ведения которого имеют глубокие корни. Переселенцы, прибывшие на Северный Кавказ, встретились с населением, имевшим сложившиеся веками традиции товарного скотоводства и активно перенимали этот опыт.

Как известно, русские, как и другие восточные славяне (украинцы, белорусы), не принадлежат к числу так называемых скотоводческих народов. Разведение домашних животных, известное им с глубокой древности, всегда в хозяйстве было подсобным, хотя и необходимым, и тесно связанным с земледелием занятием.

У терских казаков в содержании скота и в уходе за ним господствовали три формы. Это содержание скота непосредственно в станицах, так называемое «бурунное» или отгонное содержание гулевого скота под присмотром наемных пастухов и хуторское содержание. В большинстве русских поселений Кабарды в основном использовалась первая форма содержания и ухода за скотом, т.е. крупный рогатый скот пасли на выгоне рядом со станицами. Зимой же скот находился в коровниках, где кормили сеном и соломой. Выбор такого способа содержания и ухода за скотиной был обусловлен местными климатическими условиями и характером взаимоотношений с местным населением. Вместе с тем такая форма являлась традиционной для русского населения.

Помимо кормления скота зимой сеном, соломой, в конце XIX в. практиковалось и подкармливание концентрированными кормами (отрубями и пр.) преимущественно молочного скота. Нужно отметить, что горцы редко подкармливали зимой скот такими кормами и этим занимались главным образом русские переселенцы и немецкие колонисты¹⁶.

У русского населения преобладал скот «обыкновенной породы», т.е. крупный рогатый скот представлял помесь кавказских пород скота, которая не славилась большой продуктивностью, но была вынослива. Попытки акклиматизации пород из центральных областей России не приносили желаемых результатов. Так, в отчете «О состоянии Нальчикского военного поселения за 1850 год» говорится: «...к размножению скотоводства из лучших пород как-то: черноморского и ногайского скота поселянами были принимаемы деятельные меры, но оные не осуществлялись, ни та, ни другая порода скота здешнего климата не выдерживает; поэтому поселяне преимущественно разводят у себя скот из породы туземной или кабардинской, которые по величине и росту уступают названным выше породам, зато преимущество тем, что местные не подвергаются повальным болезням и живут, поэтому более нежели все другие породы рогатого скота, имея впрочем, достаточные физические силы для отправления вообще сельских работ» 17.

В пореформенный период среди местного населения Кабарды имели место попытки распространения маслоделия и сыроварения. Основатель первой в России крестьянской артельной сыроварни Н.В. Верещагин, в своей работе основывался «на положительном опыте, достигнутом ранее на местах»¹⁸. То есть рекомендовалось учесть выработанные местным населением способы выделки сыров, обращая при этом особое внимание на чистоту лучшей закваски и его выдержку. Таким образом, умение готовить сыр с применением сычужной закваски, широко известное на Кавказе и перенятое многими переселенцами, получило высокую оценку специалистов.

В среде казачества традиционно большое внимание уделялось развитию коневодства. Казаку для прохождения военной службы необходимо было иметь строевую лошадь, которую он должен был содержать на свои средства. Причем наибольшее распространение среди казаков получили лошади кабардинской породы.

В первой половине XIX в. казаки неоднократно пытались сами разводить породистых лошадей, в особенности кабардинскую породу, но, как правило, безуспешно. Основная причина неудач заключалась в игнорировании веками сложившейся у кабардинцев особой системы разведения знаменитой породы. Известный специалист по истории кавказского коневодства Д. Дубенский писал по этому поводу: «В 1825 году после совершенного поражения генералом Вельяминовым возмутившихся кабардинцев, как правило, и в последующие годы, при генерале Зассе, кабардинские плодовые табуны разграбленными достались нашим войскам как военная добыча и положили основание кабардинским табунам у наших казаков. Однако же казаки вели свои табуны, не придерживаясь системы кабардинцев, не стремились к установлению и удержанию в табуне полезного природного типа, а потому лошади их стали вырождаться, утрачивая свои старинные достоинства, и не удержали за собой славы лошадей старой кабардинской породы»¹⁹.

Единственным выходом в такой ситуации оставалось покупать казакам лошадей у местных владельцев, в руках которых сосредотачивались огромные табуны.

В конце XIX в., ввиду заметного упадка войскового коневодства в количественном и, особенно, в качественном отношении были приняты определенные меры областным начальством. Одним из наиболее важных было «заведение в станицах общественных кладовых жеребцов для случки их с местными кобылицами». В решении этой проблемы большую помощь оказало Управление коннозаводства, приславшее в станицы Терской области в 1893–1894 гг. бесплатно 56 племенных жеребцов²⁰.

Заметное место среди отраслей скотоводства русских переселенцев занимало и овцеводство. Из распространенных пород овец разводили в основном грубошерстные, так называемые «черкесские», или местные, и частично украинские, завезенные переселенцами.

В XIX – начале XX в. в Кабарде активная торговля и, в особенности, промышленность находились на стадии становления и все еще оставались тесно связанными с земледелием и скотоводством. Развитие этих отраслей хозяйства в немалой степени было связано с русскими переселенцами и являлось сферой активного межэтнического взаимодействия.

В частности, ремесло и ремесленное производство среди казаков было слабо развито, особенно обработка металлов. Для этих нужд они пользовались услугами ремесленников – горцев, «которые были в станицах желанными гостями»²¹.

В конце XIX – начале XX в. к числу наиболее крупных предприятий относился крахмальный завод братьев Прашель (Прашель и К°) в станице Александровской, в которой работали преимущественно русские невойскового сословия, немцы, кабардинцы и осетины.

В 1913 г. нальчанин Зудин в компании с Лободиным, Аненко и неким Остапом Степановичем организовал на берегу р. Нальчик лесопильный завод под названием «Чинар»²². Завод мог перерабатывать 1,5–2 тысячи кубометров буковой древесины в год. Бук экспортировался немецкими, датскими лесопромышленниками. После обработки в виде готовой клепки его ввозили в Россию на поделку тары для масла, идущего на экспорт.

Русское население, с самого начала своего поселения на Северном Кавказе, вступило в торговые отношения с горцами. На начальном этапе это были торговые сделки между соседями, носившие случайный характер. Однако впоследствии обмен товарами принимал более устойчивую форму, происходя регулярно. Русское население поставляло в основном соль, рыбу, икру получая взамен от горцев мед, воск, хлеб, просо, одежду, лошадей и т.д.

Торговые связи русских с горцами крепли, но с началом Кавказской войны, осуществлять эти связи становится сложнее. Русская военная администрация на Кавказе берет торговлю с горцами под свой контроль. Царизм этим хотел, с одной стороны, приобрести доверие местного населения, а с другой – добиться «укрощения нрава горцев»²³. Именно для этих целей в 1811 г. были учреждены меновые дворы.

В 20-х гг. XIX в. значение меновых дворов по всей Кавказской линии падает из-за необоснованно завышенных цен на соль. В числе причин упадка деятельности меновых дворов можно назвать и обострение политической обстановки в крае, а затем увеличение русского населения, у которого кабардинцы покупали соль значительно дешевле, чем в меновых дворах. То есть, в обход меновых дворов налаживались торговые отношения между жителями станиц и кабардинцами. Так, в феврале 1848 г. смотритель Прохладненского менового двора писал, что казаки станицы Прохладной «продают секретно соль приближенным горцам кабардинским жителям, тогда как для этих народов существует здесь казенный магазин, из которого в настоящее время расхода соли почти не бывает»²⁴.

С середины XIX в. возрастает роль Нальчика как торгового центра Кабарды с преобладанием частной торговли, чему способствовало и географическое расположение.

В Нальчике и окрестностях проживали русские купцы, немцы, горские евреи, армяне, грузины, которые привозили изделия русской промышленности и продавали кабардинцам и балкарцам, обменивая их на мед, меха, деловой лес и т.д. Русские крестьяне и отставные нижние чины, проживавшие в Нальчике, вывозили на продажу на Линию колеса, оси, деревянную посуду, уголь, лесные плоды, «дрова из кабардинского леса», продавали должностным лицам и приезжавшим по делам кабардинцам печеный хлеб, сено и т.д. Все это вместе с отдачей внаем квартир, составляло «источники их существования…»²⁵.

В конце XIX в. развитие торговли привело к специализации жителей различных сел и станиц в отдельных отраслях хозяйства. Так, в Прохладную, ставшую торговым центром станиц, расположенную на перекрестке нескольких дорог, в больших объемах доставлялось «с Кумы: мука, постное масло и вино (Прасковейское); из Кабарды: лес и лесные изделия, сено, птица, бурки и проч.; из Моздокских степей: просо (громадный привоз), рожь и лен (станица Павлодольская); из Пятигорска и верхних станиц (с Малки): картофель и капуста; с Каспийского моря — рыба». Все это закупалось на Прохладненском базаре владикавказскими, нальчикскими, моздокскими и ставропольскими торговцами. Лен и ячмень приезжали покупать даже из Ростова, а также местные жители: кабардинцы, алагирцы и из окрестных станиц «верст на 50 вокруг Прохладной»²⁶.

Большая роль во взаимной адаптации и интеграции переселенцев к инокультурной среде принадлежит школам. Школы формировали коммуникативную культуру, приобщали к духовным богатствам, культурным ценностям коренных и пришлых народов, развивали национальную и этнокультурную толерантность. Сфера образования была областью наиболее активного межэтнического взаимодействия. Учебные заведения в Кабарде были этнически не однородными по составу учащихся и педагогов. Совместное обучение русских детей с «инородцами» было официально оговорено Министерством просвещения при выработке программ обучения в национальных окраинах страны.

Следы взаимодействия русских переселенцев и коренного населения прослеживаются и в быту, что нашло выражение в материальной культуре.

Переселенцы на первых порах старались сохранить этнические традиции в планировке, строительстве жилища, выборе одежды, системе питания. Но многие характерные особенности в новых условиях оказывались не пригодными. В таких случаях использовался опыт и знания соседних народов.

Так, в русских селах и хуторах, появившихся в пореформенный период, дома в основном строили турлучные и саманные, наподобие распространенным среди кабардинцев. Планировка двора русского населения не имела большого отличия от других народов региона.

Черкеска и бешмет, входившие в форменную одежду казаков, покроем полностью соответствовали кабардинским, только в первой половине XIX в. цвет бешмета был регламентирован. Летом в качестве головного убора русские носили войлочные шляпы, также заимствованные у кабардинцев. Переселенцы (казаки, русские крестьяне) носили и чувяки (самодельная кожаная обувь) наподобие кабардинских. Мужская одежда горских евреев практически ничем не отличалась от обычного костюма кабардинцев. Единственным примером влияния горской женской одежды на русскую можно назвать распространение женского бешмета.

Изготовление сыра с помощью сычужной закваски, видимо, переселенцами также было заимствовано у народов Кавказа. Из традиционных напитков у них бытовали хлебный квас, фруктовый компот, кисель, чай. Примечательно, что часть русского населения варила калмыцкий чай, широко распространенный среди местных жителей.

В то же время и коренные народы многое заимствовали у переселенцев. В частности, вместо традиционного длинного дома кабардинцы в конце XIX в. начали строить четырехкамерные дома с русской печью. По свидетельству газеты «Кавказ», казаки и отставные солдаты ездили в Кабарду к князьям и богатым дворянам на работы, строили им дома, мельницы, конюшни, разводили сады, делали мебель, посуду и т.д.²⁷.

Между жителями соседствующих кабардинских и русских селений устанавливались дружеские отношения. Нередки были в конце XIX – начале XX в. случаи воспитания горских детей в русских семьях, где они получали навыки русской речи, учились писать и читать²⁸. Многие кабардинцы и балкарцы имели кунаков среди русских переселенцев.

Таким образом, русские переселенцы вступали в тесное социокультурное взаимодействие с местным населением и оказывали заметное влияние на культуру и экономику кабардинцев. Но и они, в свою очередь, использовали богатый опыт коренного населения, в особенности, на первых порах адаптации. Это свидетельствует о том, что экономическое и культурное взаимодействие является одним из главных факторов успешной адаптации и интеграции переселенческих этнических групп в многонациональное население региона, каковым являлась Кабарда в XIX — начале XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Фадеев А.В.* Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. М., 1957. С. 69.
- 2. Казначеева Т.П. Культура гребенского и Терского казачества на Северном Кавказе // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Материалы международной научной конференции. Черкесск, 14–19 октября 1991 года. Черкесск, 1993. С. 236–237.
  - 3. Там же. С. 237.
  - 4. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. С. 56.
  - История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 357.
- 6. *Кумыков Т.Х.* О прогрессивном значении добровольного присоединения Кабарды к России // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1955. Вып. 4. С. 77.
- 7. Тотоев М.С. К истории дореформенной Северной Осетии. Орджоникидзе, 1955. С. 41.

- 8. Фадеев А.В. Указ. соч. С. 100.
- 9. ЦГА КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 17 об.–18.
- 10. Тхагапсова Г.Г. Экологические проблемы и последствия миграции российских переселенцев на Северо-Западном Кавказе 1817–1864 (к итогам Кавказской войны) // Информационно-аналитический вестник. Майкоп, 1999. Вып. 2. С. 56.
  - 11. Абрамов Я. Кавказские горцы. Краснодар, 1927. С. 13.
  - 12. Казначеева Т.П. Указ. соч. С. 240.
  - 13. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 498. Т. 3. Л. 333.
- 14. *Кумыков Т.Х.* Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок. Нальчик, 1962. С. 129.
- 15. *Бейтуганов С.Н.* К вопросу о распространении сельскохозяйственных знаний в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX начале XX века // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1977. Вып. 1. С. 92–108.
- 16. Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведенным в 1912 г. Владикавказ, 1914. С. 17–18.
  - 17. ЦГА КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1015. Л. 3.
  - 18. Бейтуганов С.Н. Указ. соч. С. 94-95.
- 19. Цит. по: *Тхамокова И.Х.* Русское и украинское население Кабардино-Бал-карии. Нальчик, 2000. С. 64.
  - 20. ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 514.
- 21. *Ратушняк В.Н.* Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX начале XX в. Ростов-на-Дону, 1989. С. 108.
- 22. *Хакуашев Е.Т.* Славный юбилей (к 50-летию завода «Чинар») // УЗ КБНИИ, 1963. Т. XIX. С. 217.
  - 23. Омельченко И.Л. Терское казачество Владикавказ, 1991. С. 242.
  - 24. ЦГА КБР. Ф. И-49. Ôп. 1. Д. 4. Л. 26.
  - 25. Там же. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 5. Л. 14 об.
- 26. *Томаревский Ф., Головчанский С.* Прохладная станица // Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 418.
  - 27. История Кабардино-Балкарской АССР. М., 1967. Т. 1. С. 355.
- 28. Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев / отв. ред. В.К. Гарданов. Нальчик, 1986. С. 275, 276.

R.N. Dzagov

RUSSIAN POPULATION IN KABARDA: EXPERIENCE OF ECONOMIC AND CULTURAL ADAPTATION AND INTEGRATION IN THE XIXth – THE EARLY XXth CENTURIES

The article analyses the Russian population formation and development in Kabarda, as well as specific features of formation of the sociocultural relations that have been developed between local population and immigrants in the course of their adaptation and integration, generalizing experience of economic and cultural interaction.

Keywords: Kabarda, Russian population, cross-cultural interaction, integration, adaptation.

Х.Г. Магомедсалихов

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ У ГОРЦЕВ ДАГЕСТАНА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Предметом научного анализа в предлагаемой статье стали некоторые аспекты общественных отношений у горцев Дагестана после их присоединения к России во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: горцы, традиционный, общественные отношения, социальные конфликты, трансформация, тенденции.

Теоретическое осмысление общественных отношений в свете их трансформаций в переломные периоды истории всегда актуально. Во второй половине XIX в. в регламентации общественных отношений и разрешении конфликтов у горцев начали происходить позитивные изменения, обусловленные распространением российских порядков в Дагестанской области.

В 1960 г. Дагестан был провозглашен областью с центром в Темир-Хан-Шуре, управляемый областным начальником с правами генерал-губернатора.

Высшей правовой инстанцией в области являлся Дагестанский народный суд. Область была подразделена на округа, где правоохранительную деятельность осуществляли окружные словесные суды, для которых подсудными были уголовные и гражданские дела, ущерб от которых превышал свыше 100 рублей. Председателем окружного суда являлся начальник округа, а депутатов выбирали от населения — по одному от каждого наибства. В окружной суд также входил кадий. Апелляционную инстанцию окружного суда представлял Дагестанский народный суд¹. Судопроизводство, как в окружных судах, так и областном суде было основано на адатных нормах, а в необходимых случаях в процесс подключался также кадий, который был компетентен в решении дел по шариату.

Значительная часть населения области достаточно быстро стала адаптироваться к такому централизованному судопроизводству, за исключением дел, касавшихся убийств и поранений, которые горцы, по сложившемуся стереотипу, продолжали решать традиционными способами. Популярность российских порядков среди дагестанцев наглядна по числу рассмотренных дел в окружных судах из следующих сведений:

Иски, поступившие в окружные суды Дагестанской области в 1960 г.:

Поземельных	142
По духовным завещаниям	53
По брачным делам	77
По ссорам, обидам и оскорблениям	25
По воровству	198
По денежным искам	143
По тяжбам за наследство	54
По убийству	18
По поранению	15

Итого: 725

Кроме того, разобрано дел по мелким жалобам до 6500.

Число лиц, сосланных по административным распоряжениям – 14².

Однако надо заметить, что таблица показывает тенденцию к регламентации общественных отношений для плоскостных жителей области, что вовсе не следует распространять на горцев Дагестана, хотя бы потому, что война завершилась совсем недавно. Относительно горцев Дагестана надо отметить, что во второй половине XIX в. здесь наблюдаются две ярко выраженные тенденции, которые можно обозначить, как антироссийскую и пророссийскую. Попытаемся их обосновать.

Первая тенденция – антироссийская. Часть горцев не была готова расстаться со своей социокультурной идентичностью, с которой они отождествляли свободу, выражавшуюся в праве на ношение оружия и национальной одежды, жить по законам, согласующимися с традиционным характером и духом, отказе от рекрутских наборов, а также сохранять право на исламскую религию.

Оснований у горцев к антироссийскому настрою было более чем достаточно, если учесть ту жестокость в обращении их с горцами в период войны и, особенно, после ее окончания. Свидетельством жестокости может послужить тот факт, что географические рамки восстания в 1877 г. намного расширились, чем в период Кавказской войны. К тому же в восстании приняло участие гораздо больше горского населения, чем в антиколониальной войне и оно было подавлено с беспрецедентной жестокостью. Достаточно отметить, что по свидетельству современников: «когда дети плачут, матери их заставляют молчать словом солдат. Такая ассоциация на слово «солдат» среди горцев объясняется свежестью преданий об ужасах последней войны»³. Непримиримо к российским порядкам настроенная часть горцев в одиночку и целыми джамаатами переселялась в Турцию, о чем свидетельствуют значительный архивный материал и свидетельства современников.

Так, по свидетельству Г. Амирова, «несмотря на редкую привязанность к своей родине, горцы массами переселяются в Турцию. Причина этого явления — вышеупомянутая боязнь относительно отнятия оружия и рекрутского набора. Поэтому, я вполне уверен, что горцы, по крайней мере, дагестанские, до последнего переселятся в Турцию, если узнают, что у них отнимут оружие и среди них будут набирать рекрут»⁴.

Выводы Г. Амирова о настрое горцев в массовом мухаджирстве в Турцию подтверждаются также фактами из материалов Государственного архива Республики Дагестан. Таковыми, например, являются ходатайства составленные обществами Датун Батлухского наибства, а также аналогичные письма жителей с. Нита — в числе 39 чел. и с. Накитль — в числе 33 домохозяев того же Батлухского наибства⁵. Вот типичное ходатайство: «Мы, общество селения Датун Батлухского наибства Аварского округа, с разрешения сельского старшины Амир-хана Маймун оглы 2 декабря 1899 года из числа 22 домохозяев, 25 человек собрались на сельский сход для обсуждения вопроса относительно переселения навсегда в Турцию со своими семействами, при чем единогласно согласились переселиться в Турцию со своими семействами, в том и составили настоящий приговор, под судом и следствием не находились и не находимся, никаких долгов за нами не числится; как подати, так равно и другие денежные сборы за 1899 год мы полностью внесли.

Настоящий приговор составлен по просьбе нашей односельцем, сельским кадием Нурмагомой Магома оглы»⁶. Далее идет список всех сельчан с указанием возраста. Аналогичное ходатайство составили жители сс. Нита и Накитль того же Батлухского наибства⁷.

В числе первых мухаджиров в Турцию был известный арабист шейх Джамалудин Казикумухский. Тяжелую участь мухаджира испытал на себе известный аварский просветитель Айдемир Чиркеевский, который сначала уехал в Польшу, оттуда во Францию и затем в Стамбул, где в 1871 г. скончался на чужбине. Поводом к отъезду послужило то, что рядовой русской армии в пьяном виде оскорбил жительницу с. Эрпели, а А. Чиркеевский на правах старшего по званию приказал

прекратить брань, на что рядовой оскорбил самого Айдемира. Тогда А. Чирке-евский ранил обидчика, а рана оказалась смертельной, и за это поранитель был разжалован в рядовые⁸.

Горцы совершали мухаджирство целыми селениями, и российские власти ничего не делали, чтобы облегчить их участь.

Достаточно много было отдельных семей, решившихся на мухаджирство в Турцию и притом нелегально. Особенно много их было из селений Акуша, Аракани, Зубутль, Рихьуни (Ирганай), Целмес, Чиркей, Хаджалмахи и других. Так, 10 мая 1900 г. начальник Даргинского округа доносил помощнику начальника Бакинского губернского жандармского управления: «случаи бегства жителей вверенного мне округа были постоянны, но сделались особенно частыми лишь с декабря сего года. С этого времени по 1 мая сбежали 17 человек. Причем некоторые из них увели свои семейства. Беглецы принадлежат преимущественно к жителям с. Ходжалмахи, представляющим из себя гнездо крайне вредной для правительства секты тарикатчиков…» Для легального мухаджирства требовалось письменное разрешение всех жителей селения и отсутствие долгов перед государственной казной.

Мухаджирство носил характер выраженного конфликта двух разных культур, мировоззрений и цивилизаций. Значительная часть горцев, воспитанная на традициях тухумной и джамаатской солидарности оказалась перед сложной психологической дилеммой, которую многие решили для себя радикально — мухаджирством в Турцию. Численность мухаджиров-дагестанцев во второй половине XIX в. составляла приблизительно 20–25 тыс. человек¹⁰.

По годам мухаджирство разделилось примерно следующим образом:

В 1860 г. из Дагестана переселилось 130 домов.

В 1864 – 110 домов.

В 1872 – 101 дом.

В 1874 – 554 чел.

В 1890 - 2514 чел.

B 1901 - 3146 чел.

В 1902 - 3361 чел.

В 1903 – 1392 чел.

В 1905 - 836 чел.

«Волны переселений то поднимались, то затихали, являясь своеобразным барометром социального напряжения в крае»¹¹, вызванного колониальной политикой.

С течением времени отношение российских властей к горцам не улучшилось, о чем может свидетельствовать следующий документ за 1914 год. «Членом Государственной Думы Гайдаровым из с. Хунзах Дагестанской области получена телеграмма от 23 декабря следующего содержания: «15 декабря было произведено на местном базаре солдатами Новобаязетовкого полка нападение на мирных жителей. Дело было так: за купленные яйца солдат отказался платить деньги, изза этого между несколькими солдатами и местными жителями произошла драка, которая вскоре была прекращена милицией, люди занялись своим делом, базар успокоился, но через некоторое время солдаты вернулись с винтовками и с подпрапорщиком во главе началась стрельба в невинных людей залпами и в одиночку, в результате четверо убитых, пять раненых, некоторые тяжело, среди убитых женщина. Между прочим, солдатами нанесено девять штыковых и пулевых ран прапорщику милиции, вышедшему к ним с просьбой остановить стрельбу. Во все продолжение стрельбы начальник гарнизона Джебраилбеков и поручик Васильев стояли в нескольких саженях и ничего не сделали, чтобы прекратить стрельбу. Случай этот не единственный, виновники всегда оставались безнаказанными...»¹².

Итак, мухаджирство стало следствием колониальной политики в Дагестане, которое для горцев не сулило ничего утешительного, но и в Турции они сталкивались с ещё большими проблемами. Кроме единой религии, горцев с турками ничего не

объединяло, а расхождения были значительными и в первую очередь – ментальные, а путь обратно на родину был навсегда закрыт. Только единицы из горцев смогли вернуться обратно.

Здесь же следует отметить, что только радикально антироссийски настроенная часть горцев избрала мухаджирство, когда значительная их часть проявляла нетерпимое отношение ко всему российскому, оставаясь при этом на исторической Родине.

Такова была одна из ярко выраженных тенденций второй половины XIX в. дагестанских горцев в отношении к российским порядкам, после окончательного присоединения Дагестана к России.

Вторая тенденция – пророссийская. Наряду с непримиримой, в горской среде наблюдалась другая, более лояльная тенденция, в которой наблюдалось понимание к цивилизованным российским правопорядкам, где закон, а не «кулачное право» регламентировали отношения в обществе. Эту тенденцию поддерживала тоже значительная часть горцев, которая в российских порядках находила альтернативу традиционным. В этой связи примечателен следующий эпизод, имевший место в одном из даргинских селений в 70-х годах XIX в. Разговор происходил на годекане одного из сильных джамаатов и речь шла о том, что у них недавно один из маленьких соседних аулов, посредством ходатайства к окружному начальнику, отобрал часть земли. При этом сильный джамаат сетует, что в прежние времена, «когда господствовало кулачное право», наш аул, как многолюдный и сильный распоряжался землями других аулов, меньших по величине. В числе последних был и аул, о котором шел разговор.

С утверждением российских порядков утвердилось также равноправие, опираясь на которое малочисленные аулы решали вопросы на равных. Ободренные этим, некоторые аулы подали иски и на такие местности, которые им никогда не принадлежали. Дело кончилось в их пользу, опять на основании того, что прежде большие аулы насильно отнимали участки земли у соседей. ... – «Эх! Прошли счастливые времена», сказал один из присутствующих, «когда перед нашим именем дрожали сотни аулов вместе взятые...»¹³.

В этом же источнике о произволе, чинимом сильными джамаатами в отношении малочисленных отмечается: «В прежнее время, если возникал поземельный спор между двумя аулами, то сильнейший из них просто, без всяких переговоров, нападал на другой, грабил его (разорял даже) и иногда заставлял его замолчать; но иногда сильнейший соглашался и на переговоры, в знак своей особой милости. Переговоры происходили всегда на границе, и туда сходились не уполномоченные, а все жители того и другого аула. Почти всегда во время переговоров происходила ссора, и битва бывала почти неизбежна»¹⁴. Итак, с водворением российских порядков пришел конец «кулачному праву» и теперь появилась реальная возможность решать многие дела по российским законам, что стало значительным прогрессом в правопорядке горцев и не могло не вызывать симпатии определенной части горцев.

К тому же в памяти значительной части горцев сохранились произвол и беззаконие, творимые наибами на последнем этапе имамата, относительно которых российские законы были куда более приемлемыми. Теперь эта часть горцев с доверием стала относиться к российским законам и демонстрировала пример правового послушания, присущий им еще с периода, когда в обществах доминировали адатные отношения. Так, например, жительница с. Арадерих Аварского округа Насихат (сирота) обратилась в окружной суд на предмет того, что без ее ведома заключили кебин (брак. – X.M.) с Лабазаном. Как окружной, так и областной суд единогласно постановили действия Насихат правомерными, и брак признали нелегитимным¹⁵. Подобный поступок со стороны женщины вряд ли был возможен в прежние времена.

Были случаи, когда от представителей горских обществ исходила инициатива в наведении порядка в соответствии с российскими законами. Вот типичное для конца XIX в. обращение джамаатов к российским властям по регламентации общественных отношений. К военному губернатору Дагестанской области обращаются поверенные от жителей селений Гели, Параул и Кадар Темир-Хан-Шуринского округа: «В наших селениях в настоящее время все чаще и чаще повторяются увод девушек и вдов, через что происходят частые убийства и раздоры. Поэтому покорнейше просим ходатайства Вашего Превосходительства установить в наших селениях следующий порядок: если кто-либо похитит девушку или вдову, то того выслать в Сибирь и наложить на него штраф в 20 рублей. Кто же помогает в этом похищении, того штрафовать 10 рублями. Если кто пойдет просить родителей девушки или вдовы за похитителя, то того штрафовать пятью рублями...»¹⁶.

Значительная часть горцев была не против российских порядков, тем более что во многих случаях учитывалась местная специфика с их обычаями и ментальностью. Таков, например рапорт Дербентского губернатора о предоставлении магометанам разбираться по шариату во всех тяжбах, возникающих между ними: «...основные доводы о пользе шариата в решении тяжебных дел: 1) чтобы не перегрузить мелкими спорами полицейские участки; 2) шариат дела решает быстро; 3) крайний дефицит людей, владеющих русским языком»¹⁷.

Российские порядки не противоречили традиционным методам горцев в разрешении поземельных конфликтов между джамаатами и успешно способствовали этому. Вот типичное разрешение конфликта на почве спорной пограничной земли, принятое Хасавюртовским словесным судом 28 октября 1873 г. «Маслаатное решение: скотина или баранта артлухцев и салатавцев начиная с весны и до 25 мая т.е. 15 днями раньше наступления лета, должна пастись на горе Туз-тау поровну, с этого времени т.е. 25 мая и до осени Туз-тау должна оставаться в исключительном пользовании салатавцев. С осени же и до 25 мая следующего года спорная гора опять переходит в общее пользование артлухцев и салатавцев. Кроме того, предоставлено право артлухцу Курбану Магома Султанову проживать в хуторе Ак-су, где он и прежде жил, но с тем, чтобы он не имел права заниматься пахотою. Из артлухцев же и салатавцев никто не имеет права проживать в границах Тузтау и основывать хутора. Также никто из них не имеет права заниматься пахотою на этой горе по двум причинам. Во-первых, потому что горой этой вышеназванные общества пользуются на правах вакфа, а потому она и должна быть в общем пользовании. И, во-вторых, что гора Туз-тау отличается от других гор низменностью и в климатическом отношении гораздо теплее других местностей. Поэтому во время суровой зимы и бури может служить хорошим убежищем для скотины и баранты жителей вышеупомянутых двух спорящих обществ.

Если же кто из артлухцев и салатавцев нарушит вышеупомянутые условия, то такие лица отвечают по законам империи»¹⁸.

Таким образом, российские власти в своих законах, при принятии решений по спорным и конфликтным ситуациям старались учитывать общественное мнение и придерживаться местных традиций, а зачастую выступали посредниками в разрешении спорных вопросов. Мало того, наиболее важные решения, принимаемые на джамаатских сходах, каждый дееспособный житель подтверждал посредством чернильного отпечатка своего пальца, чему свидетельствуют документы в Госархиве РД. Теперь уже к джамаатскому суду прибегают преимущественно для того чтобы установить виновность, а окончательный вердикт с учетом местных традиций принимает окружной суд в рамках российских законов.

В отношении убийств и поранений, российские законы больше коррелировали с адатными нормами, о чем свидетельствуют документы той эпохи. Так, в 1894 г. Темир-Хан-Шуринский окружной суд рассмотрел дело об убийстве старшины с. Дургели Сотау Ягья Оглы, а убийца — некий Тахтар Хаджи. «Суд единогласно

постановил подвергнуть Тахтара Хаджи адатному наказанию: сослать канлыем на девять лет в Казикумухский округ, взыскать штраф в размере 100 рублей в общественную штрафную сумму окружного управления, лишить навсегда права ношения оружия, а имеющееся конфисковать и по истечении срока изгнания обязать его обычным примирением с родственниками умершего»¹⁹.

Прогрессивным во введении российских законов было также то, что унифицировалась ранее разрозненная правовая система по всему Дагестану.

С присоединением Дагестана к России горцы получили возможность спускаться на равнину с целью подзаработать, и этот процесс в исторической литературе получил название «отходничество». Число отходников в конце XIX в. доходило до 100 тыс. человек в сезон²⁰.

Периодически спускаясь на равнину, горцы имели возможность приобщаться к передовой европейской культуре, что, безусловно, имело прогрессивное значение и способствовало изменению менталитета горских народов в позитивном русле за относительно короткий исторический период.

Мало того, горцы находили возможность в поисках лучшей доли уезжать в российские города. В этом отношении выгодно отличались представители лакского народа, о которых очевидец повествует: «Несмотря на скудные местные угодья, кумухцы, сравнительно с другими дагестанцами далеко не бедствуют. Нужда и привычка к хожалости побуждает их изворачиваться и добывать себе не только хлеб, но нередко и капиталец – торговлею, ремеслами и заработками. Из них есть торговцы, ведущие свои обороты на десятки тысяч рублей; изделия кумухцев проникают даже в Тифлис; между ними есть замечательные оружейные мастера и искусные резчики на металле и кости; лудильщика-казикумухца можно встретить в разных местах Кавказа, — иные из них заходят даже в Ростов, Оренбург, в Нижний»²¹. Тем самым подходил к завершению традиционный консерватизм в общественном и семейном быту горцев, и они постепенно втягивались в общероссийское торгово-экономическое, социокультурное и правовое пространство.

Однако, здесь же следует отметить, что в 1925 г. в Дагестане было около 40 тыс. больных сифилисом²². «Есть целые селения, зараженные сифилисом; пьянство начинает проникать и в горы Дагестана, где этого зла совершенно не знали», – отмечал Н. Самурский²³.

Последствия венерических заболеваний были ужасными, если принять во внимание, что в горской глуши, вдали от городов, жители даже не имели представления о медицине, способной противостоять болезням цивилизации. Таким образом, Дагестан медленно, но неуклонно втягивался в русло рыночных отношений или же, по словам Гл. Успенского, страна «заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряжал горца из его поэтического костюма в костюм европейского лакея»²⁴.

Итак, присоединение горцев Дагестана к России во второй половине XIX – начале XX в. с несомненными позитивами имел также негативные стороны. Но однозначно то, что присоединение трансформировало общественное сознание горцев от традиционного в русло рыночных отношений. Трансформация проходила в конфликтной борьбе двух мировоззрений, цивилизаций, в которой в среде горцев обозначились две тенденции: радикально настроенных против российских порядков и лояльно к ним предрасположенных. Часть радикально настроенных горцев решила эту проблему мухаджирством в Турцию.

Значительная часть горцев, испытавшая на себе произвол наибов на завершающем этапе войны и засилье со стороны сильных джамаатов, рассчитывала на покровительство российских порядков. При этом, чтобы демонстрировать лояльность к традициям местных народов, российские власти позволяли им решать

спорные и конфликтные дела по прежним адатным и шариатским нормам, но не в сельских судах, а в централизованном порядке. Такой расклад был приемлем для значительной части горцев, которая во второй половине XIX в. более или менее активно сотрудничала с российскими властями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области (1883–1917) г. Темир-Хан-Шура // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 41–41 об.
- 2. Деятельность окружных судов в Дагестанской области. 1960 // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 279. Л. 44–45.
- 3. *Амиров Г.* Среди горцев Северного Кавказа (Из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 11.
  - 4. Там же. С. 58.
- 5. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области (1883–1917) г. Темир-Хан-Шура // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 66, 68.
- 6. Ходатайство общества Датун Окружному начальнику // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 2. Д. 84. Л. 64.
  - 7. Там же. Л. 64, 68.
  - 8. Губаханова Р.А. Айдемир Чиркеевский. Махачкала, 2003. С. 55.
- 9. *Ибрагимова З.Б.* Проблема мухаджирства в дагестанских памятниках эпистолярного жанра конца XIX начала XX в. // Вопросы истории. 2012. № 4. С. 154.
- 10. Абдуллаева М.И. Внутриполитическая ситуация в Дагестане в 70–90 гг. XIX века и миграционные процессы. Махачкала, 2006. С. 134.
  - 11. Там же. С. 133-134.
- 12. Заявление о запросе наместнику Е.И.В. на Кавказе и Военному Министру по поводу произведенных воинскими чинами беспорядков в с. Хунзах Дагестанской области // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 256. Л. 3.
- 13. Амиров Γ . Среди горцев Северного Кавказа (Из дневника гимназиста) // ССКГ. Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 13.
  - 14. Там же. С. 58.
- 15. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области (1883–1917) г. Темир-Хан-Шура // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 5 Д. 95. Л. 1–2.
- 16. Канцелярия военного губернатора Дагестанской области (1883–1917) г. Темир-Хан-Шура // ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 1. Д. 27. Л. 23.
- 17. Городские (упрощенные) общественные управления (1896–1919 гг.) // ЦГА РД. Ф. 3 Оп. 1 Д. 24. Л. 8.
- 18. Управление Хасавюртовского округа Терской области (1867–1917) г. Хасавюрт // ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 3. Д. 2. Л. 36.
- 19. Дагестанский областной народный суд (1868–1917 гг.) гор. Темир-Хан-Шура // ЦГА РД. Ф. 4 Оп. 2. Д. 5. Л. 2–5.
- 20. *Османов М.О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана. Махачкала, 1999. С. 185.
- 21. *Воронов Н.И*. Из путешествия по Дагестану // ССКГ Тифлис, 1870. Вып. 3. C. 36.
- 22. *Гаджиев А.С.* Роль русского народа в исторических судьбах народов Дагестана. М., 1964. С. 184.
  - 23. Самурский (Эфендиев) Н. Дагестан. М.-Л., 1925. С. 18.
- 24. *Гарданов В.К.* Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII начале XIX вв. // СЭ № 5, 1960 г. С. 20.

H.G. Magomedsalikhov

TRANSFORMATION OF SOCIAL RELATIONS IN DAGESTAN MOUNTAINEERS DURING THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

The subject of scientific analysis in this article are some aspects of public relations in Dagestan mountaineers after their accession to Russia in the second half of the XIX – early XX century.

Keywords: Highlanders, traditional, public relations, social conflicts, transformation, trends.

3.Б. Цаллагова

ВСЕВОЛОД МИЛЛЕР – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЭТНОГРАФИИ ОСЕТИН

В статье рассматривается вклад крупнейшего русского ученого В.Ф. Миллера в осетиноведение. В сфере его научных интересов были этногенез и этническая история, этнография, фольклор, духовное сознание. В.Ф. Миллер оставил значительное научное наследие — классический труд «Осетинские этюды», многочисленные книги, статьи, рецензии, обзоры, выступил учителем плеяды деятелей национальной осетинской культуры.

Ключевые слова: В.Ф. Миллер, Осетия, история, этнография, осетиноведение, кавказоведение.

Выдающийся российский ученый Всеволод Федорович Миллер отличался широким кругом научных интересов (санскритолог, мифолог, иранист, осетиновед, кавказовед, этнограф-фольклорист), базирующихся на основательном образовательном фундаменте. Среднее образование он получил в пансионе Эннеса, после окончания которого в 1865 году поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В Университете В.Ф. Миллер специализировался по истории народов Востока и восточному фольклору, основательно изучал греческий и латинский языки, санскрит. Среди его учителей и преподавателей были известные ученые: востоковед П.Я. Попов (1814–1875), филолог Ф.И. Буслаев (1818–1897), историки С.М. Соловьев (1820–1879) и В.И. Герье (1837–1919).

Первой научной работой В.Ф. Миллера было студенческое зачетное сочинение, написанное под руководством Ф.И. Буслаева «Восточные и западные родичи одной русской сказки», в котором он пытался исследовать причины схожести славянских и ряда восточных сказочных сюжетов. После окончания университета В.Ф. Миллер написал исследовательскую работу «Очерки арийской мифологии (Асвины-Диоскуры)», которую 1876 году в Москве опубликовал и защитил как магистерскую диссертацию. Путь, которым шел Миллер, переходя постепенно от лингвистики через этнографию к изучению памятников народной поэзии, был предопределен его стремлением обосновать исследовательские выводы точным критико-филологическим изучением фольклорных текстов, соотнесенных с этнографо-географическим распространением эпических произведений.

Логика развития исследовательской мысли подвела его к поиску связующего звена между славянским индоевропейским и индоиранским фольклорными пластами. Именно тогда ученый и заинтересовался историей и культурой народов Кавказа, в частности осетин. Для сбора полевого научного материала В.Ф. Миллер совершил пять поездок в Осетию (в 1879, 1880, 1881, 1883, 1886 гг.). Язык он усвоил настолько хорошо, что во всех осетинских селах В.Ф. Миллер беседовал с людьми на их родном языке, обоими диалектами которого он владел совершенно свободно.

Результатом поездок явилось издание двух томов «Осетинских этюдов» (1881–1882 гг.), которые были представлены в качестве диссертации на степень доктора сравнительного языкознания. Третья часть «Осетинских этюдов», удостоенная Большой золотой медали Императорского Русского Географического общества, вышла в 1887 г. Характеризуя содержание этого труда, В.Ф. Миллер пишет

в «Осетинских этюдах»: «Какая судьба загнала осетин в нынешние места их поселения, какое воспоминание сохранили они о своем прошлом..., каков склад их жизни, каковы их религиозные воззрения, какое место занимает их язык в группе иранских языков..., каковы произведения осетинской поэзии — вот вопросы, ... на которые мы по возможности старались дать ответ» 1. Следует сказать, что на все эти вопросы ученый дал блистательные ответы на самом высоком научном уровне. Более того, В.Ф. Миллер охватил своим исследованием многие вопросы этнокультурного наследия соседних народов. И даже путевые очерки ученого содержат много ценных сведений по истории, этнографии, религии, фольклору кабардинцев, балкарцев, чеченцев. Именно ему принадлежит определение нартского эпоса как общей принадлежности ряда народов Северного Кавказа.

Всю перечисленную работу ученый проводил, не прерывая своей основной академической деятельности. С именем В.Ф. Миллера связано открытие первого русского этнографического журнала «Этнографическое обозрение» в 1889 г., редактором которого он был долгое время. Кроме того, с 1884 по 1897 г. В.Ф. Миллер был хранителем Дашковского этнографического музея, коллекции которого им были приведены вновь в систематический порядок. В 1881 году В.Ф. Миллер был избран председателем Этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), на протяжении более чем тридцати лет, возглавляя этнографические исследования в столице и на местах, главным образом на Кавказе. Всеволод Федорович писал об этом крае: «Этнограф может наблюдать здесь целый ряд народов различного происхождения, стоящих на разных ступенях культуры... Словом, всюду удивительное разнообразие в понятиях и верованиях, всюду смешение древних, отживших форм быта с новыми»².

Кавказоведческие труды занимают особое место в научном наследии ученого: на рубеже XIX—XX вв. В.Ф. Миллер стал родоначальником нового и плодотворного этапа в истории российского академического кавказоведения. Многочисленные кавказоведческие труды В.Ф. Миллера посвящены важнейшим проблемам истории, археологии, этнографии, религии, эпиграфики, языкознания и устной народной поэзии народов Северного Кавказа. Этой работой он увлек и своих учеников, а также сотрудников Этнографического отдела ОЛЕАЭ: анализ научной работы отдела показывает, что «...три четверти общего числа докладов посвящены именно тем вопросам, которыми больше всего интересовался сам Всеволод Федорович, то есть былинному эпосу и Кавказу»³.

Именно В.Ф. Миллер заинтересовал М.М. Ковалевского, доцента юридического факультета Московского университета, материалом по обычному праву горцев Кавказа. После посещения народного судебного заседания в Дигорском ущелье во время поездки в Осетию в 1880 году ученый писал: «Я полюбопытствовал на другое утро заглянуть в книгу судебных решений, постановляемых по обычному праву (адату). Не будучи сам юристом, могу уверить лиц, занимавшихся обычным правом, что они нашли бы много любопытного материала в этих книгах, которые хранятся при каждом сельском правлении». В 1883 и 1885 годах вместе с В.Ф. Миллером М.М. Ковалевский совершил поездку в Осетию, собирая полевой этнографический материал, ставший основой его двухтомного труда «Современный обычай и древний закон». Это исследование, воспринятое современниками как крупное событие в юридической литературе, автор посвятил В.Ф. Миллеру. «В.Ф. Миллеру я обязан не только многими указаниями, позволившими мне расширить круг моих чтений, но и моим первым знакомством с бытом кавказских горцев. В его обществе мною были предприняты поездки к осетинам…»⁴.

Сбором кавказских полевых материалов занимались и члены созданной в 1885 году музыкальной этнографической комиссии, созданной при Этнографическом отделе, которая издала три тома трудов, посвященных народному музыкальному творчеству. В частности, известный композитор С.И. Танеев, совершивший

поездку на Кавказ с В.Ф. Миллером и М.М. Ковалевским, дал описание местных музыкальных инструментов, отметив сходство таковых у балкарцев и осетин⁵.

Большая работа по сбору этнографического материала по Кавказу, в частности Осетии, проводилась Дашковским этнографическим музеем, возглавляемым В.Ф. Миллером на протяжении 13 лет. За это время запасники музея пополнились более чем 40 предметами осетинского быта (утварь, арфа, сукно, кресло, национальные костюмы, коса, ярмо и т.д.). Обзор осетинских этнографических коллекций был дан во втором выпуске серии описания предметов материальной культуры Дашковского этнографического музея.

Плодотворная осетиноведческая работа проводилась В.Ф. Миллером и в Московском археологическом обществе. Он, в частности, принимал активное участие в организации и проведении в 1881 году в Тифлисе археологического съезда, на котором выступил с докладами «Об осетинском языке и его месте в группе иранских языков», «О кавказском Прометее», «Программа для собирания материала по осетинскому языку», при написании которых он использовал богатый этнографический материал.

Ученый широко использовал этнографический материал и при исследовании смежных научных дисциплин. Так, в целях изучения башенных сооружений, могильников и склепов, средневековых церквей в Осетии, он организовал большую археологическую экспедицию, в ходе которой одновременно записывал народные предания в Куртатинском, Алагирском и Дигорском ущельях, а также собрал здесь ценный материал о религиозных верованиях осетин. В статье «Отголоски кавказских верований на могильных памятниках» В.Ф. Миллер на основе рассмотрения погребальных осетинских обрядов (в частности обряда посвящения коня) расшифровал символику фигур, изображенных на могильных памятниках, датируемых XV—XVI вв. (Подробный анализ этих работ В.Ф. Миллера⁶). Все эти материалы, а также описание сооружений культового значения вошли в авторитетное издание «Материалы по археологии Кавказа»⁷.

Следует отметить, что многочисленные труды по этнографии Осетии В.Ф. Миллер написал, основываясь на собственных экспедиционных материалах, собранных почти во всех ущельях Осетии. Ученый беседовал с осетинами на их родном языке, обоими диалектами которого свободно владел. Собственноручные записи ученого, произведенные им в Осетии, до сих пор хранятся в центральных и местном архивах. Именно собственные записи этнографического материала в горной Осетии, начатые еще во время первой экспедиционной поездки в 1880 году, легли в основу его «Осетинских этюдов».

Сведения по вопросам осетинской этнографии, излагаемые ученым, весьма разнообразны, они охватывают почти все аспекты этнографической науки, никогда не ограничиваясь чисто описательными целями. Особенно тщательно этнографические материалы анализировались ученым в аспекте изучения археологии, языка и этногенеза осетин. В этом отношении показательны такие статьи ученого как «Отголоски кавказских верований на могильных памятниках», «О некоторых древних погребальных обрядах на Кавказе», «Черты старины в сказаниях и быте осетин», в которых дан глубоко компетентный анализ духовной культуры осетин, в частности, их религиозных воззрений и поминально-похоронной обрядности. В последней из указанных статей В.Ф. Миллер одним из первых в научной литературе констатирует поразительное сходство целого ряда осетинских архаических погребальных обрядов со скифскими (посвящение коня покойнику, обрезание косы у вдовы, оплакивание, масштабные поминки и т.д.): «Наблюдая эти, до сих пор сохранившиеся у осетин обряды, невольно вспоминаешь некоторые черты скифских похорон, записанные Геродотом»⁸. Одним из древнейших осетинских обрядов ученый считал и погребение покойника в усыпальнице (дзаеппаз), широко распространенное в прошлом в Осетии.

Специальное освещение вопросов происхождения осетин, подкрепленные этнографическими данными нашли отражение в третьей части «Осетинских этюдов», являющихся не только исследованием по этнической истории и этнографии осетин, но и содержит ценные сведения о южном регионе нашей страны до появления там славянских племен. Несомненным открытием ученого является определение древней территории Осетии – Алании, которая, по его мнению, основанному на научном (этнографическом, топонимическом, лингвистическом) изучении проблемы, простиралась от нынешней горной Дигории до верховьев Кубани.

В частности, изучение местных преданий, подвело В.Ф. Миллера к выводам относительно динамики заселения балкарцами их нынешних территорий. Вся территория до Эльбруса и далее на запад, по мнению ученого, была занята осетинами-дигорцами, которые были вытеснены оттуда тюркоязычными племенами. Балкарцы, оттесненные в горы монголами, последовательно занимали эту территорию с востока на запад. Самое раннее их поселение здесь, по мнению В.Ф. Миллера, было на р. Черек, а отсюда уже происходило заселение верховьев Чегема и Баксана: «До сих пор во всех этих местах множество речек, ущелий, перевалов, поселков, гор, пещер и т.д. носят слегка искаженные осетинские названия» Здесь же отмечается, что, смешавшись с осетинами-дигорцами (некоторые дигорские семьи даже переселялись в Балкарию), балкарцы восприняли от них двацатеричный счет, а среди тюркоязычных пришлых племен появился новый антропологический тип, сходный с осетинским: нередко балкарцы и дигорцы вступали в родственные связи.

В указанной статье отмечается и то, что одним из древних элементов материальной культуры, сохранившимся у осетин, является такой вид оборонительных сооружений, как башни, которые строились здесь задолго до монгольского нашествия. А, описывая башни в ущелье Черека, ученый отмечает, что они напоминают башни, виденные в горной Осетии, делая вывод о том, что они были сооружены здесь задолго до появления балкарцев.

Именно Миллер в статье «Терская область: Археологическая экскурсия» впервые сообщил о том, что сваны до сих пор называют территорию от Эльбруса до Дигории Осетией, а сами осетины-дигорцы называют поселившихся на этом месте балкарцев аланским этническим термином *асиаг* – т.е. из страны асов (осетин). Неопровержимо свидетельствует, по мнению ученого, о пребывании осетин в средние века в верховьях Кубани развалины крупного средневекового аланского города¹⁰.

В.Ф. Миллер занимался не только изучением заселения современной Осетии, исследуя памятники материальной культуры (жилые и оборонительные башни, христианские церкви, надгробные памятники, языческие святилища и т.д.), им собран богатый материал по фамильным и ущельным преданиям о родоначальниках дигорских баделят, о тагаурцах, алагирцах, куртатинцах. Особое внимание ученый уделял записи и анализу материалов по религиозным воззрениям осетин. Он побывал на празднике в честь святилища Реком в Цейском ущелье, описал ряд других святилищ, отмечая, что ни ханжества, ни религиозного фанатизма ему в Осетии не пришлось видеть. «Осетин, называет ли себя христианином или мусульманином, – в сущности – язычник. Его религия сводится к тому, что в известные дни следует зарезать барана, или быка, пойти на известное «святое место» пропеть в честь местного дзуара восхваление, - затем его долги небу оплачены»¹¹, - пишет ученый, отмечая, что основной религией у осетин были этнические языческие воззрения. Свои записи, наблюдения и обобщения по этому поводу ученый систематизировал в работе «Религиозные верования осетин», которые и составили второй том его «Осетинских этюдов».

В этой работе, состоящей из введения и пяти глав, описываются осетинские божества и дзуары, религиозные праздники и обряды. Основываясь на большом

фактическом материале, Миллер резюмирует, что у осетин существует представление о едином боге — xyыцay, который управляет миром, пребывая на небе, однако в повседневной жизни судьба и счастье людей зависят от сил, подчиненных богу и патронирующих разные области природных и общественных явлений. «От одного из этих духов зависит урожай хлеба, от другого — обилие и здоровье домашнего скота, третий заведует дикими животными и дает удачу на охоте, четвертый посылает урожай меду и т.д. Между духами есть и такие, которые посылают болезни, например оспу…» ^{12} .

По наблюдениям В.Ф. Миллера ни христианство, ни ислам не были глубоко укоренены среди осетин, коснувшись их только поверхностно. По сведениям ученого, ислам проник в Осетию из Кабарды и его исповедовала часть дигорских баделят и тагаурских алдаров. А христианство в Осетию проникло еще в средние века, распространившись на западную часть региона из Византии через Абхазию, а на восточную — из Грузии. Об этом свидетельствуют многочисленные развалины христианских культовых сооружений: часовен, церквей, храмов на территории горной Осетии и в верховьях Кубани, некоторые из которых довольно подробно описаны В.Ф. Миллером (святилище Реком, часовня в Нузале и др.).

Много этнографических сведений содержат такие работы В.Ф. Миллера как «В горах Осетии» и «Археологическая экскурсия». В них приведено подробное описание целого ряда памятников материальной культуры Осетии, описание поселений и видов жилища осетин, характеризуются их хозяйственные занятия, общественный и семейный быт, а также приводятся многочисленные исторические предания об осетинских родах и фамилиях, произведения различных жанров осетинского фольклора. Наряду с этим «В горах Осетии» характеризуется современный ученому быт рабочих Алагирского свинцово-цинкового завода и Садонских рудников¹³.

Прекрасно зная оба диалекта осетинского языка, В.Ф. Миллер, вместе с тем, отмечал, что «...без самих осетин, без ревностного участия осетинской молодежи не только в собрании памятников языка и словесного творчества, но и в деятельной консультации путем писем и личных бесед, он никогда не сумел бы довести своей работы до желательного конца»¹⁴.

Ученый был тесно знаком со многими представителями осетинской интеллигенции, поддерживая в регионе развитие краеведческой науки. Научную информацию он получал от учителей-осетин М. Гарданова, А. Кайтмазова, А. Канукова, С. Кокиева, работавших в самых отдаленных уголках Осетии. Их информацию он оценивал как наиболее оригинальный этнографический материал и считал необходимым печатать их корреспонденции в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа». Несомненна заслуга академика Миллера в том, что не только его труды, но прежде всего сама его личность как ученого и человека, способствовали пробуждению у представителей осетинской интеллигенции интереса к изучению родного языка, истории, этнографии своего народа.

Образованные осетины не только помогали академику в его работе во время научных путешествий, предпринятых им с археологической, лингвистической и фольклорной целью, но и сами становились серьезными исследователями культуры своего народа. В.Ф. Миллер же был не только координатором и издателем осетиноведческих трудов молодых осетинских исследователей, он осуществлял научное руководство целым поколением молодых осетинских ученых в тех учреждениях, в которых он работал (Московский университет, Лазаревский институт восточных языков, Восточная комиссия Московского археологического общества, Дашковский этнографический музей и др.).

Таким образом, с выходом трудов В.Ф. Миллера по этнографии Осетии, в которых широко использовался полевой материал для теоретико-методологических выводов и научных заключений, в регионе стала формироваться научная школа

краеведения, стали появляться этнографические работы, осуществленные на основе научного анализа и снабженные соответствующими выводами и резюме. До начала этого периода этнографические работы (их насчитывалось более пятидесяти) русских этнографов и местных любителей старины носили преимущественно описательный характер.

Одним из важных факторов становления этнографического осетиноведения были рецензии В.Ф. Миллера на статьи «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа», первый выпуск которого состоялся в 1881 году. Ученый очень подробно и обстоятельно анализировал все выпуски СМОМПК, вышедшие при его жизни (№№ 1–22), помещая аналитические материалы в «Журнале Министерства народного просвещения». В этих рецензиях ученый не только передавал содержание анализируемых материалов, отмечая ценные с научной точки зрения находки, указывая ошибочность отдельных суждений, но и отмечал, чем и почему надо заинтересоваться, что представлялось актуальным для дальнейшего исследования проблемы. В отличие от СМОМПК, «Журнал Министерства народного просвещения» был более доступен для широкого круга читателей, поэтому рецензионная деятельность В.Ф. Миллера носила еще и образовательнопросветительский характер.

Осенью 1906 г. отмечалось 25-летие научной деятельности В.Ф. Миллера. В адресе осетинской интеллигенции к ученому говорилось: «В 1881 году Вы выпустили первый том «Осетинских этюдов», которыми положили прочное основание научного изучения нашего языка, истории, религиозных верований и, главным образом, произведений народного творчества... Перед осетинской интеллигенцией Вы открыли обширное поле для духовной работы, пробудили в ней национальное самосознание и народные творческие силы... От берегов бурного Терека до ущелий священного Рекома, в стране бурной Лияхвы и Гуджеретского нагорыя раздался великий вздох облегчения — началось просветление древнего исторического народа под говор родного печатного слова. И если в сердце Кавказа, потомкам древних аланов-осов суждено сделаться культурным народом, то этим они во многом обязаны Вашим научным трудам... Благодаря Вашим трудам многие другие ученые заинтересовались нашей народностью и дали целый ряд капитальных трудов по исследованию нашей археологии, обычного права и истории» 15.

То, насколько В.Ф. Миллер глубоко был тронут этим адресом, видно из его письма Г. Баеву от 23 декабря 1906 г., в котором, в частности писал, что очень рад оказанному ему вниманию и «сторицею вознагражден за свои труды в деле научного изучения языка, народного творчества, исторического прошлого способного и трудолюбивого народа, древнего сочлена индоевропейской семьи. Заинтересовавшись осетинами сначала только с историко-этнографической стороны, как потомками аланов и сарматов, я из личных сношений с ними во время моих поездок по Осетии вынес самые отрадные впечатления. Я увидел перед собой народ живой способный, интеллигентный, бодрый, несмотря на часто тяжелые условия существования, стремящийся к просвещению»¹⁶.

«Осетинские этюды» принесли ученому большую известность и славу ираниста-осетиноведа. Сам ученый неоднократно заявлял, что осуществление этой работы происходило при помощи осетинской интеллигенции. В сборе информации, интересующей ученого, ему активно помогал Г.В. Баев, городской глава Владикавказа. В письме (от 2 ноября 1891 г.) В.Ф. Миллера, адресованном Г. Баеву, говорится: «Мне всегда приятно, когда ко мне обращаются представители от кавказской народности, которую я изучаю с особым интересом и среди которых у меня немало друзей». По поводу полевых материалов он ему сообщал там же: «Собранный материал по этнографии, издававшийся мною при Дашковском этнографическом музее, прекратился на 3 выпуске этого года. Мы основали специальный этнографический журнал (4 книги в год) под заглавием «Этнографическое обозрение». Он существует уже 3-й год и вероятно находится в библиотеке Новороссийского

университета. Собранные Вами материалы, т.е. сказки в русском переводе, если они не очень многочисленные могли бы быть помещены в нашем журнале, если же их много, то мы могли бы издать осетинские тексты с переводом в трудах этнографического Императорского общества Антропологии и Этнографии». В этом письме ученый сообщает о своем напряженном труде по составлению осетинорусско-немецкого словаря: «Материалы были собраны раньше (до 8000 слов) и теперь остается привести их в порядок. К сожалению, я могу работать над этим летом и потому словарь продвигается медленно». Письмо заканчивается осетинским благопожеланием — бира цар! Рекоми Хорзах да уад! (живите много! Рекома (святилища) благословение да будет на Вас!)»¹⁷.

Вопрос о словаре В.Ф. Миллер ставит и в другом своем письме (от 4 октября 1895 г.), адресованном Г. Баеву: «Для словаря у меня собран значительный материал на карточках, подобранный алфавитом. Буква a и α даже переписаны; но все же я не решаюсь начать издание, так как чувствую необходимость в помощи осетин для накопления словаря и решения разных недоумений, а здесь в Москве также помощников у меня нет. Если Вам удалось в Владикавказе организовать группы словарников, то я каждому нашел бы подходящую работу и дело пошло бы вперед!» ^{18} .

В.Ф. Миллер неоднократно и подолгу бывавший в Осетии, настолько сроднился с краем, что, чувствовал себя здесь комфортно, планировал даже сочетать здесь работу и отдых. В одном из писем Г. Баеву (от 27 февраля 1900 г.) он пишет: «Есть у меня один проект, осуществление которого отчасти зависит от Вашей любезности. Мне хотелось бы часть лета провести на Кавказе и именно на территории иронов. Для этой цели мне нужно заранее найти помещение, хотя бы весьма скромное, например, в Алагире. Я слышал, что там уже начинает возникать дачная жизнь, но никаких подробностей не знаю — мне нужен небольшой домик с садом для меня и семьи, состоящей из жены и 3-х взрослых сыновей». Здесь же он пишет о продолжении им давно начатого изучения скифо-сарматских эпиграфических и археологических памятников северного Причерноморья.

Однако уже в следующем письме Г. Баеву (от 20 мая 1900 г.) В.Ф. Миллер пишет, что «по семейным обстоятельствам принужден отказаться в августе приехать во Владикавказ». Однако указывает, что «все свои часы и досуги, которых у меня, к сожалению, очень немного» отдает делу составления осетино-русско-немецкого словаря: «Материал собран весьма обширный, и я постоянно наполняю его из напечатанных книг, в том числе из постоянных изданий. И.Т. Собиев отдал мне свои дигорские слова до 7 тысяч, в числе которых новыми для меня оказались до 1 тыс. Довел словарь до конца, надеюсь напечатать его либо в издании Академии наук, либо при Лазаревском Институте Восточных языков»¹⁹. К сожалению, преждевременная смерть помешала ему выполнить намеченное; осетино-русско-немецкий словарь В.Ф. Миллера со значительной доработкой был издан в 1920-х годах в 3-х томах издательством Академии наук.

Исследования В.Ф.Миллера сыграли выдающуюся роль в развитии осетиноведения, на них воспитывались поколения осетинской интеллигенции. В.И. Абаев определил для себя путь в науку еще в гимназии, после того, когда прочел «Осетинские этюды» В.Ф. Миллера. По предложению В.И. Абаева и известного кавказоведа, исследователя научного наследия В.Ф. Миллера Б.А. Калоева, и при поддержке Правительства РСО — Алания одна из улиц в центре Владикавказа была названа именем В.Ф. Миллера. Однако все еще предстоит работа по каталогизации научного наследия ученого. Б.А. Калоев, много лет занимавшийся исследованием научного наследия ученого, отмечал, что рукописи В.Ф. Миллера и различные сведения о нем, хранятся не в одном архиве, а во многих столичных и местных кавказских архивах, что ставит перед исследователями творческого наследия ученого нелегкую задачу их обобщения и описания. Специального издания, по его мнению, заслуживает и многолетняя переписка В.Ф. Миллера с представителями кавказской интеллигенции.

Будучи первопроходцем в академическом осетиноведении, В.Ф. Миллер проводил большую работу как координатор и руководитель современных ему исследований по этнографии Осетии, им проводилась большая работа по рецензированию работ; в «Этнографическом обозрении», «Трудах Этнографического отдела», «Трудах по востоковедению» регулярно публиковались его отзывы на исследования, посвященные истории, фольклору, этнографии Осетии. Трудно представить современное осетиноведческое исследование, которое бы в той или иной степени не базировалось на классических трудах В.Ф. Миллера.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. М., 1881. Ч. 1. С. 3.
- 2. Труды V археологического съезда в Тифлисе в 1881 году. М., 1887. С. XXXV.
- 3. *Максимов А.В*. В.Ф. Миллер // Этнографическое обозрение, 1913. № ¾. С. 152.
- 4. *Ковалевский М.М.* Московский университет в конце 70-х и 80-е годы прошлого века // Вестник Европы, 1910. № 5. С. 182.
- 5. *Танеев С.И.* Заметка о музыке, танцах и песнях урусбиевцев // Вестник Европы, 1886. № 1. С. 96.
- 6. *Калоев Б.А.* Осетинские историко-этнографические этюды. М.: Наука, 1999. С. 356.
- 7. *Миллер В*. Терская область: Археологическая экскурсия // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1.
- 8. *Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // Материалы по археологии Кавказа. М., 1893. Вып. 3. С. 206.
- 9. *Миллер В.Ф., Ковалевский М.М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. № 4. С. 551.
- 10. *Миллер В.Ф.* Черты старины в сказаниях и быте осетин // Материалы по археологии Кавказа. М., 1893. Вып. 3. С. 80.
- 11. *Миллер В*. В горах Осетии // Миллер В.Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. М.: Наука, 2008. С. 801.
  - 12. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Ч. 2. С. 239.
  - 13. Там же. С. 63.
  - 14. Цит. по: Калоев Б.А. Указ. соч. С. 354.
- 15. ЦГА РСО-А (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания). Ф. 56. Оп. 1. Л. 17.
  - 16. Там же. Л. 21.
  - 17. Там же. Л. 20.
  - 18. Там же. Л. 22.
  - 19. Там же. Л. 22.

Z.B. Tsallagova

VSEVOLOD MILLER – THE RESEARCHER OF THE OSSETIAN ETHNOGRAPHY

In the article the contribution of the largest Russian scientist V.F. Miller to the Ossetian studies is considered. Ethnic genesis, ethnic history, ethnography, folklore, spiritual consciousness were in the sphere of his scientific interests. V.F. Miller provided considerable scientific heritage – his classical work of «Ossetian etudes», numerous books, articles, reviews; he acted as a teacher for a galaxy of national Ossetian culture figures.

Keywords: V.F. Miller, Ossetia, history, ethnography, Ossetian studies, Caucasian studies.

УДК 94 (470.67)

М.М. Агларов

МЕЖЭТНИЧЕСКИЙ МИР – ИСТОРИЧЕСКОЕ ДОСТОЯНИЕ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

В статье показаны исторически сложившиеся основы социальной идентичности, гражданского единства и межэтнической толерантности народов Дагестана. Подчеркивается, что на исторической карте Дагестана не было зафиксировано ни одного случая столкновения одного народа с другим, а межобщинные споры и конфликты, имевшие место, погашались за счет обычноправовых норм и установлений.

Ключевые слова: Дагестан, межнациональная толерантность, этнические территории и границы, гражданские общины, согласие, закон.

В Дагестане по меньшей мере за последние два тысячелетия не были известны не только межнациональные войны, но даже конфликты на межнациональной основе. Местные историографы, начиная от Мухаммеда-Рафи (XIV в.) до Гасана Алкадари (XIX в.), не только не отмечают межнациональные конфликты, но вовсе игнорируют национальный фактор в истории беспрерывных войн за независимость, что вели горцы, или в других исторически значимых акциях во внешней или внутриполитической жизни. Этнический фактор как бы вовсе отсутствовал в Дагестане. Тем не менее, Дагестан в те же последние тысячелетия был так же многоязычен или полиэтничен, как и сегодня. При исключительном малоземелье и множественности этнических образований, вооруженности, известной воинственности горцев, межэтнические конфликты, казалось, были бы не только неизбежными, но могли стать печальной повседневностью. В действительности мы имеем ситуацию межнациональной толерантности. Ни один народ в Дагестане не вел войны против другого народа. Об этом говорили и писали философы и культурологи. Академик Г.Г. Гамзатов проникновенно указывает на эту особенность. «Здесь, относительно небольшой, – всего 50 тыс. кв. км – территории с населением чуть более 2 млн. человек – издревле живут 30 народностей, в большинстве своем малочисленных, миноритарных, говорящих на разных языках, принадлежащих к различным этноязыковым семьям и группам – кавказской, тюркской, индоевропейской.

Живут эти народности в Дагестане издавна вместе, не ведая вражды и злобы, в мире и согласии, образуя единое и целостное многоязычное содружество, именуемое дагестанским народом, — понятием, генетический код которого зашифрован не по национальному, этническому или языковому, а по территориальному, региональному признаку и культурному сходству. Такова сама природа данного этноязыкового конгломерата, данного межнационального содружества и духовной общности. Ведь на исторической карте Дагестана не зафиксирован ни один случай столкновения одного народа с другим».

Но в чем же секрет?

Причину межэтнического мира в прошлом и в настоящем невозможно искать в сфере общих ценностей, таких как добрососедство, миролюбие, или иных нравственных качеств, присущих нашим народам. Эти факторы играют роль до определенной черты или до критической точки, после которой конфликт мог бы быть погашен применением права и согласительных механизмов. Если и случался конфликт между двумя общинами, принадлежавшими разным этническим

образованиям, он погашался обычными методами по праву и соглашениям, без заступничества «за своих» со стороны этносов.

Еще в древности (порядка пару тысячелетий тому назад) произошел переход от корпоративных этнополитических связей к правовым отношениям, свойственным гражданским общинам. Как это хорошо известно специалистам социальной антропологии и культурологам, гражданская община выходит из корпоративных отношений к новым договорным, стремится к автономии и независимости (общинный сепаратизм), компенсирует потерю родовых и этнических связей новыми договорными, то есть кооперативными (правовыми) связями. И на этой основе складывается публичное и внешнее право. Межличностные конфликты также переходят в правовое поле. Личность — это уже не органическая частица рода и племени, а самостоятельный субъект права в общине, наделенный правами и обязанностями по отношению к ней и внешнему миру.

Обращает на себя внимание тот факт, что в Дагестане не были известны, подчеркну, абсолютно не известны, «этнические территории», постоянной константы известных конфликтов, т.е. ни аварцы, ни даргинцы, ни другие национальности не имели «общеаварской» или «общедаргинской» и других «национальных» территорий. Соответственно, не было синдрома этнической ассимиляции иноязычных образований, при которой присоединялись их территории к «своим» территориям. Этнический фактор как субъект «исторической активности» перестал существовать, предположительно, еще на рубеже нашей эры, после возвышения и укрепления гражданских общин и их союзов, как доминантных форм политических устройств в Дагестане. Этнический фактор в конфликтах, весьма частых из-за территориальных владений, перераставших иногда в военные стычки между общинами, владетелями территорий, отсутствовал. Он также не присутствовал в вопросах кровомщения или других уголовных и гражданских тяжбах. Этничность не касалась жизненных интересов общин, а составляла культурную атрибуцию как языки, и определенные элементы материальной и духовной культуры, включая и языковые поля. Отсутствие этнических территорий и национальных границ «компенсировалось» наличием территориальных владений на правах собственности конкретных обществ и их союзов, куда, кажется, и переместился полигон конфликтов, что породил механизмы не военного, а их правового решения.

Территории общин и их союзов имели границы, обозначенные в различных формах. Они фиксировались в письменных документах, были опознаваемы и хранились в общественной (коллективной) памяти. Граница территории обозначалась специальными опознавательными знаками, отмечалась бороздой, проведенной плугом, изредка строили невысокие каменные «столбы» или устанавливали стелы. Классический памятник такого рода, который датируется XIV веком, призванный, как полагают исследователи, играть роль юридического документа, находится в Курахе. Надпись прочитана, прокомментирована и издана известным кавказоведом Л.И. Лавровым и стала широко известна в науке. Надпись составлена 24 декабря 1356 г. и гласит: «Это горы Кураха: от мельницы Хибитара до загона для скота (принадлежащего) Ругуну, и до Хаджиева камня, и до вершины Кун-Кула, и до горы Архита, и до Хараджского моста, и до Друшдульского тока, и до вершины, не занятой Хбуком. А это горный хребет со стороны Юга: от озера Кулик-вир до (горы) Т-р-к-р-кил выше Кимихура, и до речки под Титалем, и до М-гункура, (где) кончается конюшня и начинается Зилинки» 1.

Граница здесь обозначена достаточно точно, называются урочища, речки и хозяйственные объекты.

Курахская стела привлекает внимание еще рисунками, которыми сопровождается надпись. Рисунки изображают когтистого зверя, на его спине написано «лев», какое-то фантастическое чудовище, в пасти которого написано «большая змея», и всадника на соколиной охоте. Эти изображения — принятые знаки оберега, в

данном случае они употреблены как талисман-оберег территории и границ Курахского общества.

Границы обозначались в письменных памятниках, игравших роль юридических документов, закреплявших территориальные владения. Более распространенной была устная традиция обозначения границ. Беседы о пограничных линиях на годеканах, в мечети и специально среди старейшин происходили чуть ли не ежедневно в связи с хозяйственной эксплуатацией территории. Эта особенность, то есть наличие территориальных владений, не имевшая прямых аналогий, кроме как в античном мире, была выдающейся чертой независимых гражданских общин в Дагестане. Соответственно, конфликтные ситуации возникали не между этносами, а между конкретными обладателями территорий – между теми или иными сельскими обшинами, независимо от их этнической принадлежности. Полигон конфликтов из этнических полей, которые, как говорилось выше, были разрушены (расстроены) возвысившимися гражданскими общинами, переместился в межобщинные пограничные зоны. Конфликты между общинами возникали постоянно и повсеместно из-за взаимных «пограничных» претензий на владения или нарушений границ пастьбой скота на чужой территории. Но не только. Многие бывшие отселки, владевшие территорией, совместно с другими отпочковывались, образуя свои территориальные владения. Стремление к равенству не только граждан, но и статута общин по отношению друг к другу было характерно локальным сообществам, они стремились к сепарации, что также приводило к конфликтным ситуациям (передел территорий и т.д.). Формы и механизмы разрешения конфликтов, как и факторы, порождавшие их, были за пределами обычной бытовой культуры, этнической солидарности в том числе, но в сфере законов, которые обслуживали исторически сложившиеся местные сообщества, основанные на «сочетании общественной и частной форм собственности на средства производства» (К. Маркс), в сфере соглашений и установок, что оговорено в ряде старинных кодексов, и касались только межобщинных, а не межнациональных отношений.

Военные действия одних обществ против других пресекались санкциями закона. Так, 53-й пункт «Свода решений, обязательных для жителей Андалальского округа» гласит: «Если крупное селение наше захватит себе наше маленькое селение, то с крупного селения ежегодно взыскивается по 100 баранов»². Или: «Если крупное селение учинит насилие над маленьким селением, то все селения округа помогут ему избавиться от этого насилия»³. Еще более категоричны постановления других вольных обществ и их союзов. Устанавливаются штрафные санкции на те окрестные общины, которые уклонились от обязательств наказать общину-агрессора (общество Хунз). Так, в 92-й статье постановлений их кодекса говорится: «Если жители одного аула самоуправно захватят луга и нивы другого аула, нарушив при этом обычаи края и законы кодекса, то соседние аулы должны заступиться и дать отпор нападающим. Если они этого не сделают, то с каждого соседнего аула взыскивается 10 голов овец»⁴. Законы союзов подавляют побудительные мотивы для нападения общества на общество, как бы они ни были весомы. Агрессия пресекается, очевидно, чтобы исключить прецедент, иначе могла иметь место цепная реакция по завоеванию чужих земель.

Механизмы погашения межобщинных споров и столкновений были многообразны. Межобщинные конфликты разрешались маслаатом (миротворческие комиссии), который творили представители других, не вовлеченных в конфликт общин — джамаатов. В спорных ситуациях для освидетельствования границ привлекались не все, а лишь отдельные лица, известные не только знанием границ, но обладавшие безукоризненной репутацией, справедливых и достойных доверия людей. К примеру, по случаю потравы скотом, принадлежавшим хуторянам сел. Урада, пастбищ в пограничной местности Гьину, которую жители сел. Мачада считали своей, последовало распоряжение, в котором, в частности, говорилось,

что в связи с потравой и конфликтом «оба джамаата послали по два человека для опознания границ ^{5} .

Соблюдение границ и владение территориями (де факто) в Дагестане оставалось неизменным принципом при всех самых радикальных социально-экономических, политических переменах и реформах за последние два столетия. В имамате территориальные владения обществ были защищены местными законами. Шамиль оставил территориальные владения общин в неприкосновенности. Он создавал государственные земли байтулмал из других источников. Российские власти также оставили положение вещей неизменным, хотя и замалчивали право общин на территории, в то же время не оспаривали его. Они также создавали казенные земли из отдельных источников. За общинами оставались их территории. Советы, хотя и все земли были объявлены государственными, также отказались от попыток перераспределения земель и изменения территориальных границ по экономической целесообразности и социальной справедливости, так как любые попытки изменить границы вызвали бы протесты сельчан вплоть до восстаний. Современное углубление реформ по муниципальному праву на территории происходит и, можно прогнозировать, будет происходить, сохраняя статус-кво границ традиционных территориальных владений.

В заключение еще раз нужно сказать, что межэтническая толерантность в Дагестане — это историческое наследие, а межобщинные конфликты, имевшие место, погашались на правовом поле независимо от того, к какой национальности принадлежат конфликтующие общины, образно говоря, на альтернативе: «согласие или коллапс по принципу домино», где выбор всегда за согласие. Гражданская община, высший тип местных сообществ, требовала соблюдения традиций, установок, правил и закона, как условие ее свободы, то есть самого факта ее существования. Свобода же, особенно в ее высших уровнях, в чем убеждены философы, без механизмов согласия порождает «мощные силы разногласий и противоречий, что угрожало бы самому функционированию общества»⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. *Лавров Л.И*. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1. С. 196, 287.
  - 2. Памятники обычного права Дагестана. М. 1961. С. 65.
  - 3. Там же.
  - 4. Памятники. С. 268.
- 5. Распоряжение в связи с пограничным миром между Урада и Мачада // Рук. ф. ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Д. 522.
  - 6. Алиев М.Г. Согласие: социально-философский анализ. М., 2001. С. 196.

M.M. Aglarov

INTERETHNIC PEACE - HISTORICAL ASSET OF THE DAGESTAN PEOPLES

The article exposes historical foundations of social identity, civil unity and interethnic tolerance of the Dagestan peoples. It is emphasized that on the Dagestan historical map no cases of national collisions were recorded and that intercommunal disputes and conflicts had always been slaked by Common Law norms and establishments.

Keywords: Dagestan, international tolerance, ethnic territories and borders, civil communities, consent, law.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОР

УДК 821.352.3

Х.Т. Тимижев

ЛИТЕРАТУРА АДЫГСКОЙ ДИАСПОРЫ НА ПОРОГЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В представленной статье рассматриваются место литературы адыгской диаспоры в истории и современном состоянии культуры арабского Востока и роль яркой творческой индивидуальности в эволюции художественного сознания черкесской эмиграции.

Ключевые слова: модернизм, искусство, культура восточных народов, адыгская диаспора, традиционализм, психологизм, малые жанры, динамизм, критика, «деревенская» проза.

Культура стран исламского мира (например, где проживает адыгская диаспора) – многослойна, но в ней превалируют две тенденции: заимствованные элементы у наиболее развитого Запада и незыблемые ценности традиционного бытия самих восточных народов. Некоторые страны избрали путь трансформации национальных атрибутов с реалиями современности или же приспособления новомодных явлений к традиционному образу жизни своих народов. Однако во многих государствах попрежнему главенствует культ религии ислама. Сторонники возрождения традиционной культуры в своем творчестве опираются на идеи исламского фундаментализма. Они настаивают на истинности утверждения, что у восточного человека есть особый подход к художественному самовыражению, к оценке художественной и литературной продукции. Основные элементы такой культуры фундаменталисты берут из исламского представления о Вселенной, о жизни и о человеке, построенного на религиозных ценностях. Верить в мир сокровенного без ощущения внутреннего противоречия и конфликта — вот что, по их мнению, должно быть в произведениях писателей исламского мира.

Сторонники традиционализма весьма скептически относятся к европейским литературным направлениям. Суть суждений этих авторов сводится к следующим положениям:

- отрицание социалистического реализма. Если автор является сторонником материалистического толкования истории, то он будет сводить все к экономическим условиям. Он, естественно, будет осуждать эксплуататоров, и лить слезы по поводу положения трудящихся. Однако это не «человеческие» и не «нравственные» слезы, а слезы «социалистические», в основе которых лежит призыв к свержению существующего строя, и передаче власти трудящимся для установления их диктатуры;
- неприятие идей поклонников психоанализа. Представитель этого направления станет объяснять все нарушениями психики, различными комплексами. Такой писатель будет испытывать симпатию к «бедняге» преступнику, который стал жертвой психического расстройства, вызванного несправедливостью окружающего общества. Если же он относится к экзистенциалистам, то начнет объяснять все тем, что человек не может найти самого себя, потому что религиозные, нравственные и социальные оковы, а, точнее, давление со стороны окружающих

людей, подавили его индивидуальность, не дали ему реализовать самого себя. Он должен реализовать самого себя, а «другие пусть идут в ад»¹;

– критика авангардистов. Традиционалисты утверждали, что, если писатель относится к авангардистам, он будет настаивать на том, что причина преступления заключается в невозможности освободиться от духовного наследия прошлого, сковывающего всякое движение вперед, мешающее бунтарям-революционерам.

Эти и другие течения в искусстве, ставшие популярными в последние десятилетия, в разной степени оказали влияние на восточную культуру и, разумеется, на литературу черкесского зарубежья. Однако ни западному модернизму, ни восточному традиционализму не удалось взять верх в борьбе за овладение умами людей. Им воспрепятствовали своим творчеством писатели прогрессивной демократической направленности. Сюжеты, вызывающие сочувствие к неудачнику жизни, и в целом художественный мир, базирующийся на принципе психоанализа, не получили развития. Прогрессивные литераторы не допустили и распространения другого течения, заступающегося за одинокого героя, противопоставляющего себя общечеловеческим законам общежития.

Тем не менее, следует признать, что отдельные арабские писатели и художники черкесской диаспоры все еще находятся во власти иллюзий по поводу идиллической жизни, грядущей после завершения демократических преобразований. Они считают, что с обретением политической независимости должна наступить экономическая независимость и эра общественной гармонии. Таким образом, обходились вниманием социальные классовые противоречия. Сюжеты их произведений (Кадир Натхо, Мамдух Кумык, Надия Хост, Сами Отар, Захра Омар (Апшацэ), Осман Челик (Хьэкуратэ) и др.) нарочито обтекаемы, в их произведениях сглажены реально существующие внутри общества разногласия, конфликты.

Писатели этой группы открыто изображают жизнь простого городского или деревенского труженика, сочувственно показывают бытие добропорядочного интеллигента, но их герои зачастую инфантильны и нерешительны. Они устали от ударов судьбы, и поэтому в трудной ситуации могут позволить себе «роптать на несправедливую жизнь»², но не искать выход. Таким образом, общественные проблемы уступают место узким темам, усиливается индивидуализм. Лидером этой группы литераторов является видный писатель черкесской диаспоры Мамдух Хасан Кумык (1940). Он первым из адыгов-мигрантов, не считая литераторов, родившихся и получивших образование на исторической родине, начал писать свои художественные произведения на адыгском (кабардино-черкесском) языке.

У адыгов на чужбине, впрочем, как и на исторической родине, никогда не было заступничества в виде организованной политической силы. Эмигрантам дозволялось заниматься не более чем вопросами своей культуры. Единицы, смевшие переступить указанную черту, незамедлительно подвергались преследованиям властей. В конце концов, как пишет писатель, «почва, которую предки готовили для нас, чтобы было куда ступить потомкам, вспыхнула огнем, и погибли лучшие наши парни...» (рассказ «Страшнее огня»). Страшнее огня было то, что на чужбине «адыг сломался, впустил страх в свое сердце». Жизненные неурядицы, отнимающие силу и дух, утрата привычных устоев, обнищание деревень, несбывшиеся надежды людей, поселившихся в городе — вот главные темы художественных произведений М. Кумыка. Отчаявшийся человек хватается за любую соломинку, «но вместо спасения натыкается на новые шипы»³. Естественно, рождаются у него далеко не оптимистичные произведения, в которых много недосказанного.

В произведениях писателя, написанных в 60–70-х годах – больше пессимизма, сентиментальности. Вообще, тяготение черкесских авторов к описанию чувства своих персонажей ведет не к внешнему развитию конфликта, лежащего в основе сюжетов, а к нарастанию эмоционального движения. Еще в середине прошлого столетия черкесский поэт зарубежья Эргин Гунджер привнес в литературу

адыгской эмиграции мысль «о старении адыгов вместе со временем», влияние которой на авторов диаспоры затянулось надолго. Лишь в 90-е годы в литературу пришли новые силы, которые сумели в истинном свете отобразить противоречивую действительность и взять курс на демократическое развитие.

В эти годы существенное развитие в литературе диаспоры приобрели публицистика, сатира, юмор, в особенности жанр рассказа. Жанр, отражающий глубинные закономерности жизни и, образно воспроизводящий действительность в частном эпизоде, стал самым популярным у читателей. Этой малой формой, способной в одной картине отобразить сложные жизненные коллизии, успешно пользуется до сих пор и М. Кумык.

Произведения М. Кумыка выдержаны в традициях классической арабской прозы. Вместе с тем, необходимо выделить одну особенность его стиля. Обще-известно, что жанр новеллы отличается динамизмом, остротой сюжета и неожиданной концовкой. Однако многие восточные писатели, в том числе и наши соплеменники М. Теймур, О. Сейфеддин, Х. Эдип, А. аль-Хамиси и др., стремясь придать этому жанру какую-то необычную окраску, иногда выносили в коротком прологе мораль, которую следует извлечь из дальнейшего прочтения. Этой манере следует и М. Кумык: в басне мораль идет в конце, а в его произведениях — в начале. В таком стиле написаны почти все его рассказы, попавшие в сборник «О чем поет речка» (1997).

Интересен и богат язык писателя. Произведения его изобилуют фразеологизмами и архаизмами, давно позабытыми на исторической родине. В рассказах М. Кумыка встречаются слова, которые употребляются в современном кабардиночеркесском языке с изменившимся значением (сырэу — кІыхьу — длинно; къалэбжэ — куэбжэ — ворота; лэгъу — Іыхьлы — родственник; гъасэ — гъавэ — зерно; мэракъ щІын — Іуэху щІын — взяться за кого-, что-л.; фылын — упІышкІун — помять, измять что-л.; лэнджэн — бжыхь — плетень и др.), диалектизмы и термины, заимствованные из арабского языка (пхъэрытх — къэрандащ — карандаш; хьэрмэн — хьэм — ток, гумно; тукан — тыкуэн — магазин; Іэлъмакъ — къэлътмакъ — переметная сумка; жэмахъуэ — Іэхъуэ — пастух; сенэ — пэІущІэ пэш — сени и т.д.).

В кабардино-черкесский язык, на котором создает свои художественные произведения автор, он искусно вплел и слова, использующиеся исключительно причерноморскими адыгами (адыгейцами, шапсугами и т.д.). Например: тебэбыкІын — тельэтыкІын — слететь с чего-л.; имыгъэпэн — имыгъэгузэвэн — не волноваться из-за чего-л.; узыр къыхэІыкІын — къыхэузыкІын — испытать острую боль; загъуэрэ — зэзэмызэ — иногда; хуэмыгуэщІын — хуэмыгъэкъэруун — не мочь осилить чего-л.; хьэлыгъу — щакхъуэ — хлеб; щамбэн — щилъэфэн — идти ко дну; щхьэбэу — Іуэхуншэу — без дела; едэІун — едэІуэн — слушать кого-, что-л. и т.д.

В рассказах М. Кумыка можно встретить интересные эпитеты, необычные сравнения, которые практически не используются отечественными писателями: дыгъэжь щІыГэ – старое холодное солнце; жэщ вакъэ зэв – ночь, подобная тесной обуви, в смысле трудная, беспокойная ночь; гъуэтырышх щГалэжь – парень, питающийся чем попало, в смысле беззаботный, беспечный человек; фэрэ къупщхьэу зэпщГыжын – склеиться как кожа и кость, в смысле похудеть сильно; узыпэмылъэщыну Гэм ба хуэщГи тхьэм икъутэну тебгэ – поцелуй руку, с которой ты не справишься, и попроси Бога, чтобы сломал ее, в смысле уступи тому, с кем ты не справишься; шы къарапцГэр лГы гъапцГэщ – вороной конь – обман для мужчины, в смысле красота обманчива; къызыгурымыГуэм и Гуэхур тыншщ – хорошо тому, кто не понимает суть дела, в смысле дуралею все равно и т.д.

Таких примеров, позволяющих почувствовать красоту и особый вкус родного языка, можно привести множество. Однако их обилие не является самоцелью и не отягощает внимание читателя, так как они привязаны к определенному образу или процессу, будь то труд, народный обычай или сцены из прошлого.

М. Кумык для своих рассказов не придумывал разные истории – сюжетной основой его произведений стали подлинные картины жизни самого писателя. Правдивость, с которой он обращается к самым тяжелым эпизодам новейшей истории своего народа, делают его рассказы настоящим зеркалом эпохи. К концу 70-х годов уже «подросли и разлетелись кто куда мальчики, бегавшие вчера за машинами, которые привозили трупы убитых односельчан на войне. Замостили булыжником, залили асфальтом новую дорогу по центру села и перекрыли путь ручья к огороду Хажасхада. Теперь здесь и не огород, и не гумно. А ручей все еще течет через село. Интересно, о чем это он сегодня рассказывает?»⁴.

О многом мог бы рассказать ручей. И этот рассказ был бы переполнен горечью и болью. В первую очередь он поведал бы о безвозвратно утерянной вековой ценности изгнанников, о завете отцов: «Земля, дождь и человек – вот на чем держится мир, помните об этом во все времена» (рассказ «Страшнее огня»).

Адыги помнили и чтили завет отцов, но теперь надежда оставила их. Такова главная идея рассказа М. Кумыка «О чем поет речка». Герой повествования Хажасхад — человек, повидавший много на своем веку, однако «жизнь ему не опостылела и не наскучила. Правда, сердце порой прихватывает, но и с такой ношей он проживет, только бы слышать журчание ручья». Воспоминание и покой — вот что нужно для счастья старому человеку. Психологически тонко подмеченную черту характера героя, писатель художественно увязал с «журчанием ручья». За эту кроткую долю махаджира проливал кровь Хажасхад на чужой земле: «воевал в составе турецкой армии на Суэцком канале, служил во французском легионе». Да и теперь старый вояка чувствует в себе силы и идет записаться в солдаты — «сражаться с оккупантами». Писатель хорошо усвоил исконный закон адыга: «если соседу грозит беда, спеши ему на помощь». Но теперь настал черед сына, которого Хажасхад и взрослым-то пока не считал. Герой размышляет: «Оно, конечно, неплохо, что парень не выбился из рядов своих сверстников и решил проявить себя. Но все бы лучше уйти ему, отцу: он и воевал, и повидать кое-что успел...»⁵.

В рассказе из уст главного героя звучит еще одна важная мысль, раскрывающая ментальность адыгов. «Так повелось исстари, – говорит Хажасхад, – что черкесы воюют за чужие народы, служат им опорой, а в благодарность получают печаль, утраты, безнадежность» 6. Эту мысль более обширно раскроют другие писатели диаспоры, такие как: Ч. Онер (ГъуэгулІ), О. Озбай (Исмахьилыкъуэ), Я. Баг (Багъ) и другие, но она впервые так остро прозвучала у М. Кумыка. Черкесские юноши служат другим, завоевывают им государственность, укрепляют ее, а потом сами становятся лишними. Так и случилось с диаспорой Сирии. Тем временем безостановочно бурлит жизнь, а «неумолкающий ручей уносит времена и события».

При такой жизни эмигрантов, писатель не обещает никакой неожиданности. Вот и прошла очередная арабо-израильская война, «походя, умыв горькими слезами маленькие черкесские села». Не вернулся с войны и сын Хажасхада. О его гибели никто толком рассказать не смог. Кто-то говорил, что воевал с ним близ села Нажмат-Субух, «кто-то твердил, что видел его во время штурма Кахоша, а кто-то клялся, что он на его глазах, вслед за майором Джавадом Анзором, одним из первых взобрался на высоту Хазизиат». Старик, отчаявшись от всего этого, в конце концов, смирился и с такой утратой. «Мне бы хоть тело его увидеть и схоронить» – последнее желание адыга-эмигранта. Эта мысль «вышибла из глаз старика слезу».

Слезы — вот и вся доля адыга на чужбине. В слезе Хажасхада, потерявшего сына, отражается протест писателя, хотя он еще довольно робкий. Недовольство итогом войны бродило в сердцах адыгов: «кровь, пролитая нашими детьми, оказалась напрасной». Но дальше слов горечи и обиды дело не идет — о сопротивлении, о борьбе нет и речи. Да и сам писатель ограничивается грустным умозаключением: «Все остались при своих словах и обидах, а начало войны и окончание ее в руках власть предержащих»⁷.

Героям М. Кумыка свойственно пассивное неприятие окружающей действительности. Их попытки противопоставить высокие нравственно-духовные принципы адыгского народа господствующей в чужой стране морали терпят поражение. Конфликт между личностью и обществом не перерастет в активную борьбу. Такой человек как Хажасхад, порядочный, честный, обычно вынужден смириться с существующими несправедливостями, либо он погибнет физически или же нравственно. Писатель подводит своего героя к тому, чтобы он не питал иллюзии. Однако это толкает его не к протесту, а к приспособлению к господствующей морали.

Причина такой нерешительности писателей диаспоры связана с государственным устройством стран Ближнего Востока. Художники слова в странах с монархическим или же полумонархическим режимом, каковыми до сих пор остаются еще Иордания, Ирак, Сирия, Иран и др., лишены права на свободомыслие. Адыгские писатели, проживающие в этих странах и не претендующие на поддержку какойнибудь серьезной политической или же общественной силы, и подавно лишены свободы «переступить черту», хотя не обделены ни умом, ни талантом. Поэтому у героев М. Кумыка и других талантливых писателей черкесского зарубежья «нет больше зерна на своих гумнах, и ручеек поменял свое русло»⁸.

Однако жизнь не стоит на месте: давно умер Хажасхад, на месте старой мечети, грозившей обрушиться, выстроили новую, и муллу назначили молодого, а «ручеек все так же течет по центру села», смывая потаенные горькие мысли людей, лишенных родины.

Такой же образ, как образ Хажасхада из рассказа «О чем поет речка», то есть маленького человека, лишенного свободы в мыслях и в жизни, встречается и в рассказах «Молчание и стыд», «Голос минувших времен», «Лик в зеркале», «Два письма», «Когда умолкают дети». В основе этих произведений большей частью лежат наболевшие общественные и морально-этические проблемы жизни адыгской эмиграции.

Рассказы М. Кумыка — не сказка, где добро неизбежно берет верх над злом. Сюжеты его произведений взяты из жизни, где всему есть место — жестокости, насилию, равнодушию, безразличию людей и т.д. Писатель сталкивает сильных со слабыми, имущих с неимущими. При этом он особо и не стремится показать их в действии, а хочет проникнуть в их психологию и таким образом увидеть то, что сближает этих героев — ощущение ими враждебности или же равнодушия общества. Автор призывает читателя сочувствовать учителю, которого волокут «в полицию за то, что он не добрым словом отозвался о торгашах и спекулянтах» (рассказ «Голоса минувших времен»). Он стыдится того, что не заступился за девушку, которую увезли, «кинув в машину подобно мешку» («Молчание и стыд»). Он жалеет девочку, чья семья после изгнания с Голанских высот осталась без пристанища на улицах Дамаска («Когда умолкают дети»).

М. Кумык открывает в своих героях новые грани духовного облика. Не идеализируя своих героев, писатель показывает, как вопреки бедности и несчастьям, они сохраняют человеческое достоинство. Гуманизм черкесского писателя раскрывается в глубоком уважении к этим людям. М. Кумык нетерпим к проявлению социального зла. Он переносит пафос обличения на тех, кто наживается на страданиях простых людей.

Вместе с тем, как было уже отмечено, его герои – не борцы. Они привыкли к постоянным несчастьям и несправедливостям, сваливающимся на их головы одна за другой. Им ничего не остается кроме «тихого проглатывания всех бед и унижений. А подступят слезы – просто утирают их». А если попадется кто-то с характером, тот «сердито плюнет, да пойдет своей дорогой». Таков способ выражения протеста литературных героев М. Кумыка, созданных на почве жесткого жизненного реализма. Впрочем, это примета почти всех произведений 60–80-х годов, вышедших из-под пера и других писателей эмиграции.

При этом рассказы М. Кумыка впечатляют правдивым изображением деревенской жизни. Реалистическое мастерство писателя сказалось также в том, что в его коротких произведениях отчетливо представлено социальное неравенство в деревне, созданы выразительные образы крестьян, сельской интеллигенции, представителей духовенства, спекулянтов и торгашей-жуликов, наживающих себе богатства на бедах людей. Все это, конечно, затушевывает субъективный вывод автора, пробуждает в читателе чувство протеста против зла и несправедливости, тем самым придавая произведениям социальное звучание.

Примером этому служат более поздние рассказы нашего соплеменника. Они подтверждают, что художественный мир М. Кумыка не является какой-то застывшей формой, в нем происходят эволюционные процессы. Одолеваемый сомнениями, писатель уводит своего лирического героя от романтических иллюзий и закаляет его испытаниями, при этом подлинный смысл повествования зачастую зашифрован (рассказ «Мальчик и круглая лепешка»). Теперь лирический герой «не боится пузатых мужланов-эксплуататоров, он уже не страшится плетей, которыми исполосована его спина». Он – боец, заступник тысяч людей, томящихся в невольничьем загоне. Герой говорит слова, которые писатель не решался сказать в лицо притесняющим его «драконам»: «Жив останусь я – сыщу погибель вам и вернусь домой!» Бесстрашие и сила, с которыми герой поднялся, словно и не было жестоких побоев, и вернулся к работающим пленникам, дают надежду на воплощение мечты о свободе.

Врожденные черты истинного адыга прорисовываются в рассказе «Видимость и сущность». В начале повествования персонажи рассказа — пара дружков-студентов из Дамаска — являются нам обычными задирами: оба вспыльчивы, только заденешь — они и в рукопашную готовы. Но это лишь видимость, сущность совсем иная. За напускным хулиганством стоят совсем другие человеческие качества: умение противостоять обидчикам, не склонять головы перед скупым работодателем, способность признать свою ошибку и быть верным дружбе. Стоять до конца за правду и справедливость — на этой главной человеческой ценности строится рассказ.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что подобных произведений, как рассказы «Мальчик и круглая лепешка», «Видимость и сущность» у писателя немного. Все они – дань памяти лучшим сынам адыгов, сложившим головы за «место, куда можно было свободно ступить эмигрантам, за пробуждение национального самосознания» («Лик в зеркале»). Однако именно эти произведения и стали началом новой литературы черкесского зарубежья на пороге очередного витка истории.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Художественные традиции литератур Востока и современность. М., 1985. С. 94.
- 2. *Кушхабиев А.В.* Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). Нальчик, 1997. С. 150.
  - 3. Кумык М. О чем поет речка. Нальчик, 1997. С. 38.
  - 4. Там же. С. 19.
  - 5. Там же. С. 11.
  - 6. Там же. С. 14.
  - 7. Там же. С. 13.
  - 8. Там же. С. 34.
  - 9. Там же. С. 71.

H.T. Timizhev

ADYGHE DIASPORA LITERATURE ON THE THRESHOLD OF A NEW TIME

The place of Adyghe (Circassian) diaspora literature in the history and current state of Arab East culture and the role of bright creative identity in evolution of art consciousness of Circassian emigration are considered.

Keywords: modernism, art, East peoples' culture, Adyghe (Circassian) diaspora, traditsionalizm, psychologism, small genres, dynamism, criticism, «rural» prose.

М.К. Шакова

МАЛЫЕ ЖАНРЫ АДЫГСКОЙ (КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОЙ) ПРОЗЫ

Статья посвящена проблемам становления и эволюции малых жанров адыгской (кабардино-черкесской) прозы. Основой исследования послужило творчество известных прозаиков, сыгравших значительную роль в становлении жанрово-тематического разнообразия адыгской литературы.

Ключевые слова: адыгская (кабардино-черкесская) проза, народная новелла, очерковая публицистика, социально-психологическая проза, сюжетостроение, фабула.

Среди вопросов современного литературоведения, требующих научно-практического осмысления, особое место занимают проблемы жанровых систем национальных литератур. Исследование принципов жанровой типологии, закономерностей появления и взаимодействия новых жанровых форм позволяет не только проследить исторический путь становления, но и выявить типологические универсалии мирового общелитературного процесса.

Значительную роль в формировании теории жанров в адыгском литературоведении сыграли труды известных ученых, литературоведов и критиков А.И. Алиевой, Х.И. Бакова, З.Х. Баковой, Л.А. Бекизовой, А.М. Гутова, Х.Х. Кажарова, Р.Х. Камбачоковой, Х.Г. Кармокова, Л.Н. Кашежевой, Р.Г. Мамий, Е.М. Машитловой, М.И. Мижаева, А.Х. Мусукаевой, З.М. Налоева, У.М. Панеш, И.Х. Пшибиева, М.Г. Сокурова, А.А. Схаляхо, Ю.М. Тхагазитова, А.Х. Хакуашева, Х.Х. Хапсирокова, Р.Х. Хашхожевой, Ф.Н. Хуако, Ш.Х. Хут, Т.Н. Чамокова, К.Г. Шаззо, П.Ж. Шевлокова и других.

Не претендуя на детальное рассмотрение вопросов, связанных с историей малых жанров адыгской (кабардино-черкесской) прозы, мы остановились на творчестве авторов, сыгравших заметную роль в их становлении и дальнейшем развитии. Естественно, их произведения не равноценны по своему идейно-художественному уровню, как различны творческий опыт и мастерство их создателей, каждый из которых внес в литературу особенности и своеобразие своего видения окружающего мира.

Процесс становления жанровых форм адыгской литературы проходил, как известно, в условиях политических репрессий 30–40-х годов XX века, в результате которых были уничтожены ведущие на тот период литераторы — Халид Абуков, Магомед Афаунов, Тута Борукаев, Мухамед Дышеков, Сосруко Кожаев, Залимхан Максидов, Жансох Налоев, Абдул и Мачраил Пшеноковы, Салих Темиров, Бетал Хабачиров, Пшикан Шекихачев, Таусултан Шеретлоков. В их лице адыги потеряли цвет национальной интеллигенции, а литература своих талантливых первопроходцев, стоявших у истоков формирования ее жанровых систем.

Становление малых жанров прозы, как и всей адыгской литературы, осуществлялось в результате синтеза литературных традиций европейской (преимущественно российской) и восточной культур на основе народно-поэтического видения. Особенности стиля адыгской устной прозы в их наиболее жизнеспособных формах были плодотворно освоены в творчестве адыгских писателей-просветителей XIX — начала XX века: Султана Казы-Гирея («Долина Ажитугай», «Персидский анекдот»,

1836 г.), Султана Хан-Гирея («Черкесские предания», 1841 г., «Наезд Кунчука», 1846 г.), Адиль-Гирея Кешева («Записки черкеса», «Абреки», 1860 г., «На холме», 1861 г., «Из кабардинских (адыгских) преданий», 1871 г.), Кази-Бека Ахметукова («Черкесские рассказы», 1896 г.).

Народная основа прозы первых лет становления профессиональной письменной литературы заключалась в тесных контактах с фольклорными источниками. Писатели широко использовали демократические мотивы народного творчества, обращались в первую очередь к сюжетам произведений, имевших острую социальную направленность, воплощавших эстетические и этические идеалы народа, его вековые мечты. Отношение к народной традиции, классическому наследию прошлого имело принципиальное и решающее значение в те годы, когда не было еще выработано единого принципа в подходе к этим кардинальным для дальнейшего развития литературы вопросам¹.

Издревле в адыгском фольклоре существуют различные жанры прозаического повествования, в числе которых наиболее распространенным и продуктивным был жанр народной новеллы «хъыбар». В этом арабоязычном заимствовании, означающем в современном адыгском языке «весть», «сообщение», синкретично присутствует семантика литературных терминов «рассказ», «новелла». Народные новеллы оказали большое влияние на развитие адыгской новеллистики в период ее становления. Персонажи народной новеллы – живые люди, действующие в реальных естественных условиях. Им не нужна помощь сверхъестественных сил, они обыкновенные смертные. Фантастический элемент в композиции новеллы второстепенен и являет собой следы взаимовлияния жанров. Представители почти всех слоев общества действуют в ней, вовлекаются в круг ее персонажей. Они осознанно и выразительно противопоставлены. Ясны и определенны симпатии и антипатии народа².

Фольклорную тематику, ее приемы и традиции широко и умело использовал в своем творчестве основоположник кабардинской литературы А.А. Шогенцуков. Его творческая связь с фольклором принесла ощутимые результаты. Он стал одним из первых, кто сумел по-новому подойти к изображению связей героя с социальной средой, поставив в центр внимания не традиционное изображение печальной жизни героя, а процесс его пробуждения и становления как личности. Рассказы «Пуд муки» («Хьэжыгъэ пут закъуэ», 1928 г.), «Под старой грушей» («Кхъужьей щ Гагъым», 1933 г.) стали точкой отсчета становления реалистической социально-психологической прозы в адыгской литературе. Рассказ «Пуд муки» отличается художественной зрелостью, качественно новым видением автора, который строил свои произведения «не по принципу воспроизведения, дополнения и расширения традиционных приемов, готовых жанровых форм, а стремился следовать новым литературным канонам»³. В рассказе «Пуд муки» все просто, но это - гениальная простота Мастера, сумевшего в предельно сжатой и глубоко лиричной форме показать жестокость социального неравенства людей. Фабула рассказа ясна и понятна: бедной крестьянской семье Хамида не хватило хлеба до нового урожая, и богатый сосед одолжил ему пуд кукурузной муки. Но эта «милость» еще сильнее усугубила их положение, став многопудовым бременем. Пуд муки невыносимой тяжестью лег на детскую душу Хасета – малолетнего сына бедняка, главного героя, от лица которого идет повествование. В рассказе практически отсутствует описание протеста. Напротив, в нем говорится о робости и смирении людей, вся жизнь которых зависит от произвола алчного и жестокосердного соседа. Сила рассказа в том и состоит, что события, данные в восприятии ребенка, сами по себе вызывают возмущение и протест. В рассказе драматизм из внешней сферы перенесен во внутренний мир героя. На смену голой событийности приходит психологизм. Финал рассказа не так трагичен: вместо одного пуда муки бедняк должен отдать три, а его старший сын должен проработать у хозяина бесплатно весь зимний сезон. Гораздо существеннее страдания личности, осознающей свое бесправие и бессилие победить зло. Драматично не столько событие, сколько восприятие героем окружающей его действительности. Это углубление в психологию характера — одно из достоинств рассказа⁴.

Новаторский прием Али Шогенцукова – передача содержания сквозь призму детского восприятия действительности – впоследствии был удачно использован в рассказах Х.Х. Хавпачева «Добрый шаг» («Лъапэ махуэ», 1955 гъ.), Б.Х. Гаунова «Ты только вернись, папа!» («Уэ къэкІуэж закъуэ, папэ!», 1996 гъ.), К.М. Эльгарова «Семь родников детства» («Сабиигъуэм и псынащхьибл», 1999 гъ.). С рассказом «Пуд муки» их роднит не только автобиографическое начало. Герои этих произведений такие же подростки, как и шогенцуковский Хасет. Они почти ровесники. В их судьбах много общего, но, тем не менее, каждый из них – сын своего времени. Буба из рассказа «Добрый шаг» - представитель поколения, с детства испытавшего на себе все ужасы периода коллективизации. Рано потеряв отца, он вместе с матерью попадает в «заботливые» руки богача, эксплуатирующего бедную вдову и ее сынишку за жалкую подачку. Мухамед Егалугов из рассказа «Семь родников детства» – один из тех, на чью долю выпали заботы и тяготы голодного послевоенного времени. Самым мучительным для него был не голод, а жестокосердие мачехи, которая из-за неизлечимой болезни своего единственного ребенка, страдающего эпилепсией, всю свою безысходность вымещала на ни в чем не повинных трех пасынках. В отличие от персонажей Х. Хавпачева и К. Эльгарова, герой Б. Гаунова Анзор пишет письмо на фронт погибшему отцу, которого никогда не видел. Мастерское использование изобразительно-выразительных возможностей языка позволило автору отразить в письме ребенка послевоенную жизнь селян во всех ее ипостасях.

В лучших традициях народной новеллы написаны рассказы А. Хавпачева «Белый ягненок» («Щынэ хужь», 1962 гъ.), З. Кардангушева и А. Махова «Сто анекдотов Ходжи» («Хъуэжэ и таурыхъищэ», 1959 гъ.), А. Шортанова «Валлаги, правда» («Уэлэхьи, пэжтэмэ», 1961 гъ.).

Традиционные фольклорные мотивы повествовательной манеры адыгских сказаний присущи сборникам новелл А. Гутова «Дабаго» («Дэбагъуэ», 1988 г.), М. Мижаева «Кольчуга» («Афэ джанэ», 1990 г.). Художественно-эстетический опыт, накопленный в народной новелле, лучшее из национального художественного наследия органически вошли в сборники рассказов и новелл М. Керефова «Охотничьи рассказы Сафара» («Сэфар и щакІуэ хъыбархэр», 1991 гъ.), М. Кармокова «Атажукинские новеллы» («ХьэтІохъущыкъуей хъыбархэр», 1996 гъ.), А. Кешокова «Новеллы» («Хъыбархэр», 1999 гъ.). Жанрово-тематическое разнообразие представлено в них образцами лирической и пейзажной миниатюры, сатирических басен, написанных эзоповым языком, глубоко философских новеллпритч, авантюрных и юмористических рассказов и новелл в духе О' Генри и «Декамерона» Боккаччо, очерков-воспоминаний и др. Все они одинаково интересны, так как заставляют размышлять о человеке и проблемах его бытия, об окружающем мире и непреходящих духовных ценностях.

Профессиональная адыгская художественная проза начала свой путь в 20—40-е годы XX века, когда сама жизнь потребовала создания в литературе повествовательных жанров, способных в художественной форме отразить глобальные изменения в обществе и сознании людей. В силу переходного характера времени на первый план вышел жанр очерковой прозы. Очерк, «как геолог, прошел с молотком в руке и «простукал» те места, куда потом должна была прийти проза, ибо по природе своей очерк стремится к реализму, он не терпит абстрактности и произвольного домысла»⁵. В очерковой прозе новая социальная действительность нашла свое художественное воплощение быстрее, чем в повести или романе. Авторы первых очерков еще не обладали той силой эстетического воздействия,

которая требовалась для подлинного художественного произведения. Отсутствие опыта восполнялось описательностью, а стремление к правдивому изображению приводило к фактологической констатации. По мере усиления объективности и более углубленного исследования действительности этот недостаток был устранен, и очерк, как жанр художественной прозы занял собственную нишу в общелитературном процессе. Результатом активного вторжения публицистики в художественную литературу стали фельетоны и очерки основоположников черкесской литературы Х. Абукова и М. Дышекова, публиковавшиеся на страницах областных газет «Адыгская жизнь» («Адыгэ псэукІэ») и «Красная Черкесия» («Шэрджэс плъыжь»). Фельетоны Абукова «Халид Бедный сегодня верит» («Хъалид тхьэмыщкІэ нобэ и фІэщ мэхъу»), «Халид Бедный сегодня говорит» («Хъалид тхьэмыщкІэ нобэ жеІэ»), «Халид Бедный сегодня плачет» (Хъалид тхьэмыщкІэ нобэ магъ»), «Халид Бедный едва не подрался» («Хъалид тхьэмыщкІэ зауэным мащІэщ иІэжар»), «Халид Бедный сегодня танцует» («Хъалид тхьэмыщкІэ нобэ къофэ») и другие, «благодаря своей оперативности, проблемности, действенности быстро проникли в экономическую, политическую сферы жизни и обнаружили в них обстоятельства, способствовавшие формированию характера нового горца. Они позволили писателю-публицисту направить сатирическое острие печатного слова против всего, что мешало строить новую жизнь, и явились своеобразной идейно-художественной заготовкой, фактурой для первого эпического произведения черкесской прозы – романа «На берегах Зеленчука»⁶.

Знаменательным событием в истории адыгской литературы стало издание в 1934 году первого коллективного сборника черкесских прозаиков «Идем на пробу» («Зыдогъэунэхур»), в который вошли главы романа Х. Абукова «На берегах Зеленчука» («Инжыдж и Іуфэхэм деж»); рассказы М. Дышекова «Магомет», «В зимний вечер», «Алмасты»; Х. Гашокова «Трактор и люди»; А. Охтова «Али» и др. Отдельной книгой вышел роман М. Дышекова «Зарево» («Пшэплъ»).

Рождение художественного очерка в кабардинской литературе связано с именем X. Теунова – автора изданий «Чудесный самородок: Народный поэт Кабарды Бекмурза Пачев» (1947 г.), «Али Шогенцуков: Путь поэта» 1950 г.), «Новый поток» (1952 г.), «Вокруг Европы» (1956 г.), «Весна – пора обновления» (1972 г.), «Путь на Эльбрус» (1974 г.) и др. В жанре очерка свой путь в литературу начинали М. Афаунов, З. Максидов, Х. Каширгов, Х. Хавпачев, З. Аксиров, И. Ахметов, И. Бахтыров, А. Туаршев, С. Хытуов, Ж. Дауров и другие.

Жанр очерковой прозы оказался наиболее востребованным в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и занял значительное место в творчестве писателей-фронтовиков А.П. Кешокова, Б.М. Карданова, А.Х. Налоева, А.Т. Шортанова, И. Аджиева. Будучи участниками сражений, некоторые из них одновременно сотрудничали в различных фронтовых газетах. Под псевдонимом «Алим Бомба-Бей Штык-Оглы Шарапн-Эль Саади» Алим Кешоков публиковал многочисленные очерки, пародии, юмористические, сатирические стихи и корреспонденции, документально воспроизводившие хронику войны, в дивизионной газете «За Родину» и в армейской газете «Сын Отечества». Хроника военного лихолетья стала темой очерков, путевых заметок и рассказов А. Шортанова « О большой войне в Кабардино-Балкарии. Отрывок из дневника офицера» («Къэбэрдей-Балькъэрым щекГуэкГа зауэшхуэр. Офицерым и гъуэгуанэ тхыльым щыщ», 1943 г.). «Флаг героев. Рассказ пастуха» (Псэемыблэжхэм я нып. Іэщыхъуэм къиГуэтэжа», 1943 г.), « После атаки» («Атакэ нэужьым», 1945 г.).

С началом Великой Отечественной войны адыгская литература вступила в новый период своей истории. С изменением социально-экономических условий, стали другими представления об эстетическом идеале, характер самого народа, а вместе с тем и ведущие мотивы его искусства и литературы. Общечеловеческая проблема всенародной борьбы против фашизма объединила и сблизила людей.

Многонациональная литература всей страны стала могучим духовным фактором огромной мобилизующей силы. Вызвав перестройку структуры поэтики, война стала рассматриваться в контексте всеобщей истории. Она явилась школой интернационального воспитания и реализма в понимании и отражении правды о войне. Достижения в решении этой непреходящей темы в литературах Северокавказского региона свидетельствуют о новом идейно-эстетическом уровне их развития на современном этапе⁷. Следует отметить существенное различие между произведениями, которые «писались» войной, и теми, что создавались на материале Великой Отечественной войны в условиях наступившего мира. Если первые мобилизовывали волю людей на борьбу и победу, стремились раскрыть героя в условиях сложных испытаний, то вторые искали ответ на вопрос об истоках одержанной победы. В осмыслении последствий войны участвуют не только писатели-фронтовики, но и писатели разных поколений, поскольку впечатления, полученные в годы детства, совпавшего с войной, суровые картины жизни послевоенных лет напоминают, говоря поэтической метафорой известного кабардинского поэта Петра Кажарова, что «нет, не кончаются войны в громе побед, за каждым из нас черной тенью бредет сорок первый, сорок второй, или сорок какой-нибуль год». Проза послевоенных лет перестает носить фактологический характер. Более востребованным становится исследование тонких психологических нюансов парадигм «человек и война», «человек и мир», в которых военная тематика меняет свою тональность, приобретает философскую глубину, поднимается до широких обобщений. Рассказы о революции и войне характеризуются эволюцией жанра. В первые годы после революции и Отечественной войны рассказы о великих событиях XX века были произведениями о современности. В 60-80-е годы интерес к ним не только не ослабевает, но даже и усиливается. Однако теперь рассказы о революции и войне - не героический эпос, воссоздающий эпическое состояние действительности, а художественное осмысление значения этих событий для человеческой личности, для национальной истории. В их структуре реализовывается потребность общества в познании внутреннего мира человека в экстремальной ситуации⁸.

Художественное воплощение военной темы нашло свое отражение в творчестве черкесского писателя-фронтовика Исмаила Аджиева, который одним из первых в алыгской прозе показал образ черкеса в условиях Великой Отечественной войны. Изображая своих героев – представителей разных национальностей в различных ситуациях, он постоянно подчеркивает их подлинный интернационализм и солидарность в борьбе с вероломным врагом. Примечательно, что главным героем рассказов писателя обычно выступает его соплеменник или выходец с Кавказа. Для Аджиева черкес остается представителем своего народа, независимо от того, действует ли он в Прибалтике или за Полярным кругом, на Украине или Владивостоке. Прежде всего он чувствует себя советским, неотделимой частицей многонациональной страны9. Раскрывая внутренний мир черкеса на войне, Аджиев органически сочетает художественную ткань повествования с национальными особенностями характера своего героя. Особенно ярко это проявилось в рассказах «Последняя зарница», «Жаворонок», «Тавро Индриса» (см. сб. «Бируте», 1967 г.). Выполняя интернациональные задачи, герои Аджиева мысленно связаны с родной землей. Они оценивают происходящее и действуют с позиций своего мироощущения и национальной психологии. Таков Инал («Последняя зарница») – простой черкесский парень. Оказавшись в глубоком тылу врага, он становится свидетелем гибели партизанского разведчика Мирона, с которым у него должна была состояться встреча в условленном месте. Когда фашисты вели Мирона на расстрел, тот успел громко выкрикнуть: «Пусть живет наш лесной командир дуб!». Эти слова заставили Инала задуматься: «Что за дуб? Не было такого среди партизанских командиров. Человек перед смертью всегда правдив!» – Кто это говорил Иналу? –

Ах, да, дед Мурат.— Эх, дед, дед! Если бы ты сейчас был здесь, а не в своем ауле Зеюко... Что бы ты сказал теперь? — мысленно переносится Инал в свой аул, горный аул. Страшно хочется спросить мудреца Мурата, у которого для каждого случая готово решение...» ^{10} .

Мужество и благородство советских людей стали основной темой рассказов А. Охтова «Шелковый кисет», «Спустя десять лет»; М. Охтова «В разведке», «Письмо», «Женщина со шрамом».

Тема войны занимает значительное место в творчестве писателей-фронтовиков Б. Карданова (сборники «Записки офицера», 1974 г.), «Незабываемое» («Гуимыхужхэр», 1976 гъ.), «Длинна дорога военная» («КІыхыщ зауэ гъуэгур», 1981 гъ.), «Комбат» (1991 г.); А. Налоева «Смена караула» («Къэрэгъул зэблэкІыгъуэ», 1967 гъ.), «Пути-дороги» («Лъагъуэхэмрэ гъуэгухэмрэ», 1969 гъ.), «Надпись на Рейхстаге» (Рейхстагым адыгэбзи тетщ», 1972 гъ.), «Тень пламени» (1973 г.), «Далекие зори» («Пшэплъ жыжъэхэр», 1984 гъ.).

Стремясь к психологическому углублению тематики, писатели делают центром своего повествования тему духовных утрат и обретений. Таковы сборники рассказов и новелл Х. Кауфова «Отпечатки войны» («Зауэм и ІэпапІэхэр», 1973 гь.), Б. Мазихова «Семь братьев-звезд» («Вагъуэзэшибл», 1969 гъ.), Б. Журтова «Ранняя весна» («Гъатхэ пасэ», 1980 гъ.). К произведениям данной тематики можно отнести рассказ А. Налоева «Водяная бабка» («Псыхьэ нанэ», 1960 гъ.), новеллу Б. Журтова «Медовый напиток» («Мэрэмэжьей», 1975 гъ.).

Героиня рассказа «Водяная бабка» Быша Дамасова прожила трудную, полную горестей и утрат жизнь. Рано овдовев, она всю себя посвятила воспитанию двоих сыновей, которые ушли на фронт и не вернулись. Хотя долгожданный день Победы был омрачен этим горем, она не теряла надежды, а мысль, что многие разделили ее участь, притупила боль утраты. Так она жила, пока однажды почтальон не вручил ей письмо от младшего сына Хаути. Радости Быши не было предела, но он так и не вернулся, напрочь забыв о своем сыновьем долге перед матерью. Измученная бесконечным ожиданием, несчастная женщина лишилась рассудка. С той поры бедная «Водяная бабка», как прозвали ее сельские мальчишки, не переставая, днем и ночью, в дождь и слякоть, в снег и ненастье все несет и несет воду домой. Безумие героини Налоева имеет особое свойство. Исступление, с каким она несет воду с реки, содержит в себе глубокий подтекст. Символ воды, широко бытующий у адыгов как источник жизни, придает драматизму рассказа оптимистическое звучание. В чистой речной воде отражаются не только трагедия старости и одиночества, но и всепрощающая безграничная материнская любовь. В этой воде – продолжение жизни и несбывшихся надежд безутешной матери.

Не менее драматична судьба Кундуз Есаноковой – героини новеллы «Медовый напиток». Хотя ей уже далеко за восемьдесят, она не теряет надежды и терпеливо ждет с давно минувшей войны пропавших без вести сыновей-близнецов Адальби и Каральби. Старушка настолько уверовала в их возвращение, что решила обязательно сохранить для них родовую усадьбу, откуда те ушли на фронт, еще не успев обзавестись семьями. Вокруг этой усадьбы и разворачиваются события. Благодаря авторскому мастерству, перед читателем встает образ традиционной адыгской женщины с предельно обостренным чувством нравственного долга и собственного достоинства. Особенно ярко эта черта характера проявилась в сцене, когда зять Безруко, видя всю безысходность ее положения, отважился предложить старой беспомощной женщине жить у него, чем возмутил ее до глубины души. Возмущение и праведный гнев Кундуз вполне закономерны и объяснимы, если учесть, что по нормам и правилам гражданского кодекса адыгов «Адыгэ хабзэ» нет ничего более унизительного для родителей, имеющих сыновей, жить в доме чужого рода, тем более в старости. Не успела Кундуз прийти в себя от этого потрясения, как другая напасть окончательно лишила ее жизненных сил. Это случилось ранним

весенним утром, когда группа работников сельсовета во главе с председателем Хызыром явились к ней, чтобы отрезать часть земли от усадьбы, которую она пыталась сберечь для сыновей. С той поры Кундуз слегла и больше не вставала. Дни ее были сочтены. Однако, благодаря авторскому замыслу и законам жанра в конце новеллы происходит невероятное событие, которое позволяет героине реализовать свое заветное желание и умиротворенной уйти в мир иной. Приехавшего из армии в отпуск сына соседей, она принимает за своего собственного. На удивление всем присутствующим, умирающая Кундуз находит в себе силы не только самостоятельно подняться, но и устроить в честь возвращения «сына» настоящий адыгский праздник — джэгу с традиционным для таких случаев медовым напитком мэрэмэжьей, который они вместе с мужем закопали в огромном глиняном кувшине под раскидистым орехом в год, когда сыновья ушли на фронт.

В сложном синтезированном повествовании писателю удалось не только гармонично соединить реальность и художественный вымысел, развернув сюжетное действие в двух планах, но и раскрыть методом контаминации глубокий социальнопсихологический контекст смысловой нагрузки названия новеллы «Мэрэмэжьей».

Этапную роль в становлении адыгской новеллистики сыграло творчество Х.Х. Хавпачева. Уже в ранних рассказах обозначилось характерное свойство его писательского мастерства – умение в сжатой форме воплощать даже в пейзажной зарисовке содержание, насыщенное неожиданными деталями, светлым юмором и лиризмом. Поэтическое восприятие окружающего мира позволило ему создать целую галерею художественных образов, запоминающихся своей непосредственностью. Таковы герои его коротких рассказов-миниатюр «Замир» (1954 г.), «Шумахо поет» («Шумахуэ уэрэд же]э», 1955 гь.), «Счастливый шаг» («Льапэ махуэ», 1955 гъ.), «С добрым утром» («Фи пщэдджыжь фІыуэ!», 1955 гъ.). Начав с незамысловатых рассказов, Х. Хавпачев постепенно меняет тональность повествования в сторону острого социально-нравственного звучания. Облегченно-романтический показ послевоенной действительности в рассказах первого сборника «С добрым утром» (1955 г.) исчезает, уступая место социально-психологическим и нравственным проблемам современности, которые нашли отражение в сборниках «Шумахо поет» (1961 г.), «Дороги лежат на земле» («Гъуэгухэр щІым тельщ», 1973 гъ.), «Счастливый шаг» (1986 г.).

Заметный след в становлении адыгской новеллистики оставил, рано ушедший из жизни, С.Х. Кушхов. Природный талант прозаика он продемонстрировал в новеллах «Под буркой» («ЩакІуэ щІагъым»), «Туман» («Пшагъуэ»).

К числу первопроходцев новеллистических жанров относится X.X. Каширгов – автор сборников «Что видела гора» («Бгым и нэгу щІэкІа», 1969 гь.), «След жизни» («ГъащІэм и лъэужь», 1984 гь.), основанных на автобиографическом материале. Творческим достижением писателя стала новелла «Пари» («Баз»), которая и сегодня остается в ряду лучших произведений адыгской новеллистической прозы. Главный герой повествования Асламурза вступает в конфликт со своим притеснителем князем Мисостовым, решившим отправить его за дерзость в тюрьму. Чтобы избежать этого и освободиться от нависшего над ним кошмара бесконечных мук и унижений, он решается на отчаянный поступок и заключает пари с односельчанами, что вступит в единоборство с матерым медведем – грозой всех охотников округи. «Уж лучше погибнуть от медвежьих когтей и успокоиться, чем от рук или по вине таких диких зверей в человечьем облике, как князь Мисостов», – думает несчастный бедняк.

Благодаря умелому композиционному построению и меткости словесно-изобразительных средств автор обнажает социальные корни трагедии своего героя и его семьи. Жизнь, пропитанная жестокостью эксплуататоров, — тот контекст, который придает новелле «Пари» действенную художественную силу. Динамичное развитие сюжета, сочетающего психологические подробности с непрерывной

сменой картин и действий, держит читателя в напряженном ожидании развязки этого страшного поединка. Финал его трагичен. Малолетний сын становится свидетелем кровавой сцены гибели отца, практически победившего медведя, но из-за нелепой оплошности оказавшегося в лапах обезумевшего издыхающего зверя.

Тема, поднятая автором в новелле «Пари», нашла свое продолжение в многоплановом романе X. Каширгова «Ореол» («ПшэкІухь», 1976 гъ.), главным героем которого становится Батыр – сын трагически погибшего Асламурзы.

Проблемно-стилевые, структурно-поэтические приобретения и накопленный опыт определили новый идейно-эстетический этап. Свидетельством тому стали коллективные сборники произведений черкесских авторов — «Славим Родину», «Песни счастья», «Светлый путь», «Радость», «Родина цветет», «Верный путь», «Голос братьев», «В ногу с жизнью» и др.

В середине 60-х годов в адыгскую литературу пришли первые женщины-прозаики Ц.М. Кохова и Л.Ш. Абазова, которые сыграли заметную роль в истории национальной новеллистики.

В сборнике рассказов Ц. Коховой «Мужественная невестка» («Нысэ ябгэ», 1964 гъ.) показаны морально-психологические проблемы жизни горянки в современном обществе. На разностороннем жизненном материале автор рассматривает процессы становления и развития нравственности и морали, показывая облик горцев в условиях новой исторической эпохи.

Авторские мысли о добре, справедливости, мужестве, любви и благородстве составили содержание сборников Л. Абазовой «Ты и я» («Уэрэ сэрэ», 1972 гъ.), «Слезы осени» («Бжыхьэ нэпсхэр», 1994 гъ.). Благодаря точно найденным психологическим штрихам и нюансам, автору удалось создать правдивые образы героев, оказавшихся в условиях кардинальной ломки человеческого сознания и системы ценностей. Такова Зара из рассказа «Матери не лгут» («Анэхэм пцІы яупсыркъым»), готовая ради собственного благополучия расплачиваться судьбой единственного ребенка, брошенного ею после смерти мужа на попечение немощного старика-свекра. Новеллистический эффект неожиданности мастерски использован Абазовой в рассказе «Когда отцы не спят» («Адэхэр щымыжейм деж»). Главные герои повествования Асхат и его внебрачная дочь впервые случайно встречаются в доме престарелых. Драматизм интриги в том, что дочь – главный врач этого приюта, а Асхата туда сдали дети, ради благополучия которых он бросил ее еще ребенком на произвол судьбы.

При всем разнообразии тематики доминантой многочисленных рассказов Л. Абазовой остается правдивое изображение ситуаций, заставляющих задумываться над сложными человеческими проблемами.

Новую тенденцию в адыгской новеллистике 80-х годов XX века обозначило творчество З. Налоева. Особенно ярко это новаторство раскрылось в сборнике с символическим названием «Одинокий журавль» («Къру закъуэ», 1982 гъ.), в котором писатель сводит на нет убийственную для нашей прозы описательность и декламацию 11. Глубокое понимание изобразительных возможностей художественного слова и мастерское умение владеть им позволили автору сборника поднять много жизненно важных проблем. В заглавном рассказе «Одинокий журавль» он выступил настоящим художником, который с максимальной глубиной и художественным вкусом создал совершенно новый в адыгской литературе образ человека-труженика. Его герои – люди, для которых самый тяжелый труд не просто работа, а источник творческого вдохновения. Динамика характеров героев, острота и стремительность развития действия и одновременно спокойная легкость повествования – все эти разнородные уровни сфокусированы З.М. Налоевым в решении социальной и художественной проблем. Рассказ во многом автобиографичен, о чем свидетельствуют даже имена прототипов главных героев – сельского кузнеца Хакяши Кажарова и его ученика Блуты. Исключительные по своей физической мощи и поступкам, они одиноки и по-детски беспомощны в столкновении с окружающим их социумом. Переступив религиозные догматы, запрещавшие изображение живых существ, Хакяша в творческом порыве создает настоящее произведение искусства — летящего журавля. Очарованный красотой птицы, ученик мастера прикрепил ее над входом в кузницу. На следующее утро обескураженные увиденным мастеровые с бранью накинулись на подростка, решив, что это он сотворил такое неслыханное доселе святотатство. Их негодование возросло еще больше, когда они узнали, что ее создателем является сам кузнец.

Гармонично соединив художественную достоверность с реальной действительностью, Налоев разрешает эту конфликтную ситуацию методом, присущим жанру психологической новеллы. Неожиданно для всех Хакяша разрезает зубилом творение своей души и рук на мелкие кусочки, и молча покидает кузницу. Весь трагизм судьбы Мастера зримо раскрывается в глубинном подтексте прощальных слов Блуты, сказанных им незадолго до кончины своего наставника: «Легко убить одинокого журавля в небе, а когда богатырь остается в одиночестве, он становится подобным ребенку».

Характерной чертой рассказов и новелл З.М. Налоева является та свободная и необычно емкая композиция, которая избегает аморфной растянутости сюжета, возникает как бы непосредственно из наблюдаемого художником жизненного явления или характера и не всегда имеет замкнутую концовку, ставящую точку за полным разрешением вопроса или проблемы¹². Второе переработанное и дополненное издание книги «Одинокий журавль» стало последним прижизненным изданием автора¹³. В сборник включены новеллы, написанные З.М. Налоевым в 2000–2010 годы, – «Ясноглазая красавица» («ТхьэІухуд нэ къуэлэн»), «Седьмое небо» («Уафэ ебланэ). «Апсинаху» («Іэпсинэху»), «Чапарица и господин Тыту» («Чапэрицэрэ зиусхьэн ТІытІурэ»), «Пестрая корова Сосруко» («Сосрыкъуэ и жэм къуэлэныжьыр»), «Чемодан Цыкуха» («ЦіыкІухъу и пхъуантэр»), «Жамука Татуны» («ТІатІунэ и жэмыкуэр»), «Паслен» («Жыг Хъурсанэ») и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Бекизова Л.А. От богатырского эпоса к роману. Черкесск, 1974. С. 145.
- 2. Грузинские народные новеллы. Тбилиси, 1974. С. 87.
- 3. *Бекизова Л.А*. Указ. соч. С. 150.
- 4. *Кашежева Л.Н.* О кабардинском рассказе // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1965. T. XXIII. C. 233.
- 5. *Золотусский И*. Время синтеза: пути современного очерка // Вопросы литературы. 1964. № 12. С. 3.
- 6. *Хапсироков 3.С.* Вопросы становления малых жанров черкесской прозы // Труды КЧНИИ. 1970. Вып.VI. С. 145.
  - 7. *Хапсироков Х.Х.* Жизнь и литература. М., 2002. С. 179.
- 8. *Тхагазитов Ю.М.* Эволюция художественного сознания адыгов. Нальчик, 2006. С. 168–169.
  - 9. Хапсироков Х.Х. Указ. соч. С. 102.
  - 10. Там же. С. 73.
- 11. *Шевлоков П.Ж*. Правда жизни: Сборник литературно-критических статей. Нальчик, 1982. С. 161.
  - 12. Там же. С. 162-163.
  - 13. *Нало Заур*. Къру закъуэ: Новеллэхэр. Налшык: ООО «Тетраграф», 2012.

M.K. Shakova

SMALL GENRES OF ADYGHE (KABARDIAN-CIRCASSIAN) PROSE

Article is devoted to the problems of formation and evolution of Adyghe (Kabardian-Circassian) small genre prose. The oeuvre of the famous prose writers who have played a significant role in genre and thematic variety formation of Adyghe literature served as the basis of the research.

Keywords: Adyghe (Kabardian-Circassian) prose, national short story, essay journalism, social and psychological prose, plotting, fable.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.352.3

БищІо Б.Ч.

ПСАЛЪАЛЪЭМ ИХУЭН ХУЕЙ ПСАЛЪЭХЭР КЪЫХЭХЫНЫМ ЕХЬЭЛІА ІУЭХУГЪУЭХЭР

В статье рассмотрен ряд актуальных вопросов, связанных с охватом всех слов (простых и сложных), а также с формой их подачи в словарных статьях при составлении адыгских (адыгейских и кабардино-черкесских) словарей.

Ключевые слова: лексика, словник, сложное слово, самостоятельные и служебные части речи, толковый словарь, переводные словари, словообразовательные префиксы и суффиксы.

Псалъалъэм кІуэну псалъэхэр къыщыхахкІэ хэкІыпІэу яІэр ІуэрыІуатэ зэхуэхьэса хъуамрэ, тхак Гуэхэмрэ усак Гуэхэмрэ я тхыгъэхэрэщ. Бзэм и псалъэхэр псори къызэщІэкъуа хъун папщІэ, тхылъ, тхыгъэ адыгэбзэкІэ щыІэу хъуар зэхэтхыкІауэ щытын хуейщ. Ди япэ псалъэгъэнахуэр зэхалъхьэну яужь щихьэм щыгъуэ абыкІэ къыщІадзауэ щытащ. Ауэ зэманкІэ ар зытехуар блэкІа лІэщІыгъуэм и 50 гьэхэрц. Абы щыгъуэ литературэ къулей диГауэ пхужыГэнукъым. Мы зыр къэбгъэльэгъуэну ирикъунщ: къэбэрдей литературэм иджыри зы роман закъуэт иІэр – Шортэн Аскэрбий и «Бгырысхэр» романым и япэ тхылъырт. Прозэ зызыужьа дызэримыІэм къыхэкІыу, итІанэ цІыхухэм я нэхьыбэр урысыбзэкІэ къыдэкІ литературэм къызэремыджэфым къыхэкІкІэ, а лъэхъэнэм куэду зэрадзэкІыу щытащ урыс, дунейпсо классикэм и произведенэхэр: Пушкиныр, Лермонтовыр, Тургеневыр, Горькэр, Марк Твен, Джанни Родари, н. Арати, апхуэдэ тхыгъэ зэдзэкІахэри зэхатхыкІри къагъэсэбэпауэ щытащ, апхуэдэу пщІэ зэрымыхъунур къагурымыІуэу. ЩІэмыхъунур сыт? Япэрауэ, ахэр зэзыдзэкІахэр зэрыхуэмыІэкІуэлъакІуэм (урысыбзэми, адыгэбзэми). зэрамыІэщІагьэм къыхэкІыу, зэрадзэкІам и фІагьым арэзы укъищІыртэкъым, бээ ныкъуэдыкъуэт; етГуанэрауэ, зэбдээкГ бээм и нэшэнэхэр ухуей-ухуэмейми зэрызэбдзэкІ бзэм къыхэпща мэхъу, нэгъуэщІыбзэ гупсысэкІэр къыхонэ зэбдзэкІа тхыгъэм, н.ж. ар адыгэбзэ нэс хъужыркъым, лъэпкъ псалъалъэми апхуэдэ тхыгъэр лъабжьэ хуэпщІынкІэ Іэмал иІэкъым.

Псалъэгъэнахуэм иужькІэ щелэжьыжам щыгъуэ (80–90 гъэхэм) абы хагъэкъэбзыкІыжын хуей хъуащ иллюстрацэу абы и япэ вариантым кІуауэ щыта щапхъэхэу М. Горькэм и «Анэ» романым, Дж. Родари «Чипполино къыщыщІахэр», Дж. Свифт и «Гулливер лилипутхэм я хэкум», М. Чаплинэ «Си гъэсэнхэр» н. куэдым къыхахахэр. Абыхэм я пІэкІэ къагъэсэбэпащ нэхъ иужькІэ зэхатхыкІауэ щыта КІыщокъуэ А. и «Хъуэпсэгъуэ нур», «Мазэ ныкъуэ щхъуантІэ» романхэр, Теунэ Хь. и повестхэр, «Псэм и ІэфІыр къуатмэ», «Шэджэмокъуэ лъэпкъыр» романхэр, нэгъуэщІхэри.

Ауэ ноби ди художественнэ литературэм и произведенэхэр зэхэтхыкІын къалэныр ди пащхьэ къитщ, сыту жыпІэмэ, иужьрей илъэс 30–35-м къыдэкІа ди литературэ къулейм щыщу зыри зэхэтхыкІакъыми. А зи гугъу тщІы лъэхъэнэм адыгэбзэкІэ тхылъу къыдэкІар абы ипэкІэ къыдэкІауэ хъуам нэхърэ нэхъыбэщ.

ТхакІуэхэм я тхылъхэм я закъуэкъым хэкІыпІэу щыІэр. ИщхьэмкІи зэрыжытІащи, ІуэрыІуатэ къулей зэхуэхьэсыжа хъуащ, абы и ІыхьэфІ тхылъхэм ихуащ, ауэ иджыри Іэрытхыу фондхэм щІэлъри гъунэжщ, зыми къимыгъэсэбэпауэ.

Бзэм и лексикэ къулеягъыр зэрыхэбгъэхъуэн ІэмалыфІщ диалект псалъэхэр зэхуэхьэсурэ бзэм къыхэгъэхьэнри. Ди диалектхэр хъарзынэу джа хъуащ, ауэ диалект псалъэхэр жыжьэуи къызэщІэкъуа хъуакъым.

Зи литературэбзэр зэф Ізувагъащ Ізхэм я дежк Із дэтхэнэ зы псалъэри Ізджэ и уасэщ, аращ псалъэу бзэм зэригъэпэща псори зыри хэмыгъэк Іуэдык Іыу зэщ Ізгъэу Іуауэ псалъалъэм игъэхуэн щ Іыхуейр.

Ди япэ псалъэгъэнахуэм (аращ псалъэу нэхъыбэ дыдэ – мин 31-рэ – зэрыхуар) аращ литературэбзэм къыщамыгъэсэбэп къызэрыгуэк (просторечие), гуемы у (грубое) псалъэхэри мымащ у щ Грагъэувар. Мыбы ямыгъэк Гуар зы л Гэужьыгъуэ закъуэщ – къемык Гу (ук Гытэгъуэ) псалъэ гупым хыхьэрщ (нецензурные слова). Ауэ къыжы Гапхъэш зи гугъу тщ Гы псалъэ л Гэужьыгъуэхэм хагъэхьэхэр бзэхэм зэрыщы зэтемых уэм. Псалъэм папщ Гэ, англыб зэм и псалъалъэхэм к Гуэ, а бзэм ирипсалъэхэми зыуи къащымых уу къагъэсэбэп псалъэ гуэрхэр урысхэми, адыгэхэми ц Гыхухэм зэхахыу жып Гэ мыхъуну къалъытэ.

НэгъуэщІыбээ псалъэу лъэпкъ псалъалъэм ихуэн хуеймрэ хуэмеймрэ я гъунапкъэри убзыхуауэ щыткъым. ДауикІ, езы бзэм и псалъэу ф1экІа ямыщІэжу хъуа, куэд лъандэрэ бзэм къыхыхьахэм я Іуэхур гурыІуэгъуэщ. Нэхъ гугъур ди иджырей гъащІэ псынщІэ дыдэу зызыужьым къигъэщІ гурыІуэгъуэщІэхэр, хьэпшыпыщІэхэм я цІэхэр махуэ къэс жыхуаІэм хуэдэу бзэм къызэрыхыхьэрщ. АтІэ адыгэбзэм ирипсалъэхэм я бзэм къыхэхуэ апхуэдэ псалъэ дэтхэнэри ди лъэпкъ псалъалъэм иувапхъэ? Абы и лъэныкъуэкІэ ди бзэм дыкІэльыплъмэ, гу лъумытэнкІэ Іэмал иІэкъым адыгэбзэкІэ къэпІуатэ хъу куэд къэдгъанэурэ абыхэм я пІэкІэ нэгъуэщІыбээ псалъэхэр къызэрыдгъэсэбэпым. «Сымаджэщ» псалъэ диІэми, нэхъыбэм зэрыжаІэр больницэщ, тыкуэным и пІэкІэ магазин жаІэ, еджакІуэ — ученик, егъэджакІуэ — учитель, н.къ. АтІэ ахэри ди псалъалъэм дгъэкІуэну? Си гугъэмкІэ, щхьэусыгъуэ лъэпкъ щыІэкъым апхуэдэ псальэхэр ди бзэм щыщ тщІынымкІэ. Къэтщтэн хуейр ди бзэм имыІэ, ди бзэм и ІэмалхэмкІэ къыпхуэмыгъэщІ псалъэхэрщ.

Ауэ мыри къэгъэлъэгъуапхъэщ: ущІеныкъуэкъун щыІэкъым дуней псом къыщагъэсэбэп «интернациональнэ» жыхуэтІэ псалъэхэм. Абы и лъэныкъуэкІэ зы щапхъэ къэтхьынщ. Дуней псом щыувауэ щыжаІэмазэцІэхэр: январь, февраль, март, апрель... Я къэпсэлъыкІэкІэ тІэкІу зэтемыхуэ щхьэкІэ, ардыдэращ англыбзэкІи, адрей бзэ нэхъ зызыубгъуахэмкІи. Нэмыцэм: януар, фебруар, мерц, априль... «Адыгэ псалъэ» газетыр иужьрей илъэс зыбжанэм ерыщу яужь итщ абыхэм япІэкІэ адыгэ мазэцІэхэр ди бзэм хигъэхьэжыну: **щІышылэ, мазае, гъатхэпэ, мэллъхуэгъуэ, вэнгъуэкІэ, мэкъуауэгъуэ,** н.къ. Мы цІэхэр гъэм и лъэхъэнэ пыухыкІам и нэщэнэ нэхьыщхьэм теухуауэ фІащауэ аращ. Мыпхуэдэхэр яІэщ урысхэми, балъкъэрхэми, нэгъуэщІ лъэпкъхэми. Лъэпкъ къэс езым и мазэцІэхэр иІэжын хуей? Сыт абы сэбэпу къишэр, гугъуехь къишэ, ухигъэзэрыхь фІэкІа? Аращ къыщІомыхъулІэнури апхуэдэ лъэпкъ мазэцІэхэр къэбгъэщІэрэщІэжын. Ахэр лъэпкъым, бзэм и тхыдэм щыщу къэнэжыну аращ.

Псалъэ лъэпкъыгъуэхэр сыт хуэдэ теплъэ яГэу псалъалъэм къызэрыщыпхьынур? Мыри упщГэ тыншкъым. Мыбы и жэуапыр ептыфын папщГэ лексикологиемрэ грамматикэмрэ я проблемэ Гэджэ зэпкърыха хъуауэ щытын хуейщ. Псом япэу псалъэ щхьэхуэм и гъунапкъэр гъэувауэ, псалъэхэр зыхыхьэ псалъэ лъэпкъыгъуэхэр убзыхуауэ щытыпхъэщ.

Ди нобэм ирихьэл э а жыхуэт э проблемэхэмк э куэд лэжьа, зэф эгъ к къуак на къуак н

пэжырытхэкІэ зы псальэу (зэпыту) ятххэр аращ. Ауэ апхуэдэ бгъэдыхьэкІэр зэрымытэмэмыр гуры Гургьуэщ. Ди пэжырытхэ хабзэхэм япкъ итк Гэ зэпыту ятх псалъэ зэпха куэдхэр, абы щыгъуэми псалъэ зэхэлъхэм ящыщу зэпыхауэ (псалъитІ-щыуэ) ятхри гъунэжщ. Псалъэм папщІэ, зым адрейр игъэбелджылыуэ къакІуэ псалъэ зэпхаитІыр зэпыту ятх: а тІум щыщу иужь итыр (щыІэцІэр е плъыфэцІэр) пычыгъуэ закъуэрэ и кІэр ы е э-кІэ иухмэ: уанэш, унэшІэ, къуажэжь. $\epsilon \omega d\varphi$, н.къ. (зэзыпх дэмыту); зэзыпх <u>ы</u> якум къыдэувэмэ: $\partial \varkappa$ эдуунэ, жсындуукIэ, *пкъоужь, тхьэк Гумэк Гыхьыфэ*, н.; определительнэ псалъэ зэпхахэм щыщу иужь итыр бжыгъэцІэ 2,3,4,5,6,7,8,9,10,100-хэр арамэ, н.къ. Апхуэдэ пэжырытхэ хабзэм тетщІыхьу псальальэм а псор статьяуэ дгьакІуэ зэрымыхьунур гурыІуэгьуэкьэ? МыдэкІи псальэ зэхэльу зэпыхауэ ятххэри къэбгъэнэнкІэ Іэмал иІэкъым. Псалъэм папащІэ: мэз джэд, губгъуэ бжэн, къурш ажэ. Мыпхуэдэ псалъэ зэхэлъхэу закъуэт акъуэххэщ псальальэхэм ихуэу щытар. Иужь дыдэу къыдэк а псалъэгъэнахуэм (1999) нэхъ зэщГэкъуа щыхъуащ псалъэ зэхэлъхэр. КъыкГэлъыкГуэ проблему дытепсэлъыхыниц псалъэ льэпкъыгъуз зэмылГэужьыгъуэхэр псалъэм къызэрыщыхьын хуей теплъэм.

1. Зи щхьэ хущыт псальэ льэпкьыгьуэхэр

ЩыІэцІэхэр къахь именительнэ падежым иту, закъуэ бжыгъэу. Именительнэ падежым кІзух -р-р пагъзувэркъым, с.ж. формант -р-м падеж къалэным нэмыщІ белджылагъ мыхьэнэри иІэщи. Къэбэрдей-шэрджэс псалъалъэхэм щыІэцІэм и словарнэ теплъэм теухуауэ проблемэ щыІэкъым, ауэ адыгеибзэм щыІэцІэр псалъалъэм къызэрыщыхыын хуейм теухуауэ зэныкъуэкъу щыІэщ. Іуэхур зытетыр аращи, -2-кІэ иух щыІэцІэхэм адыгеибзэм теплъитІ щаІэщ: субъекту къыщыкІуэмрэ предикату щыщытымрэ зэщхьэщокІ, епль: губзыгь – губзыгь, макъ дэкІуашэкІэ иух щыІэцІэхэми предикат щыхъукІэ -ы япоувэ: бжьын-бжьыны. Мыпхуэдэхэм деж адыгей псалъалъэ псори зэхуэдэу Іуэхум бгъэдыхьэркъым. ЗекІуэхъу У. словарнэ формэу къэщтэн хуейуэ къегъзув предикат формэр, ауэ Къумахуэ Мухьэдин тэмэму гу зэрыльитащи1, щыГэцГэхэм сказуемэ къалэн щагъэзащГэм деж яІэ теплъэр словарнэ формэу къыщІэпхьын щхьэусыгъуэ щыІэкъым: зы бзи дунейм теткъым апхуэдэу псалъалъэ хузэхалъхьэу. Подлежащэ къалэн щигъэзащІэкІэ иІэ теплъэр аращ къэщтэн хуейр – именительнэ падежым иту, ауэ а падежым и кІэух -р-р пымыту, сыту жыпІэмэ, ищхьэмкІэ зэрыщыжытІащи, а -р-м определительнэ къалэни иІэщи. Н.ж. къэбэрдей псалъалъэхэм я щыІэцІэ къэщтэкІэр аращ тэмэмыр.

Иджы псалъэ зэхэльхэр къызэрыпхыну щІыкІэм теухуауэ. ЗэрыжытІащи, иужьрей зэманхэм къэсыху ахэр псалъалъэхэм ирамытхэурэ къекІуэкІащ. Япэу апхуэдэ псалъэ гупышхуэ ихуащ 1999 гъэм къыдэкІа Адыгэбзэ псалъалъэм. Дауэ а тхылъым псалъэ зэхэлъхэр къызэрыщыхьар?

Зэпыхауэ ятх псалъэ зэхэлъхэр, е, фразеологизмэхэм къащхьэщыкІыу, зи семантикэр нейтральнэ, къэхъугъэ, къэхъукъащІэ гуэрхэм я цІэу щыт предикативнэ псалъэзэгъусэ зэхэжыхьахэр ахэр зэрызэхэт псалъэхэм ящыщу япэ итым теухуа статьям хэту къокІуэ:

МЭЗ лес/ жыгхэр Іуву зытет щІыпІэ. Жыгей мэз.

мэз бжэн косуля/ Мэзым щыпсэу бжэн Іэл лъэпкъыгъуэ².

Псальэ зэхэльу щытынкІэ хьунур щыІэцІэм и закьуэкъым, глаголри аращ:

УЭС снег/ Хьэуам къыхэкІыу хужь Іэрамэ цІыкІуурэ щІым къытесэ псыІэгъэ зэщІэдия.

уэс къесын идти – о снеге / Уэс къехын, уэс къытрилъхьэн. *Нобэ псом уэс къос* ^{3} .

ДауикІ, иджыри жыжьэрэ гъунэгъуу зи гугъу тщІы псалъэ лъэпкъыгъуэхэр псори къызэщІэкъуа хъуакъым, ауэ а Іуэхум къежьапІэ хъэрзынэ иІэ хъуауэ убж хъунущ.

ПлънфэцІэхэм я къэхынкІэри щыІэцІэм ещхыц, ауэ езы «плънфэцІэ» гурыІуэгъуэм къызэщІиубыдэ гъунапкъэр и кІэм нэсу убзыхуа хъуакъым. ЩытыкІэ къэзыгъэльагъуэ плънфэцІэ жыхуэтІэхэм я Іуэхур гурыІуэгъуэщ: плънжь, ин, бгъузэ, н.къ. Мыхэр я семантикэкІэ къыхощхьэхукІ щыІэцІэхэм, итІанэ зэлънтыныгъэ степень зэраІэмкІэ плънфэцІэ нэщэнэм итхэщ. Пэжщ, языныкъуэ аффиксхэмкІэ къэхъу качественнэ плънфэцІэхэр псалъалъэхэм щимыхуэ щыІэщ, псалъэм папщІэ — гъуей, — гъуафІэ суффиксхэмкІэ глаголхэм къатекІхэр: тхы — тхыгъуей, тхыгъуей, шхыгъуей, шхыгъуей, н.къ.

Хуабжьу зэхэзэрыхьар зыщыщ къэзыгъэльагъуэ плъыфэцІэ жыхуэтІэхэм я Іуэхурщ. Мыпхуэдэхэм я къалэныр адыгэбзэхэм щагъэзащІэ щыІэцІэхэм, плъыфэцІэхэм я аффикс хэха лъэпкъи къапымыувэу. ПлъыфэцІэм и формэ пыухыкІа гуэр щамыгъуэткІэ, ахэр плъыфэцІэ хъуауэ убж хъуну пІэрэ? Псалъэм папщІэ, гъушІ «железо» псалъэм гъушІ куэбжэ «железные ворота» псалъэ зэпхам определенэ мыхьэнэ щегъэзащІэ, ауэ тІум щыгъуэми и теплъэр а зырщ; урысыбзэм елъытыт: железо — железный. ЩІэныгъэлІхэм я нэхъыбапІэм къызэралъытэмкІэ, апхуэдэ псалъэхэр плъыфэцІэу щІубжын щхьэусыгъуэ щыІэкъым. Абы къыхэкІкІи адыгэбзэ псалъэгъэнахуэм зи гугъу тщІы псалъэхэр тІэу къыщІыщыпхьын тегъэщІапІи щыІэкъым, зэм щыІэцІэу, зэм плъыфэцІэу (языныкъуэхэм къызэрагъэувым ещхьу). Ауэ адыгэ-урыс зэзыдзэкІ псалъалъэм Іэмал имыІэу къыщыгъэлъэгъуапхъэщ щыІэцІэхэм относительнэ плыфэцІэм и къалэныр зэрагъэзащІэр. 1999 гъэм къыдэкІа Адыгэбзэ псалъалъэм апхуэдэхэм деж щыІэцІэм и мыхьэнэм щІыгъуу абы и определенэ функцэри къыщегъэлъагъуэ:

АБДЖ стекло // стеклянный...

Зыгъэнахуэ Іыхьэми ар къыхощ, языныкъуэхэм деж: узэпхрыплъ хъууэ пшахъуэ гъэткІуам къыхэщІыкІа пкъыгъуэ; абы ехьэлІа, абы къыхэщІыкІа. Щапхъэхэм и дежи: Абдж гъэвэн. Абдж ІупщІэ⁴.

Ауэ къыхэгъэпщыпхъэщ мыр: щыІэцІэхэм къанэ щІагъуэ щымыІэу определенэ къалэн псоми ягъэзэщІэфми, мы къэтхьа щапхъэм хуэдэу ар къыхэщу зэхагъэува статьяхэр куэд хъуркъым.

БжыгъэцІэхэм ехьэлІауи зэтемыхуэныгъэхэр щыІэщ псалъалъэхэм. Зэрабж бжыгъэцІэхэм щыщу дэтхэнэхэр ара псалъалъэм кІуапхъэр? ЗэрытщІэщи, а бжыгъэхэм гъунэ яІэкъым, и кІэм зэи унэбжысынукъым. Адыгэ псалъалъэм (1999) мыхэращ ирагъэувар: 1-м къыщыщІэдзауэ тІощІым нэс (я къэхъукІэкІэ яхэлъ гъэщІэгъуэнагъым тещІыхьауэ), адэкІэ пщІы бжыгъэхэр — 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, адэкІэ 100, 1000, 10000000.

ЗэрызэкІэльыкІуэ бжыгьэцІэкІэ дызэджэхэр языныкъуэхэм мыбжыгъэцІэу, плъыфэцІэм нэхъ екІуалІзу жаІэ (япэ(рей), етІуанэ(рей)...). Мыхэр зэрабж бжыгьэцІэ дэтхэнэми къетебгъэпщІыкІыф хъу щхьэкІэ, нэхъ къагъэсэбэпыр 1–20 гъунапкъэрщ. Кратнэ жыхуэтІэхэр: (зэ, тІо, щэ...) языныкъуэ щІэныгъэлІхэм наречием хагъэхьэ. Мыпхуэдэу псалъалъэм ихуэ хабзэри 1–10 гъунапкъэм къыщІагъэувыІэр, бзэм къигъэсэбэпыр нэхъыбэу аращи.

ЦІэпапщІэхэм деж зэныкъуэкъу къэзышэр «зи щхьэ хущымытыж еигъэ цІэпапщІэ» жыхуаІэхэр аращ: **си**, **уи**, **ди**... Дызэрыщыгъуазэщи, мыхэр бзэщІэныгъэлІхэм я нэхъыбэм зэралъытэр еигъэ къэзыгъэлъагъуэ аффиксущ (префиксущ), ауэ псалъалъэ языныкъуэхэм еигъэ цІэпапщІэу къыщагъэлъагъуэ. Еигъэ цІэпапщІэ нэсу диІэр (псоми зэдэарэзыуэ къащтэр) зи щхьэ хущыт жыхуаІэхэращ: *сысей*, *ууей*, *дыдей*... 1999 гъэм къыдэкІа псалъалъэм мы Іуэху еплъыкІэм тету щызэпкърыхащ цІэпапщІэхэр.

Глаголыр къэбэрдей псалъалъэхэм хабээ щыхъуауэ масдар формэм иту къыщахь. Адыгей псалъалъэхэм, масдарым нэмыщІ, къыщагъэсэбэп блэкІа, ит зэман формэхэри. Апхуэдэу зыщІхэм щхьэусыгъуэ ящІ «масдарыр адыгэбзэм иджыри нэсу зэрыщызэтемыувар», ар глагол формэ дыдэу зэрыщымытыр (псалъэм папщІэ, падежкІэ зэрызихъуэжыр), н.къ.⁵. ТегъэщІапІэ ящІ «личнэ

формэр» латин, пасэрей грек псалъалъэхэм къызэрыщагъэсэбэпар⁶. Пэжщ, бзэ псоми инфинитив, масдар формэу глаголхэр я псалъалъэхэм къыщахыркъым. Болгар, латин псалъалъэхэм къащтэ ит зэманыр, япэ щхьэр, закъуэ бжыгъэр, бурят, къалмыкъ псалъалъэхэм — къэкlуэну зэманым ит причастиер, н.къ. Бзэ къэс езым и хабзэхэр иlэжщ, езыхэм я дежкlэ нэхъ lэрыхуэ формэхэр къащтэ. Атlэ сытыр ара адыгэбзэм дежкlэ къэпщтэну нэхъыфlыр? Къумахуэ М. къелъытэ масдарыр арауэ, с.ж. абы псалъэм зэрызихъуэж аффикс лъэпкъ хэувэркъыми, апхуэдэу масдарыр дэтхэнэ глаголми къытепщlыкl мэхъури⁷. Мыдрей зэман формэхэм я пэм псалъэм зэрызихъуэж аффиксхэр поувэри абы и зэранкlэ алфавиткlэ псалъэр здэщытыпхъэм бгъэув хъуркъым. Псалъэм папщlэ **ХЬЫН** глаголыр ит зэману къапщтэмэ — e-хe, блэкlа зэманым деж — e-хeди. Аращи, хe хьэрфым деж щыlэн хуейр зэ e-м, зэм e-м макlуэри къэлъыхъуэгъуей мэхъу.

Адыгеибзэ псалъэгъэнахуэм блэкІа зэман формэм къыдэкІуэу щыгъэнэхуащ а глагол дыдэхэм я масдар формэри. БлэкІа зэман формэм и статьям скобкэм дэту пыгъэуващ ит зэман формэри, масдар формэм скобкэм дэту бгъурытщ а формэм и именительнэ падежым и теплъэри⁸:

ГУЖЪУАГЪЭ (МЭГУЖЪО) опоздал...

ГУЖЪОН (ГУЖЪОНЫР) опоздать...

Зэрытлъагъущи, щхьэусыгъуэншэу зы глагол псалъэр т І
эу гъэнэхуа мэхъу. Ауэ абдежи къыщынэркъым – статья хухах причастие формэхэми, блэк
Іа, ит зэманхэм иту ^{9} :

ЗЫЗГЪЭБЫЛЪЫГЪЭР «спрятавшийся»

ЗЫЗГЪЭГУСАГЪЭР «тот, кто надулся» и т.д.

Япэ причастиер ипэм пыт <u>ы</u>-м темыщІыхьауэ «т» хьэрфым деж къыщахь, ауэ етІуанэ причастиер зы — пытым щхьэкІэ хьэрф «<u>з</u>»-м хэтщ. А псом, дауикІ, гугъуехь мымащІэу хадзэр псалъалъэр къэзыгъэсэбэпхэр.

Нэхъапэ къыдэк а псалъалъэхэм я щыщ Гэныгъэхэр зыкъомк Гэ щыгъэзэк Гуэжащ 1999 гъэ псалъалъэм. Мыбы глагол псалъэхэр масдар (инфинитив) формэм иту къыщыхьащ, ауэ абы къыбгъурыту скобкэм дэту къэхьащ ит зэман формэр, ещанэ щхьэр, закъуэ бжыгъэр 10:

КІУЭН (МАКІУЭ)...

ГУЭТЫН (ГУЭТЩ)...

Причастиехэри, деепричастиехэри статья щхьэхуэу къахьакъым, глагол формэу зэрыщытыр къалъытэри (мыхэр псалъэ лъэпкъыгъуэ щхьэхуэу жызыІи щыІэщ).

Мы псалъалъэм нэгъуэщІ и ефІэкІыныгъи къыхэгъэщыпхъэщ: адрей псалъалъэхэм къащхьэщыкІыу мыбы куэдкІэ нэхъ къызэщІэкъуа щыхъуащ глагол къытещІыкІа е глагол зэхэлъ жыхуэтІэхэр: глагол префиксхэмрэ (превербхэмрэ) суффиксхэмрэкІэ къэхъуахэр.

Мис а зи гугъу тщІы аффиксхэр:

бгъэдэ- кІын	3ЭПЫ- ШХЭН
бгъуры-сын	зэпры- дзын
блэ-шын	зэ ры- пкІын
гуры- Іуэн гуэ-дэн	зэры- хун
гъэ ¹-дэхэн	зэт(е)- убэн
гъэ²- кІуэн (каузатив)	зэхуэ- кІуэн
дэ ¹ -лъын	ЗЭХЭ- ЛЪЫН
д ^{2} -л ^{2}	зэфІэ- гъэувэн
жьэдэ-уэн	зэІы- тхъын
жьэхэ- хьэн	йы- сын
зы-гъэпскІын	къуэ- лъын
зэ-Іухын	къэ- шэн
зэбгры- дзын	кІуэцІы- дэн

зэбгъэдэ-тын кІуэцІыры-кІын зэгүэ-дэн **щІэ-**къузэн зэдэ-лэжьэн куэщІэ-дзэн зэлъы-ІукІын кІэлъы-шэн кІэры-кІын зэпкъры-лъэлъын хыфІэ-дзэн **лъы-**гъуэзэн нэ-сын шІэ-сын пкъры-хьэн шхьэлэ-хын **шхьэпыры-**пшын пхыры-лъэфын пы-гъукІын **щхьэры-**дзын пэ-псэлъэн нифеап-ишеахш пэры-кІын ϕ І ^{1} -тын пэщІэ-дзын ϕ І ^{2} -кІуэн пыІуэ-нтІыкІын щы-сын те-кІиен Іуы-дзын **v**-къэбзын Іэпы-кІын

Суффиксхэр:

ІэщІэ-къутэн

-йэ/-йы дэкlуе-йы-н--тэ кlуэ-тэ-н-жы гъэзэ-жы-н--хы етlысэ-хы-н-кІы епщэ-кІы-н-фы кlуэ-фы-н-лІэ етlысы-лІэ-н-щэ щысы-щэ-н-пэ щы-пэ-нІуэ –дэкlуеи-Іуэ-н

хүэ-дэн

Глагол префиксхэр (превербхэр) псалъалъэ зи гугъу тщІым статья щхьэхуэу къыщыхьащ, я мыхьэнэри щыгъэнэхуащ, еплъ:

- ДЭ–II глагольная приставка обозначает категорию союзности / Зыгуэрым нэгъуэщІ зыгуэр (е зыгуэрхэр) и гъусэу лэжьыгъэр зэригъэзащІэр къэзыгъэльагъуэ глагол префикс¹¹.
- **ХУЭ-І** *глагольный префикс* 1. показывает, что действие совершается для *кого-л.* (*ради кого-л.*, *по чьему-л. требованию, по чьей-л. просьбе и т.п.*)/ Лэжьыгъэр зыгуэрым и лъэ!ук!э, и хьэтырк!э, и унафэк!э къэхъуу зэрыщытыр къегъэлъагъуэ. *Хуэпщэф!эн. Хуэлэжьэн*.
- 2. выражает направленность действия к *кому-чему-л*. / Лэжьыгъэр зыгуэрым зэрыхуэгъэзар къегъэльагъуэ. *ХуэунэтПын*.
- **ХУЭ-II** глагольный префикс, обозначающий возможность осуществления того или иного действия / Лэжьыгъэр зыгуэрым хуэгъэзэщІэныр къэзыгъэлъагъуэ префикс. *Хуэшхын*. *Хуэтхын*¹².

КъыжыІапхъэщ языныкъуэ превербхэм я мыхьэнэр мы псалъалъэм грамматикэхэм нэхърэ нэхъ убзыхуа зэрыщыхъуар – псалъалъэм елэжьахэм куэдрэ я пщэ къыдэхуащ иджыри грамматикэм зэпкъырыха щымыхъуа Іуэхугъуэхэм жэуап псалъалъэм щратын хуейуэ.

Каузатив категорием глаголхэр къанэ щымы у къызэрызэщ и убыдэм къыхэк ну, каузатив глаголхэр ямыгъэнахуэу «мыпхуэдэ глаголым и каузатив» жа но зэф Гагъэк на каузатив префиксым и мыхьэнэр зэрагъэнэхуар къалъытэри. Ауэ каузативхэм къызытек глаголым имы ну мыхьэнэш нагъуэтым деж, а мыхьэнэр ягъэнахуэ:

ГЪЭТІЫСЫН 1. каузатив к **тІысын** / **ТІысын** псалъэм и каузатив. *ХьэщІэр гъэтПысын*.

- 2. посадить что-л. (напр. лук) / КъэкІыгъэ гуэр щІым хэщІэн, хэсэн.
- 3. зэхь. посадить кого-л. в тюрьму / Зыгуэр лъэхъуэщым щы
Іыгъын, тутнакъ щ Іын. Дыгъур гъэт Іысын 13.

Каузатив цІэ глаголхэм япыувахэр ягъэнахуэ, ар унафэ мыхьэнэм хуэпхь зэрымыхъум къыхэкІыу:

ГЪЭДЭХЭН украшать кого-л.-что-л. / Зыгуэр гъэщІэрэщІэн. *Уэрамыр* гъэдэхэн¹⁴.

Къытегъэзэжыныгъэ къэзыгъэлъагъуэ, суффикс $-\underline{\mathbf{ж}}$ – кІэ къэхъуахэм щыщу псалъалъэм ихуар а суффиксыр хэмыту къамыпсэлъхэмрэ къытегъэзэжыныгъэм нэмыщІ нэгъуэщІ мыхьэнэи а суффиксым зыхилъхьэ псалъэхэмрэщ:

КЪЭБЭДЗЭУЭЖЫН прийти в чувство, ожить (*напр. после болезни*)... **КІУЭЖЫН** 1. вернуться снова...

2. *зэхь*. поменять место жительства¹⁵.

Щымы
Іэныгъэ категорием иту глагол къыщахьыр, абы зэхьэк
Іа мыхьэнэ и
Іэ щыхъум дежщ:

МЫГЪЭПСЭУН 1. уничтожить, лишить жизни кого-л...

2. *зэхь*. не давать покоя, тревожить, беспокоить кого-л. ^{16} .

Мы псальэр псальальэм щІагьэкІуар и етІуанэ мыхьэнэ зэхьэкІам и хьэтыркІэщ.

Наречиехэр, хабзэ хъуауэ, «наречие» пометэр иІэу псалъалъэхэм къыщахь. Ауэ наречиехэм щыщ куэд иджыри псалъалъэхэм имыхуауэ къонэ, псом хумыдэу плъыфэцІэхэм къатехъукІхэр.

2. Зи щхьэ хущымыт псальэ льэпкьыгьуэхэр

<u>Послелогхэм</u> я деж нэхъ щыуагъэу псалъалъэхэм яІэщІэкІ хабзэр послелог къытепщІыкІа жыхуаІэхэмрэ ахэр къызытепщІыкІахэмрэ зы статьям къызэрыщахьыр аращ, зы псалъэм и мыхьэнитІ хуэдэу. ЗырыщІын хуейр статья зырызущ, омоним зэхуэхъу псалъэхэу. Адыгэбзэ псалъалъэм (1999) щыхущІэкъуахэщ а принципым зэрытетыным:

АДЭКІЭ-І нареч. далее, затем, потом / Зыгуэрым къыкІэльыкІуэу.

АДЭКІЭ-ІІ *послелог* за / Зытепсэльыхыыр зыгуэрым нэхърэ нэхъ жыжьэу зэрыщытыр къэзыгъэльагъуэ псалъэ. *Мэзым адэкІ*э.

ИПЭКІЭ-І *нареч*. прежде, раньше / Зэман блэкІам. *ИпэкІэ тхьэмыщкІэу псэуащ гуащІэрыпсэухэр*.

ИПЭКІЭ-ІІ послелог назад (в сочетании со словами, указывающими период, промежуток времени) / Зэман къэзыгъэлъагъуэ псалъэхэм я гъусэу къагъэсэбэп, «узэІэбэкІыжмэ» мыхьэнэр иІэу. *МахуитІ ипэкІэ*¹⁷.

Союзхэр езыхэр куэд хъууэ пхужыГэнукъым, ауэ итГаникГ а диГэ мащГэми щыщ яГэщГогъупщыкГ псалъалъэ зэхэзылъхьэхэм. Къэбэрдей-урыс псалъалъэм (1957) ихуакъым «ди псалъитГым яз» икГи (и), итГани(кГ) «однако», зэкГэ «пока» жыхуиГэ союзхэр. Ар гъэщГэгъуэнкъэ?! Союз зэхэлъхэм я гугъу умыщГыххэ! Псалъэм папщГэ, сыту жыпГэмэ, сыт щхьэкГэ жыпГэмэ щхьэусыгъуэ союзхэр сыт цГэпапщГэм и статъям къыщыхъащ ◊ ромбым иужькГэ, н.ж. идиомэхэмрэ фразеологизмхэмрэ хагъэзэрыхьащ № Зи гугъу тщГы щыуагъэхэм хуэдэ ущрихъэлГэжыркъым Адыгэ псалъалъэм (1999).

сыт щхьэкІэ жыпІэмэ *союз* потому что / Щхьэусыгъуэ псалъэуха гуэдзэр пажэм ирепх; сыту жыпІэмэ¹⁹.

Нэхъапэ къыдэкIа псалъалъэхэм къащхьэщыкIыу, мыбы щызэпкърыхащ къытезыгъэзэж союзхэри:

39М...39М *союз* 1. то..., то... / ЗэкІэльызыхь союз.

2. один раз... другой раз... / Япэ щ Іык
Іэ... иужьк Іэ... Зэм дэмысу хуэзащ, зэм щ Ізмыхь
эу къигъэзэжащ ^{20} .

Мы иужьрейхэр псальальэм гьэкlуэн хуэмейуэ жызыlэхэри щыlэщ. «Мыпхуэдэ союзхэр псальэуха щхьэхуэхэр е псальэухам и пкъыгъуэхэр зэрапхкlэрэ, семантическэ центр зырызхэм къахохутэ, апхуэдэ щlыкlэкlи лексическэ зэкъуэтыныгъэ ямыlэж (лексическое единство) мэхъу» – жеlэр Щауэ Аскэр²¹.

 $\underline{\text{Частицэхэр}}$ псалъэ лъэпкъыгъуэ щхьэхуэу зымыбж щ І
эныгъэл Іхэр мащ Іэ-къым
²².

Дапщэщи тыншкъым частицэхэр наречиехэмрэ союзхэмрэ къахэбгъэщхьэхукІыныр. Языныкъуэхэр я мыхьэнэкІэ я гъунэгъущ вводнэ псалъэхэмрэ междометиехэмрэ. ИкІэм-икІэжым псалъэуха псом пэхъу частицэхэри щыІэщ: атІэ, хьэуэ. А псом гугъу ящІ псалъалъэ зэхэзылъхьэхэм я къалэныр. Зэрычастицэм шэч лъэпкъ къытрамыхьэу щыІэ тІэкІур аращ псалъалъэхэм кІуэр, инэхъыбапІэр, псалъалъэм ихуэу щытми, ахэр частицэу къагъэлъэгъуэну тегушхуэркъым псалъалъэм елэжьхэр.

Междометиехэмрэ зэрызыпащІыж псалъэхэмрэ зэпыгъэщхьэхукІа хъуакъым и кІэм нэсу. Ауэ псалъалъэхэм уеплъмэ, гу лъыботэ абыхэм нэхъыбэу ягъакІуэр междометиехэр арауэ зэрыщытым. Междометиехэм лексическэ, грамматическэ мыхьэнэ яІэкъым, абы къыхэкІкІи псалъэухам щыщ хъуркъым. Ауэ языныкъуэ междометиехэм подлежащэм е дополненэм и къалэн ягъэзэщІэнкІи хъунущ: «Урам» зиІэтащ.

Междометиехэр къызэрыкІуэрэ къытепщІыкІауэ зэхагъэкІ. Иужьрейхэм хабжэ, псалъэм папщІэ, гъуэгу махуэ, узыншэу, фІыкІэ, афэрым псалъэхэр. Ауэ девгъэплъыт ахэр Адыгэ псалъалъэм (1999) зэрыкІуа щІыкІэм: афэрым – пометэ лъэпкъ иІэкъым, гъуэгу махуэ – фразеологизмэхэм яхэтщ («гъуэгу» псалъэм), узыншэу – наречиеу фІэкІа къэхьакъым, фІыкІэ – пометэ иІэкъым. НэхъыфІ дыдэу нобэкІэ дыбж псалъалъэм Іуэхур абы щытеткІэ, адрей псалъалъэхэм я гугъу умыщІми хъунущ. Мы псалъалъэм нэхъ къызэщІиубыдащ междометие къызэрыгуэкІ жыхуэтІэхэр. ЗэрызыпащІыж псалъэхэм ящыщу закъуэтІакъуэххэщ мыбы итыр, ахэми пометэ е яІэххэкъым, е «междометие» пометэ етащ. Еплъ: тІаркъ-тІаркъ межд., тІаркъэ-шыркъэ межд. Іыхь межд...²³.

3. Псальэ зэхэльхэр

Псалъэ зэхэлъхэм я Іуэхур псалъалъэхэм зыщытетым и гугъу мащІэу нэхъапэІуэкІэ тщІащ. ЖытІащ 1999 гъэм къыдэкІа Адыгэбзэ псалъалъэм абыкІэ ефІакІуэныгъэ зэрыщыплъагъур — мыбы зэпыту ятххэм къадэкІуэу ихуащ зэпыхауэ ятх псалъэ зэхэлъхэри — мэз джэд, губгъуэ бжэн, къурш ажэ, н.къ. Ауэ нэхъ гупсэхуу къытеувыІапхъэщ псалъэ зэхэлъ жыхуаІэм и гъунапкъэхэр зэхэгъэкІыным. Мыр адыгэбзэм имызакъуэу бзэ куэдым я дежкІэ нэхъ проблемэ гугъу дыдэхэм ящыщу къонэр нобэми. Адыгэбзэм елэжъхэм Іуэху еплъыкІз зыбжанэ зэтемыхуэу яІэщ мыбыкІэ.

Яковлев Н.Ф., Іэщхьэмаф Д.А. сымэ ятхауэ щытащ адыгэ псалъэ зэхэлъым и гъунапкъэр ирибубзыху хъуну щыІэ Іэмал закъуэр ударенэр арауэ . Зы ударенэм къызэщІиубыдэ гъунапкъэр зы псалъэу ягъэувырт абыхэм. Ауэ адыгэ ударенэм и нэщэнэу щытщ абы бзэм и къэхъугъэ зэмыщхьхэр къызэщІиубыдэу зэрыщытыр: унэщІэр, иужьрей унэр, унэ хужь кІыхьыр, н.къ. Мы къэтхьа щапхъищми ударенэ зырызщ яІэр, ауэ абыхэм ящыщ зыри бгъакІуэ хъунукъым «псалъэ зэхэлъ» категорием. Мыбдеж ударенэм къызэщІиубыдэр лексическэ единицэхэрщ, грамматикэ и лъэныкъуэкІэ ахэр зыуэ зэригъэубыдыркъым.

ЗекІуэхъу У.С. жеІэр псалъэ зэхэлъыр зы ударенэмрэ зы грамматическэ фащэмрэ къызэщІаубыдэу. Щапхъэу мыр къехъ: ∂ жэнэ фыжь (ω) р, ∂ жэнэ, фыжьым, ∂ жэнэ фыжьымк (ω) р, (ω) р,

Абрэдж А.Н. унэшхуэ, унэ ин щапхъитІыр зэрегъапщэри япэр псалъэ зэхэлъу, етІуанэр псалъэ зэпхауэ егъэув. ЩапхъитІми зы ударенэ яІэ пэтми, зы грамматическэ формэм къызэщІиубыдэми, япэр зэпыту ятхри псалъэ зэхэлъщ, етІуанэр зэпыхащи псалъэ зэпхащ. Зэрытлъагъущи критерий нэхъыщхьэу

Абрэджым къищтэр орфографиерщ (пэжырытхэрщ)²⁷. Гъук Ізмыхъу І.М. къелъытэ псалъэ зэхэлъым и гъунапкъэр ирибгъэтэмэмыну щы Іэр семантикэ къудейр арауэ. Комплексым и Іыхьэхэр (компонентхэр) я щхьэ хущытыжу къэнамэ, комплексым и мыхьэнэри абы и Іыхьэхэм я мыхьэнэхэри зэхэплъхьа нэужь зэрыхъур арамэ, ар псалъэ зэпхащ, фонетикэ и лъэныкъуэк Із эзхэжыхьауэ щытми. Апхуэдэ псалъэ зэпхам и Іыхьэхэр псалъэухам пкъыгъуэ щхьэхуэу хоувэхэр. Ауэ компонентхэр я мыхьэнэк Із зэхэшыпсыхьу псалъэщ Із мыхьэнэщ Із и Ізу къагъэхъуамэ, а мыхьэнэр Іыхьэхэм я мыхьэнэр зэхэплъхьа нэужь къыщ Ізк Іым хуэмыдэмэ, ар псалъэ зэхэльщ. Мыпхуэдэм и Іыхьэхэр псалъэухам пкъыгъуэ щхьэхуэурэ хэуэвэркъым, комплексыр зэрыщыту псалъэухам и зы пкъыгъуэ мэхъу²⁸.

ДауикІ, лексическэ мыхьэнэр къомыльытэу хъунукъым псалъэ зэхэлъыр щыбубзыхукІэ, ауэ а зы нэщэнэмкІи Іуэхур зэфІэкІыркъым.

Псалъэ зэхэлъым и проблемэм и лъэныкъуэ псори къызэщІиубыдэу елэжьар Къумахуэ Мухьэдинщ (еплъ: Морфология адыгских языков. Нальчик, 1963). «Адыгэбзэхэм псалъэхэр щызэхыхьэурэ къохъу лексическэ единицэу щыт псалъэ зэхэлъхэри, синтаксическэ единицэу щыт цІэ комплексхэри» – жеІэр Къумахуэм, икІи зэпыту е зэпыхауэ тхыным а зи гугъу тщІа единицэхэр зэщхьэщыгъэкІыныр йупх зэрымыхъунур къегъэлъагъуэ.

ЦІэ комплекс жыхуаІэм (е атрибутивнэ псалъэ зэпха) и семантико-морфологическэ гъэщІэгъуэнагъхэм я гугъу щІыпхъэщ щхьэхуэу. Мыхэр зэхэтщ щыІэцІитІу, япэм определенэ къалэн игъэзащІзу, ауэ щыІэцІэм къытекІыу формэ гуэри имыгъуэту: ПэщІэдзэ еджапІэ, гъущІ гъуэльыпІэ. Грамматикэ и лъэныкъуэкІз зы формэу зэроубыд мыпхуэдэхэр, абы къыхэкІкІэ «цельнооформленные атрибутивные словосочетания» жаІэр. Мыбы зы ударенэщ яІэр, зы фонетическэ псалъэм ещхьущ зэрызахъуэжыр: префиксхэр япэм къоувэ, суффиксхэр я кІэм поувэр, н.ж. я структурэкІэ зэкІэщІэпч мыхъуу зэхэжыхьащ. Мис а нэщэнэр аращ лексикографхэм тегъэщІапІэ ящІыр, мыпхуэдэхэр псалъэ зэхэлъу щыжаІэм деж. Еплъ иджыри: жьы щхьэл, мыхъур Іэльын, мывэ фІамыщІ. Ауэ псоми къызэдащта Іуэхугъуэкъым мыр.

Къэтхьа щапхьэхэр зэрызэхэт псальэхэр я семантикэк нижьэн ицхьэхуэ- пцы мэхьу, ауэ компонент дэтхэнэми шхьэхуэу езым и мыхьэнэ и и имыхьэнэ и имыхьэнэ и гуры налуэдэу шызэхэтым деж. Мыбдеж компонентит им я мыхьэнэр зы гуры налуэу къоув. В.З. Панфиловым же нальэм и семантическэ цельность жыхуа нализ шыпш к зы льэныкъуэк псальэм и мыхьэнэмрэ адрей льэныкъуэм гуры нализ шыпш к зы льэныкъуэк псальэм и мыхьэнэмрэ адрей льэныкъуэм гуры нализ зэхэльым деж псальэ зэрызыхэт къэс я мыхьэнэр я нальэ зэрызыхэт къэс я лексическэ мыхьэнэм къыдэк уру дэтхэнэми гуры нальэм и нальэм и нальэм кыр к уру дэтхэнэми гуры нальэм и нальэм хэт «пэш на зэрызыхэт къэс я лексическэ мыхьэнэм къыдэк уру дэтхэнэми гуры нальэм хэт «мыхьэнэм кыр зэры псальэми, «жы шхьэлым» хэт «жы» псальэми логическэ ударенэ я нажкым, гуры нальэ зэхыхьар зэрышытуш.

А щапхьэхэм яхэбгъэзэрыхь хъунукъым *хъыджэбз пэш, щІымахуэ жэщ, къалэ парк* жыхуэтІэхэм хуэдэхэр. Мыхэри атрибутивнэ къэхъугъэхэщ, н.ж. зы щыІэцІэм адрейр игъэбелджылыжу аращ, ауэ мыхэр структурэкІэ зыуэ зэхэжыхьауэ щыткъым. Абы и щыхьэту урикъунущ мы зыр: еигъэ аффикскІэ зупх мэхъу мыпхуэдэ псалъэ зэгъусэхэр: *хъыджэбз пэш — хъыджэбз и пэш, щІымахуэ жэщ — щІымахуэм и жэщ, къалэ парк — къалэм и парк*. Абы нэмыщІкІэ мыпхуэдэ псалъэ зэгъусэхэм я кум нэгъуэщІ псалъэхэри къыдоувэф: *хъыджэбз дахэм и пэш, щІымахуэ щІыІэм и жэщ, къалэ цІыкІум и парк,* н.ж. определенэу мыбы къыщыкІуэм езым и определенэ иІэжынкІэ хъунущ. А псом я щІыІужкІэ, псалъэ хэувэхэм егъэлеиныгъэ степени яІэфынущ: *хъыджэбз нэхъ дахэм и унэ, къалэ нэхъ гъунэгъум и парк,* н.къ. А псом къагъэлъагъуэ грамматикэ и лъэныкъуэкІэ мыпхуэдэхэр зы структурэу зэрызэхэмыжыхьар, апхуэдэ гъуэгум ахэр тет пэтми.

Зэрытльагъущи, псалъэ зэхэльымрэ псалъэ зэпхамрэ зэрызэхэбгъэкІ хъун Іэмалхэр щыІэщ, ауэ къыжыІапхъэщ а ІэмалхэмкІэ иджыри ди лексикэр убзыхуа зэрымыхъуар, абы къыхэкІкІи псалъэ зэхэльхэм я нэхьыбапІэр ди псалъалъэхэм имыхуауэ къызэрынэр. ИщхьэмкІи зэрыщыжытІащи, иужьрей зэманхэм къэсыху псальалъэм ирагъэувэу къекІуэкІар пэжырытхэ хабзэхэмкІэ зыуэ ятх псальэхэр аращ. Абыхэм къадэщІыгъуу псалъалъэхэм мымащІэу кІуэрт зэпыту ятх псальэ зэгъусэ Іэджи: унэщІэ, машинэжь, шэнтитху с.ху., мыхэр псалъэ лъэпкъыгъуэ зэмыщхьу (щыІэцІэрэ плъыфэцІэу, щыІэцІэрэ бжыгъэцІзу) зэрызэхэтми гу лъамыту (е къафІэмыІуэхуу). Абы щыгъуэми зэпыхауэ ятх псалъэ зэхэльхэр псалъалъэм е ихуэххэртэкъым, е фразеологизмхэм ящІыгъуу ◊ (ромб) дамыгъэм деж къыщахьырт.

Нэхъ тэмэму мы Іуэхур щыгъэувар Адыгэбзэ псалъалъэрщ (1999). Мыбы ахэр нэхъыбэу щызэхуэхьэса щыхъуащ, фразеологизмхэм яхэмытуи, щхьэхуэу къэхьахэщ. Ауэ мыбыи псалъэ зэхэлъу хъуар жыжьэрэ гъунэгъуу псори иратхакъым, итІанэ ахэр адрей псалъэ къызэрыкІуэхэр къызэрыщыпа зэрыбым хуэдэкІэ къамыщыпу нэхъ хьэрф жыгъейхэмкІэ къащыпащ, н.ж. мыбдеж дыдэми псалъэ зэхэлъхэр щыхуагъэдакъым адрей псалъэхэм³⁰.

ТЕГЪЭЩІАПІЭХЭР

- 1. *Кумахов М.А.* Рецензия: Кабардинско-русский словарь // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1959. Т. XIV.
  - 2. Адыгэбзэ псалъалъэ. М.-Дигора, 1999. Н. 513.
  - 3. Ардыдэм. Н. 650.
  - 4. Ардыдэм. Н. 19.
- 5. *ХьатІэнэ А.А., КІэращэ З.И.* Адыгабзэм изэхэф гущыІалъ. Мыекъуапэ, 1960. H. XII.
  - 6. Ардыдэм. Н. XII.
  - 7. Еплъ: Къумахуэ М. и лэжьыгъэ ищхьэкІэ къэдгъэлъэгъуахэм.
- 8. *ХьатІэнэ А.А.*, *КІэращэ З.И*. Адыгабзэм изэхэф гущыІаль. Мыекъуапэ, 1960. Н. 54.
  - 9. Ардыдэм. Н. 201.
  - 10. Адыгэбзэ псальальэ. М.-Дигора, 1999. Н. 350, 70.
  - 11. Ардыдэм. Н. 110.
  - 12. Ардыдэм. Н. 698-699.
  - 13. Ардыдэм. Н. 93.
  - 14. Ардыдэм. Н. 85.
  - 15. Ардыдэм. Н. 361, 350.
  - 16. Ардыдэм. Н. 519.
  - 17. Ардыдэм. Н. 21, 314.
  - 18. Кабардинско-русский словарь. М., 1957. С. 333.
  - 19. Адыгэбзэ псалъалъэ. М.–Дигора, 1999. Н. 611.
  - 20. Ардыдэм. Н. 214.
  - 21. Шаов А.А. Основы адыгской лексикографии. Майкоп, 1988. С. 123.
- 22. Еплъ: *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л., 1941; *Рогава Г.В., Керашева З.И.* Грамматика адыгейского языка. Краснодар–Майкоп, 1966. С. 297–313.
  - 23. Адыгэбзэ псалъалъэ. М.-Дигора, 1999. Н. 642, 837.
- 24. Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.Ā. Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л., 1941. С. 412.
  - 25. Зекох У.С. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, 1969. С. 132.
  - 26. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. М., 1963. С. 40.
- 27. *Абрегов А.Н.* О связи сложных слов и словосочестаний в адыгейском языке // Ученые записки Адыгейского НИИ. Майкоп, 1974. Т. XIX. С. 170.

- 28. *Гукемух А.М.* Об отдельности слова в кабардино-черкесском языке в связи с лексикографией // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Черкесск, 1965. Вып. IV. С. 37.
- 29. Панфилов В.З. Об определении понятия слова // Морфологическая структура слова в разных языках. М.–Л., 1963. С. 140.
  - 30. Адыгэбзэ псалъалъэ. М.–Дигора, 1999. Н. 9–10.

Bizhoyev B.Ch.

ON THE PROBLEM OF NATIONAL DICTIONARY GLOSSING

The article considers a number of topical issues connected with covering and presentation form of all words (simple and difficult) in entries in the process of drawing up Adyghe (Adygey and Kabardino-Circassian) dictionaries.

Keywords: lexis, vocabulary, a compound word, notional and functional parts of speech, explanatory dictionary, interlingual dictionaries, word-formation prefixes and suffixes.

Ж.М. Гузеев

О ПРИЧИНАХ И СТЕПЕНИ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается проблема лексикализации падежных форм в тюркских языках. Автор обосновывает, что причиной лексикализации являются семантико-морфологические, а не семантико-синтаксические признаки, как это принято считать в тюркологии. Выявляются различные степени лексикализации падежных форм.

Ключевые слова: лексикализация, пространственные падежи, синтаксическая позиция, синкретичность, окказиональное значение, косвенный субъект.

Причины лексикализации падежных форм в *торкских языках* исследователи объясняют по-разному. Например, Э.В. Севортян утверждает: «Все они представляют собой функциональные формы с обстоятельственным значением, в дальнейшем обособившиеся и позже перешедшие в состав новой части речи – наречия... Совершенно очевидно, что наши формы исторически представляют собой случаи функционального использования падежей. Лишь в дальнейшем они вливаются во вновь образующуюся часть речи – наречие, поскольку первоначальное функциональное значение этих грамматических форм, ослабившись и исчезнув, уступило место развившемуся отсюда значению наречия»¹. Следовательно, он считает, что все наречия, имеющие аффиксы пространственных падежей, образованы в период зарождения и формирования наречий как частей речи, т.е. в то же время, когда появились корневые наречия (*аз* «мало», *кёп* «много», *бек* «очень», *эртте* (кумык. *эрте*) «рано» и т.п.), и усматривает в них остаточное явление, не имеющее отношения к современному словообразованию.

Однако трудно согласиться с этим. Дело в том, что абсолютное большинство падежных форм, выступающих ныне как наречия и несовместимые с системой реальных падежей, судя по материалам не только исследуемого, но и других тюркских языков, относятся к сравнительно позднему периоду развития тюркских языков. Об этом свидетельствуют следующие факты: 1) их производящие основы не синкретичные корневые морфемы (типа карач.-балк., кумык. аз / азмакъ «худеть» и аз «мало», кёп / гёппек «опухать» и кёп «много»), а наречия типа ёрге + де «наверху, бурун + дан «исстари» и др., которые, как правило, не допускают падежного оформления, и образованы, следовательно, в тот период, когда наречия уже сложились как самостоятельная часть речи, о чём свидетельствуют самые ранние письменные памятники тюркских языков²; 2) тюркские языки, в том числе и близкие друг к другу, не совпадают по составу сходных наречий. Например, в кумыкском и караимском языках нет карачаево-балкарских алгъадан «сначала», кенгде «вдали», в татарском – башкирского котмэстен «неожиданно», в казахском – киргизского бекерге «напрасно», в киргизском – казахского ертенге «наутро».

Во-вторых, если образование наречий путём лексикализации падежных форм — явление остаточное, то количество таких наречий должно было убывать. Однако в действительности их становится всё больше и больше. Например, в карачаево-балкарском и кумыкском языках наречия кёнделенине «поперёк, наискось», къынгырына, терсине «криво, вкривь», бошуна «напрасно», «безуспешно», кумык. къаршысына «вразрез» и многие другие образованы значительно позже наречий тышына «наружу», узунуна «вдоль» по образцу последних.

В-третьих, подавляющее большинство наречий, образованных путём лексикализации форм пространственных падежей, ни по количеству, ни по своему составу не совпадает. Например, судя по данным словарей, в татарском и башкирском их значительно больше, чем в других тюркских языках, в карачаево-балкарском — чем в ногайском и караимском, в киргизском — чем в казахском и каракалпакском. В карачаево-балкарском языке наречий на -ына/-ине больше, чем на другие падежные аффиксы, в башкирском таким является аффикс -мастан / -мэстэн, в киргизском -тан / -тен, в кумыкском -дан / -ден, в ногайском -ге(-ке), ~ка и т.п.

Отличное от Э.В. Севортяна, и, на наш взгляд, более приемлемое объяснение наречий, образованных путём лексикализации падежных форм, предлагал Н.К. Дмитриев, которое впоследствии получило среди тюркологов широкую поддержку. Он писал: «При каком-нибудь существительном имеется полная схема падежей, и каждый из них употребляется именно как форма изменения этого существительного. И вот в силу специальных причин (обычно семантико-синтаксических) один из падежей принимает особое значение, лишь отдельно связанное с корнем основного слова, и этим самым как бы отрывается от целой схемы, изолируясь от неё. В результате получается новое слово, только этимологически связанное с основным существительным»³.

В данном объяснении образования наречий от парадигм в результате их лексикализации не раскрытой остаётся роль «семантико-синтаксических» причин в этом процессе. Непонятно: если форма слова до её лексикализации бытует как парадигма, то в силу каких «семантико-синтаксических» особенностей её употребления она преобразуется в наречие. Возможно, здесь имеется в виду изменение синтаксической функции данной грамматической формы в отдельности (её употребление в роли обстоятельства)? Но ведь она в определённом своём значении закреплена за той или иной синтаксической позицией, и данная функция не ослаблена. Следовательно, под лексико-семантическим своеобразием формы остаётся понимать её лексическое окружение – лексическую сочетаемость, которая иногда действительно способствует изменению значения формы. Сравним, например, следующие словосочетания: 1) чалгъыгьа къара «ухаживать за косой», «смотреть на косу» и 2) чалгъыгьа чыкъ «выйти на сенокос». В первом случае форма чалгъыгъа (дат.пад.) употреблена в своём обычном (грамматическом) значении, а во втором та же форма имеет синтагматически обусловленное частное значение, которое исчезает с устранением данного единичного управляющего глагола, и форма воспринимается в своём обычном значении. Подобные окказиональные, лексико-семантически обусловленные значения могут перерастать в одно из частных значений производящей основы формы (ср. чалгъы башланды «начался сенокос» и чалгъы сынды «коса сломалась»), но не могут изменить её назначение, а тем более – категориальную принадлежность к имени существительному.

Рассматривая лексикализацию падежных форм, А.Н. Кононов высказал двоякое суждение. С одной стороны, разделяя мнение Н.К. Дмитриева, он считал, что в результате лексико-семантических особенностей употребления падежная форма изолируется от всей парадигмы данного словоизменения и приобретает наречное значение, с другой — утверждал, что пространственные падежи изолируются и переходят в разряд наречий «в силу своего грамматического значения»⁴.

В этих высказываниях, как и в высказываниях Э.В. Севортяна и Н.К. Дмитриева, нет объяснения истинной причины изоляции падежных форм.

С нашей точки зрения, причина изоляции форм пространственных падежей кроется в том, что обстоятельственное значение их, по которому они функционально соприкасаются с наречиями и на базе которого возникают изолированные их формы, в известной мере находится в зависимости от характера лексического значения конкретных именных основ, взаимодействующего с обстоятельственным значением падежа в двух разных началах: 1) организованно и 2) индивидуально. Ср. карач.-балк., например: 1) локальное значение местного падежа,

которое регулярно лишь при названиях строго определённого семантического профиля – пространства (*орамда* «на улице»), населённых пунктов (*элде* (кумык. юртда) «в селе»), помещения (отоуда (кумык. уьйде) «в комнате»), общественных организаций, предприятий и учреждений (совхозда «в совхозе», заводда «на заводе», *школда* (кумык. *школада*) «в школе»), вместилища (хуржунда (кумык. киседе) «в кармане», шешада (кумык. шишада) «в бутылке») и т.п.; значение хронологических границ, которое характерно для местного падежа лишь при названиях времени, обычно имеющих своё количественное определение (он жылда (кумык. йылда) «в течение десяти лет», беш кюнде (кумык. гюнде) «в течение пяти дней»), где обстоятельственное значение возникает как типовое грамматическое значение данной формы, хотя оно и согласовано с характером лексического значения имён; 2) разрозненные формы типа карач.-балк. бирге «вместе, совместно» (бир «один»), кючден «еле, насилу» (кюч «сила»), алда «вначале» (ал «перед, передняя часть, сторона»), где в отличие от предыдущего случая значение падежа, имеющее с ним хотя и отдалённую, но явственную связь, входит в частные отношения с лексическим и категориальным значением основы, заслоняя её прежнее значение и категориальную принадлежность и тем самым действительно отрывая данную форму от её истоков: Ала барысы да бирге бу затха ыразылыкъларын билдирдиле (Гуртуланы Б.) «Все они выразили своё одобрение этого дела»; Жаш аякъ юсюнде <u>кючден</u> сюеледи, тили да бюлдюргю этеди (Шауаланы X.) «Парень еле держится на ногах, язык его заплетается»; Бары да бошуна гетди (KPC) «Всё пошло насмарку».

В первом случае падеж остаётся самим собой, хотя данное значение и ограничено лексически: обстоятельственные значения пространственных падежей, хотя они и возникают благодаря определённой лексической сочетаемости формы, не затрагивают ни лексического, ни категориального значения основы, от которой образована последняя.

Известно, что противопоставление пространственных падежей друг другу и остальным падежам осуществляется на базе их обстоятельственных значений. Противопоставленность же падежей по выражению обстоятельственных, объектных, определительных и субъектных отношений составляет их грамматическую сущность, отражающую категориальное свойство имени существительного как части речи. Форма падежа в силу этого даже в случаях оптимального сближения своего значения с функцией другой части речи сохраняет исходную категориальную принадлежность существительного, от которого она образована, противостоит изоляции лексикализации, исключая лишь отдельные случаи, в которых прослеживается частная и тесная лексико-семантическая связь между значением падежа и лексической основы. Об этом свидетельствует ясная мотивированность большинства лексикализованных форм пространственных падежей их грамматическим значением: ср. карач.-балк. онгнга «направо» (онг «правый»), артха «назад» (арт «зад, задняя часть, сторона»), жайда «летом» (жай «лето»), ёргеде «наверху» (ёрге «вверх, наверх»), анда «там» (ол «тот»), эрттенликде «утром» (эрттенлик «утро»), кумык. узакъгъа «надолго» (узакъ «дальний, далёкий, долгий», «далеко, долго»), алгьа «вперёд» (ал «передняя часть, сторона»), ачлыкъда «впроголодь» (ачлыкъ «голод», онгдан «справа» (онг «правый»), къышда «зимой» (къыш «зима»), тышдан «внешне» (тыш «внешний»), даимге «навечно» (даим «вечно») и др.

Примеры: *Къара рульну онгнга, солгъа бурама* (журн. «Шуёхлукъ») «Чёрный руль вращаю вправо, влево»; *Нек унутхансыз ансы, сизге да заманында айтылгъан эди* (Шауаланы М.) «Не понятно, почемы вы забыли про это, вас ведь тоже предупредили вовремя»; *Колхозлагъа топуракъ даимге берилген* (РКС) «Земля за колхозами закреплена навечно»; *Язда йылан гёрген къышда аркъандан къоркъар* (посл.) «Кто весной увидел змею, тот зимой испугается верёвки».

Указанное явление происходит, на наш взгляд, не на семантико-синтаксическом или лексико-синтаксическом, как считали соответственно Н.К. Дмитриев и А.Н. Кононов, а на семантико (или лексико)- морфологическом уровне. В этом отношении пространственные падежи исключения не составляют. Предназначенные прежде всего для выражения трёх разновидностей косвенного объекта, они взаимодействуют с винительным и основным падежами (выражающими прямой объект и, как и они, управляемыми глаголом), в совокупности с которыми противопоставлены родительному падежу, выражающему не объектные, а определительные отношения, и управляемому, в отличие от них, не глаголом, а именем существительным, а также основному падежу, выражающему главным образом субъектные отношения во всех других значениях находящегося в позиции нейтрализации этого последовательно проводимого, коррелятивного противопоставления.

Собственно обстоятельственные отношения пространственные падежи выражают, как уже указывалось, только в зависимости от характера лексического значения основы словоформы. И то нередко лексикализуются.

Это и естественно-категориальное значение имени существительного как части речи несовместимо с собственно обстоятельственной функцией, лишь отдалённо связанной с функцией косвенного объекта, которую выполняют пространственные падежи (и только они), и которая выделяется последовательно, чётко и структурно.

У падежных форм **степень лексикализации** неодинакова. Выделяются в основном три группы:

1. С точки зрения современного языка неразложимые и употребляемые только в значении наречия: *ары* «туда», *бери* «сюда», *эртте* «рано», «раньше», *огъары* «вверх, наверху», *огъартын* «поверху, верхом, через верх, по верхней дороге», *былайтын* «через это место, по этому месту», *ичгери* (карач.) «внутрь (дома)», *къайры* «куда», *къайда* «где», *учхара* «вскользь», *асыры* «слишком, очень, чересчур», *кери* «прочь», «далеко» и др.

Примеры: <u>Огъартын</u> олтур, <u>тёбентин</u> къоп (погов.) «Садись высоко, вставай низко»; Ол кёбокъ да эрте гелген (РКС) «Он пришёл слишком рано».

2. Разложимые, но употребляемые только в значении наречия: *ёрге* «вверх, наверх», *энишге* (кумык. *тюпе, тёбенге*) «вниз», *алгъа* «вперёд», *артха* (кумык. *артгъа*) «назад», *тохтамаздан* «беспрестанно», *таймаздан* «регулярно, постоянно, неуклонно», *къайтмаздан* «безвозвратно, насовсем, навсегда, окончательно», *алгъадан* «давно, издавна», «заранее, заблаговременно», *артдагъа* «впрок, про запас», «напоследок», *энишгеде* «внизу», *ёргеден* «сверху», *артдада* «потом», *хапарсыздан*, *къапултундан* (кумык.) «внезапно» и др.

Примеры: <u>Ерге</u> тюкюреме да – мыйыгъыма, энишге тюкюреме да – сакъалыма (погов.) «Вверх плюну – в свои усы, вниз плюну – в свою бороду»; <u>Хапарсыздан</u> боран гётерилип гетди (РКС) «Внезапно поднялась метель».

3. Употребляемые в значении падежа и наречия: бирден «от одного» и «вместе, одновременно», «оптом», кючден «еле-еле, насилу», гючден (кумык.) «насильно», кенгине (кумык. генгине), энине «ширине» и «вширь», узунуна «длине» и «вдоль», кёпге «многому» и «надолго», заманында «в его время» и «вовремя», жангыдан (кумык. янгыдан) «от нового» и «снова, опять, повторно», эссизликден «по несообразительности», къоркъакълыкьдан «от трусости» и «по трусости» и др.

Примеры на употребление падежных форм в значении наречия: *къумачны узунуна, энине гесмек* (РКС) «разрезать материю вдоль»; *Гючден салгъан гёзню нюрю болмас* (посл.) «Насильно мил не будешь»; *Кёпге тёзген азгъа да тёзер* (погов.) «Кто долго терпел, тот вытерпит до конца».

Анализ словарей исследуемого языка показывает, что по степени лексикализации формы пространственных падежей имён прилагательных и существительных значительно преобладают над этими же формами местоимений и числительных, а

из самих форм данных падежей — форма местного падежа над формами дательнонаправительного и исходного падежей. Из наречий, образованных от форм пространственных падежей, обстоятельственные обладают большей степенью лексикализации, чем местоимённые, а среди обстоятельственных — наречия места и времени, чем причины и цели.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Севортян Э.В. Словообразование в тюркских языках // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956. Ч. 2.
- 2. Абсалямов 3.3. Наречие // Грамматика современного башкирского литературного языка. М., 1981.
  - 3. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.–Л., 1948.
- 4. *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. М.–Л., 1960.

Условные сокращения

КРС – Кумыкско-русский словарь. М., 1963.

РКС – Русско-кумыкский словарь. Махачкала, 1997.

Zh.M. Guzeev

ABOUT THE REASONS AND DEGREE OF CASE FORMS' LEXICALIZATION IN TURKIC LANGUAGES

The problem of case forms' lexicalization in Turkic languages is considered. The author proves that the reasons of lexicalization are rather semantic-morphological than semantico-syntactical as it is considered to be in a general study of Turkic languages. Various degrees of case forms' lexicalization are revealed.

Keywords: lexicalization, spatial cases, syntactic position, syncretism, occasional value, indirect subject.

Ф.Н. Гукетлова, Э.Т. Кумыкова (Гучапшева)

ЗООМОРФИЗМЫ КАК КОГНИТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

(на материале кабардино-черкесского, французского и русского языков)

В статье рассматриваются проблемы национальной специфики выбора образного средства, как особого вида номинативной стратегии для вербализации характерологических свойств человека. Анализ проводится на материале зооморфизмов трех разноструктурных языков.

Ключевые слова: культурный код, универсальный код, мировосприятие, дескриптивная номинация, бихевиористский знак, зооморфизм, система символов, стереотипов, образов.

Настоящая статья является продолжением ряда авторских публикаций, направленных на изучение зооморфизмов в разноструктурных языках.

В основу ассоциативных связей между поведением человека и животного легли наблюдения людей, осмысливающие различные способы действия, подчёркивающие поведение, поступки человека и их отношения. Союз как в процессе общения актуализирует информацию о действительности. Выражение онтологических знаний исходной единицы реализуется в истинности как сравнение (в данном случае — сравнение с животным). Опираясь на общеизвестность некого признака, выстраиваются отношения между объектом и средством сравнения. Однако не всегда понятно, на каких отношениях строится образное сравнение зоонима — на отношениях уподобления или на отношениях приравнивания. Главная трудность сравнительного подхода к проблеме метафоры состоит в том, что само подобие или сравнение часто может быть определено только на основе коннотаций, возбуждаемых в лексическом значении в определенном окружении. Структурной моделью зооморфных сравнительных оборотов, передающих способ действия, во всех трех языках является модель verbum + comme (фр.) – хуэдэу (каб.-черк.) – как (рус.) + substantiv.

Значение «носится как безумный» передается с помощью идиом, включающих различные зоонимы:

фр.: *aller (courir) comme un chat maigre* (букв.: идти (бежать) как тощий кот); каб.-черк.: *шыкІэм мафІэ егъэуауэ* (букв.: как лошадь с подпалённым хвостом); рус.: *носится как угорелая кошка*.

Значение «нелепый вид» передается с помощью идиом, также включающих разные зоонимы:

фр.: aller comme un pardessus à un canard (букв.: идёт как плащ утке), aller comme un tablier à une vache (букв.: идёт как фартук корове); каб.-черк.: танэ бгырыпх иДэпха хуэдэ (букв.: как телёнок, подпоясанный ремнём), вым уанэ тель хуэдэ (букв.: как седло на быке); рус.: как корове седло, как собаке ермолка.

Анализ сравнительных конструкций, передающих способ действия, показывает, что в сопоставляемых языковых картинах мира содержатся одинаковые знания об одних и тех же сторонах действительности. Это проявляется в существовании межьязыковых параллельных структурно-семантических эквивалентов, совпадающих по всем компонентам, таких, как s'entendre (vivre, s'accorder, être) comme

un chien et un chat (фр.) – хьэмрэ джэдумрэ хуэдэщ (каб.-черк.) – ладить, (жить, быть) как кошка с собакой (рус.); nager comme poisson (фр.) – бдзэжьейм хуэдэу псым есын (каб.-черк.) – плавать как рыба (рус.); tomber comme des mouches (фр.) – бадзэм хуэдэу зэтолІэ (каб.-черк.) – мрут как мухи (рус.); travailler comme un boeuf (фр.) – вым хуэдэу лэжьэн (каб.-черк.) – работать как вол (рус.). Такие совпадения сравнительных оборотов обусловлены, очевидно, сходством восприятия и переосмысления действительности французами, кабардинцами и русскими.

Сходство в видении мира может быть обнаружено на более обобщённо-глубинном уровне семантики при неполном совпадении плана выражения сравнительной конструкции, передающей способ действия. При этом межъязыковые структурно-семантические эквиваленты сравнительных конструкций при общей сходности значений допускают лексические, семантические различия, различия во внутренней форме:

- bavarder (babiller, jaser, jacasser) comme un merle (фр.) (букв.: болтать (трещать) как дрозд); къанжэм хуэдэу мэкlакlэ (каб.-черк.) (букв.: стрекочет как сорока); трещать как сорока (рус.);
- vivre comme un ours (фр.) (букв.: жить как медведь); дыгъэмыхъуэ дыгъужь (каб.-черк.) (букв.: волк, обитающий на теневой стороне); жить бирюком (рус.);
- vivre comme une taupe (фр.) (букв.: жить как крот); *щІыІуб нэфым хуэдэу щІэсын* (каб.-черк.) (букв.: сидеть у себя как слепой крот); *жить бирюком* (рус.);
- manger comme un boeuf (фр.) (букв.: ест как вол); мацІэм хуэдэу шхэн (каб.-черк.) (букв.: ест как саранча); ест как волк (рус.).

Как показывает анализ, лексические различия не нарушают семантической эквивалентности сравнительных оборотов.

Следует отметить ряд примеров, в которых обнаруживаются совпадения двух языков на уровне семантики при неполном совпадении плана выражения, но не обнаруживается аналогия в третьем из сравниваемых языков:

- être heureux (se débrouiller) comme un poisson dans l'eau (фр.) (букв.: быть счастливым, как рыба в воде) как рыба в воде (рус.) чувствовать себя совершенно свободно в кабардино-черкесском языке сравнение не выявлено;
- faire comme les perdrix (фр.) (букв.: делать как куропатки) джэдум и бзаджэу щІэхьумэжын (каб.-черк.) (букв.: как кошка, которая зарывает свой помёт) завуалировать (скрыть) ошибку в русском языке сравнение не выявлено;
- recevoir qn comme un chien dans un jeu de quilles (фр.) (букв.: принимать кого-либо как собаку в игре с кием) xьэм nэмыщIын (каб.-черк.) (букв.: не ровнять с собакой) xыв xьэ eбэнaуэ κ ъриa3aкъым (каб.-черк.) (букв.: воспринимать как буйвол собаку) принимать плохо кого-либо, ни во что не ставить, относиться безразлично в русском языке сравнение не выявлено, но существует коррелят: встретить кого-либо в штыки;
- rester (être) muet comme une carpe (фр.) (букв.: остаться (быть) немым как карп) нем как рыба (рус.) молчать, быть молчаливым в кабардино-черкесском языке сравнение не выявлено, но существуют корреляты: 1) в кабардино-черкесском языке уи жьэм къурт жьэдэль? (букв.: у тебя во рту курт?) почему молчишь? («курт» мука из поджаренной кукурузы, проса или ячменя); 2) в русском языке как в рот воды набрал;
- tourner comme un écureuil en cage (фр.) (букв.: крутиться как белка в клет-ке) крутиться (вертеться) как белка в колесе (рус.) все время двигаться, не сидеть на месте, иметь много забот в кабардино-черкесском языке сравнение не выявлено.

Сравнительные конструкции verbum + comme (фр.) — $xy > \partial y$ (каб. - черк.) — $\kappa a \kappa$ (рус.) + substantiv, не имеющие параллелей в сопоставляемых лингвокультурах:

– фр.: arriver comme un chien dans un jeu de quilles (букв.: прийти как собака в игру с кием) – прийти не вовремя, некстати; bâiller comme carpe (une huître) (букв.:

зевать как карп (как устрица)) — зевать широко, некрасиво; bicher comme un pou (букв.: скакать как вошь) — радоваться, ликовать; être là comme rat en paille (букв.: быть как крыса в соломе) — жить припеваючи; se tordre comme une baleine (букв.: кривляться как кит) — несдержанно смеяться; être connu comme le loup blanc (gris) (букв.: быть известным как белый (серый) волк) — быть известным;

- каб.-черк.: хьэм пэмыщІын (букв.: даже с собакой рядом не ставят) ни во что не ставить; мацІэ лІа (дия) хуэдэу (букв.: как мертвая (замерзшая, застывшая) саранча) очень медлительный человек, делающий все без желания; къущхьэхъу мэлу тхъэн (букв.: благоденствовать как овца на горных пастбищах) жить припеваючи; жэм къуэлэным хуэдэу къыхощ (букв.: выделяется, как пестрая корова) известный человек, который на виду; мэл гъатхэм хуэдэу ягъашхэ (букв.: откармливают, как весеннюю овцу (на убой)) живет очень хорошо, в достатке; хьэ щтауэ щІэпхъуэн (букв.: побежать, как испуганная собака) бежать очень быстро; хывым еса жэмыжь (букв.: словно корова, привыкшая к буйволу) быть очень медлительным; уи хьэм бажэ къиубыда (букв.: твоя собака поймала лису?) ликовать, радоваться;
- рус.: накинулся как бешеный, как пёс с цепи сорвался; как баран на новые ворота (смотреть); истекать кровью как раненый зверь; быть задиристым, как петух, быть задирой, петушиться; вставать с пением петуха вставать ни свет ни заря, очень рано вставать; жаворонок человек, встающий рано; сова человек, который поздно ложится и поздно встает; петь как соловей петь красиво; работать как ломовая (загнанная) лошадь работать на износ; спокойный как удав быть чрезмерно спокойным, безразличным; реветь белугой громко, без остановки непрерывно плакать; неуклюжий как медведь неповоротливый, неловкий; как амеба аморфный, инертный.

Приведенный материал свидетельствует о различной концептуализации мира и выявляет национально-специфическое видение мира.

Таким же образом были рассмотрены устойчивые обороты со структурой *adjectiv* + фр. *comme* + каб.-черк. $xy \ni \partial y$ + рус. $\kappa a \kappa$ + substantiv, передающие способ существования и состояния в сопоставляемых языках: *agile comme un cerf* (фр.) (букв.: проворный как олень); *бланэм хуэдэу жэрщ* (каб.-черк.) (букв.: быстрый как олень); *быстрая как лань* (рус.);

bavard comme un pie (фр.) (букв.: болтливый как сорока) — къанжэм хуэдэу мэкlакlэ (каб.-черк.) (букв.: трещит как сорока) — болтливый как сорока (трещотка), заливается соловьём (рус.) — говорить много, но красноречиво, с увлечением, очень болтливый.

Сравнительные конструкции *adjectiv* + фр. *comme* + каб.-черк. *хуэдэу* + рус. *как* + *substantiv* (зооним), передающие способ существования и состояние, обнаруживают сходные знания об одних и тех же сторонах действительности, что мы наблюдаем в полных межъязыковых структурно-семантических эквивалентах: *туоре comme une taupe* (фр.) – *щы* у нэф хуэдэу (каб.-черк.) – *слепой как крот* (рус.); *hardi comme un lion* (фр.) – *аслъэным хуэдэу хахуэ* (каб.-черк.) – *смелый как лев* (рус.); *coléreux comme un dindon* (фр.) (букв.: сердитый (злой) как индюк) – *гу-эгушыхъум хуэдэу зигъэцыджащ* (каб.-черк.) (букв.: нахохлившийся как индюк) – *надутый как индюк* (рус.); *doux comme un agneau* (фр.) (букв.: нежный (мягкий) послушный как ягнёнок) – *щынэм хуэдэу щабу* (каб.-черк.) (букв.: нежный, мягкий как ягненок) – *смирный* (*кроткий*) *как ягнёнок* (рус.).

Межъязыковые частичные структурно-семантические эквиваленты: plein comme une vache (фр.) (букв.: напившийся как корова) — хьэм (кхъуэм) хуэдэу ефэ (каб.-черк.) (букв.: напившись как собака (свинья)) — нализавшийся как свинья (рус.); malin comme un singe (фр.) (букв.: хитрый как обезьяна) — бажэм хуэдэу бзаджэщ (каб.-черк.) (букв.: хитрый как лис) — хитрый как лис (рус.); méchant comme une teigne (фр.) (букв.: злая как моль) — блэ уэным хуэдэу (каб.-черк.) (букв.:

змея, готовая ужалить) — злая как собака (рус.); chargé comme une mule (фр.) (букв.: нагруженный как мул) — шыдым имыхьыр зи хьэльэ (каб.-черк.) (букв.: тот, кто несёт непосильную ношу даже для осла) — как верблюд (рус.).

Сравнительные конструкции, передающие способ существования и состояния с союзом $\kappa a \kappa$, не имеющие семантических параллелей в сопоставляемых лингво-культурах:

- фр.: triste comme un hibou (букв.: грустный как сова) печальный; sage comme le chat au fromage (букв.: скромный как кот перед сыром) дерзкий; pure comme un oie (букв.: чистый как гусь) наивный, примитивный; paresseux comme un lezard (букв.: ленивый как ящерица) очень ленивый; ignorant comme un carpe (букв.: невежественный как карп) непросвещённый; méchant comme un âne rouge (букв.: злой как красный осёл) очень злой; plat comme une punaise (букв.: плоский как клоп) подобострастный и низкий; orgueilleux comme un pou (букв.: надменный (гордый) как вошь) очень надменный; sale comme un pou (букв.: грязный как вошь) очень грязный; soûl comme un âne (букв.: пьяный как осёл) абсолютно пьяный; vif comme une potée de souris (букв.: живой как куча мышей) очень живой;
- каб.-черк.: мацІэ лІа (дия) хуэдэу (букв.: как мёртвая (замершая, застывшая) саранча) медлительная, безынициативная; шыфІым хуэдэу цІэрыІуэу (букв.: знаменитая как славная лошадь) известный, популярный человек; вы / тІы гъэшхам хуэдэу пшэр (букв.: жирный как откормленный бык/баран) очень полный, бессердечный человек; уазэрэ бзууэ гъуа (букв.: высохший / худой как соломинка) очень худой, истощенный человек; хьэм хуэдэу ефа (букв.: напившийся как собака) очень пьяный; хьэндыркъуакъуэжь хуэдэ (букв.: как старая лягушка) безобразный, неприятный человек;
- рус.: как мокрая курица (жалкий человек); любопытная как тетеря; любвеобильный как мартовский кот; блудливая как кошка (кот); глуп как сивый мерин; как учёный осёл (осел); гол как сокол (нищий); красный как рак (стыд, смущение); как сытая пиявка (разбухшая пиявка); как драная кошка (о худой, измождённой женщине); как змея в корсете (худая, злая); как сельдь в корсете (диал.) обычно об очень худой женщине; как вобла (очень худой, высохший человек); вылизанный как кошечка; шустрый, живой как мышь (проворный, юркий); чёрный как ворон (очень черный).

Приведенные примеры репрезентуют знания и опыт, присущие только одному социуму, определяя этноспецифические особенности народа, говорящего на том или ином языке.

В основе сравнительных конструкций с союзом $comme - xy \ni \partial \ni y - kak$, передающих способ существования и состояния, лежат объективированные связи, отражаемые в коннотативных признаках, несущих сведения либо об обиходно-практическом опыте данного языкового коллектива, либо о его культурно-историческом знании.

F.N. Guketlova, E.T. Kumykova (Guchapsheva)

ZOOMORPHISM AS A COGNITIVE PROCESS OF A LINGUISTIC WORLD IMAGE FORMATION (based on the Kabardian-Circassian, French and Russian languages)

The paper touches upon the nation-related specificity of choosing expressive means as a special kind of the nominative strategy for verbalisation of human characteristic features. The analysis is based on the material of zoomorphisms in the three languages of different structures.

Keywords: culture code, universal code, world perception, descriptive nomination, behavioural sign, zoomorphism, system of symbols, stereotypes, images.

М.Х. Токмакова

СЛОВО ГУ 'СЕРДЦЕ' В ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Работа посвящена эмотивной лексике кабардино-черкесского языка, а именно участию слова «гу» («сердце») в обозначении и выражении эмоций. В составе фразеологических единиц и сложных слов «гу» обозначает основные фундаментальные эмоции, участвует в полисемантических процессах кабардино-черкесского языка, в сочетании с другими эмотивами конкретизирует и усиливает выражение эмоций.

Ключевые слова: кабардино-черкесский язык, эмотивная лексика, полисемантические процессы, эмотивное выражение, эмотивное описание, идиоматичные сложные слова.

Эмоции выполняют важную роль в жизни человека. Они способны изменять восприятие окружающего мира от светлого к темному, от радостного к грустному и, наоборот. Эмоции, по убеждению известного психолога Изарда К.Е.¹, можно рассматривать не только как основную мотивирующую систему, но и как личностные процессы, придающие смысл и значение человеческому существованию. Пронизывая всю речевую деятельность, эмоциональность закрепляется в семантике слов, образуя эмотивную лексику.

Слово гу, образующее едва ли не самую многочисленную группу фразеологических единиц в кабардино-черкесском языке, играет важную роль в эмотивной лексике. Как отмечал Экман Р.², каждая культура обладает своими собственными «правилами проявления» эмоций. В адыгском сознании гу «сердце» занимает особое место, проникая в разные области человеческой жизнедеятельности. Так оно является носителем нескольких значений: «совесть», «сердце», «память» и т.д. Адыгские нормы поведения всегда требовали подавления, маскировки эмоций, этим, видимо, можно объяснить внутреннюю направленность, обращенность к сердцу для обозначения, выражения эмотивов.

Слово гу участвует в образовании различных эмотивных групп, выражающих как положительные, так и отрицательные эмоции. Из выделяемых Изардом К.Е.3 10 фундаментальных эмоций (интерес-волнение, радость, удивление, горе-страдание, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, вина), по данным Словаря кабардино-черкесского языка нами выявлено 5 групп с участием фразеологизмов с гу: радость, веселье (гур къигуфІыкІын «радоваться кому-чему-л.», гур хэгьэхъуэн «наполнить радостью чье-л. сердце», гур хэхъуэн «испытать душевный подъем, радостью наполниться (о сердце)», гур жан хъун «прийти в хорошее настроение, развеселиться»); **гнев** (гур плъын «кипеть от гнева», гур тегь упщ ы Гуэн «обрушить свой гнев на кого-л.», гур зэкlуэкlын «наполниться гневом», гур зэкlуэцlычын «сердце разрывается от гнева», гур къэлыбын «сильно разгневаться, разъяриться», гур къикъуэльык Іын «разъяриться, прийти в ярость», гур къыдэвеин «вскипеть (от возмущения, гнева)», гур бэгын «гневаться», гур бэмпІэн «негодовать»); страх (гур дзапэкІэ Іыгъын «находиться в тревоге, страхе», гур фІэкІуэдын «струсить», гур кІэзызын «трепетать, испытывать страх»); горе-страдание (гум зихузын «сердце щемит, болит, ноет (о состоянии тревоги, тоски, грусти)», гур къутэн «сердце разрывается», гур уІэн «ранить душу», (и) гур хэщІын «испытать тяжкое горе», *игу(р) къызэфІэнэн* «расстроиться, вспомнив о чем-л. горестном, пережитом»,

гум щІыхьэн «сильно огорчиться, опечалиться», гур къызэфІэзэрыхьын «расстроиться, опечалиться», гур къигъыкІын «душа плачет», (и) гу зэфІэнэн «расстроиться, приуныть», гур хэгъэщІын «опечалить, обидеть кого-л.»); отвращение (гур бгъэдэкІын «испытывать отвращение к кому-чему-л.», ягу зэщыгъэкІын «вызвать у кого-л. отвращение, неприязнь друг к другу», ягу зэщыкІын «питать отвращение, неприязнь друг к другу», гум зегъэгъэзэн «опротиветь кому-л.»).

Фундаментальные эмоции, взаимодействуя, формируют довольно устойчивые комплексы, например: удовлетворение (гур тысыжын «успокоиться», гур фІын «быть в духе, в хорошем расположении духа», гур хуэзэгъэн «быть довольным кем-чем-л.», гур зэгьэн «удовлетвориться чем-л.», гу щыхуэн «насладиться кем-чем-л.», гум жьы дегьэхүн, гум зегьэгьэпсэхүн «принести кому-л. душевное облегчение (словом, поступком)», гум жьы дихужын (дихун) «облегченно вздохнуть, почувствовать душевное облегчение», гум зигьэнщІын «насытиться, удовлетвориться чем-л.», гум зиукъуэдиижын «облегченно вздохнуть, почувствовать облегчение», (u) гу бамnІэ гьэmІысын «отвести душу, успокоить душу»); обида ((u) гур гъэныкъуэн «огорчать, обижать кого-л.», игу еуэн «обидеть кого-л., нанести кому-л. душевную травму», гум дэгьэхүэн «снести, стерпеть (обиду)», гум дэмыхуэн «не стерпеть, не перенести (обиду)», гум хуильын «затаить в душе (обиду, злобу и т.д.)», гур зэбгъэн «обидеться друг на друга», гур хэгъэщ ын «обидеть (опечалить) кого-л.»); тревога (гум зихузын «сердце щемит, болит, ноет (о состоянии тревоги, тоски, грусти)», гур гъун «тревожиться, беспокоиться о ком-чем-л.», $zyp \, \partial zan > k$ 1ыzыu «находиться в тревоге, страхе», $(u) \, zyp \, z$ волнение, беспокойство», гур ныкъуэн «беспокоиться, тревожиться о ком-чем-л., из-за кого-чего-л.», гур пыткІукІын «сильно переживать», гур хуэмыгъуэн «беспокоиться, переживать за кого-л., о ком-л.», гур хьэжэнхъэжэн «испытывать чувство тревоги, тревожиться»); симпатия, любовь (гум дыхьэн «понравиться кому-л., прийтись по душе», гум ирихьын «прийтись по душе, понравиться кому-л.», гу зэщыхуэн «вдоволь налюбоваться друг на друга», гур хуэбгьэн «испытать сильное влечение к кому-л.»); **злость** (гур тегьэзэгьэн, гур тепщэхэн «испытывать чувство злорадства», гур зэгуэпын «нервничать», гур зэгуэудын «негодовать, злиться», (и) гур зэрышхын «злиться», гур къэчэн «злиться», гур лынцІын «злиться», гум тешхыхын «раздражать», гум хуильын «затаить в душе (злобу, обиду и т.д.), гур гъэбэгын «трепать, мотать нервы кому-л.», гур гъэлынцІын «злить, нерви-«злиться»); тоска, скука (гур зэхүэбэгын «тосковать друг по другу», гум зихузын «сердце щемит (о состоянии тоски, тревоги, грусти)», гум къэк Іын «истосковаться по кому-чему-л.»); огорчение ((u) zyp зэф<math>Iэнэн «расстроиться, приуныть», uzy(p) къызэфIэнэн «расстроиться, вспомнив о чем-л. горестном, пережитом»); жалость (гум къеуэн «жалеть, переживать о чем-л.», гум къыщ итхъын «всей душой жалеть о чем-л.», гур шІэгьун «жалеть кого-л., сострадать кому-л.», гу уз uІэн «обладать чувством жалости», (u) zv зыuІэzъэzъvv «вызвать жалость κ себе v кого-л.»).

По структурному составу эмотивные фразеологизмы с гу, за небольшим исключением (гур жан хъун «прийти в хорошее настроение, развеселиться», гум жьы дихужын «облегченно вздохнуть, почувствовать душевное облегчение», и гу бамп гъэт ысът душу, успокоить душу», гур дзапэк Іыгъын «находиться в тревоге, страхе», гу уз и н «обладать чувством жалости»), двусоставны. По семантическим признакам большинство фразеологизмов с гу можно отнести к фразеологическим сращениям. Как можно заметить, некоторые из рассмотренных фразеологизмов относятся к близким по значению, но все же разным группам, например: гум зихузын «сердце щемит» можно сказать о состоянии тоски, тревоги, грусти; гум хуилъын «затаить в душе» — о злобе, обиде и т.д., гур дзапэк Гыгъын «находиться в тревоге, страхе» и т.д.

В устойчивых сочетаниях с *гу* преобладают эмотивы с отрицательным значением. Связано это, на наш взгляд, напрямую с психологическими процессами, а именно с тем, что в отличие от положительных, отрицательные эмоции детализируются человеком, а значит, имеют наибольшее число номинаций. Однако, хотелось бы отметить, что психологи считают полезными отрицательные эмоции для человека, если, конечно, они не в избытке. «Страх, гнев, ярость повышают интенсивность обменных процессов, приводят к лучшему питанию мозга, усиливают сопротивляемость организма перегрузкам, инфекциям и т.д.»⁵.

Эмотивные фразеологизмы с гу активно участвуют в полисемантических процессах кабардино-черкесского языка, в связи с этим, отмечаются фразеологизмы, где одни значения являются эмотивами, а другие нет⁶: гур хэгьэщІын «1) огорчить кого-л., 2) ирон. здорово, сильно»; гур къэжанын «1) подбодриться, почувствовать прилив сил, 2) слегка опьянеть»; гур щыун «1) стать равнодушным к комучему-л., 2) отвыкнуть от кого-чего-л.»; гум ежэлІэн «1) почувствовать острую боль, 2) огорчиться»; гу ебгьэн «1) обидеться на кого-л., 2) попасть в немилость»; гум къэкІын «1) соскучиться о ком-чем-л., 2) вспомнить кого-что-л., 3) прийти в голову, 4) почувствовать что-л.»; гур мэбампІэ 1) душно, 2) места себе не находит, тревожится»; гур къиуІащ «1) приелось (чаще – о сладком), 2) ранить, тронуть чье-л. сердце»; гум ежэлІэн «1) почувствовать острую боль, 2) принять что-л. близко к сердцу»; гур икІын «1) струсить, падать духом, душа в пятки ушла, удариться в панику, 2) жадно взяться за что-л., стремиться охватить что-л. целиком».

Встречаются в кабардино-черкесском языке полисемантичные фразеологизмы, все значения которых можно отнести к эмотивной лексике: *гум еуэн* «1) сделать больно кому-л., обидеть кого-л., 2) огорчиться, воспринять что-л. как тяжкое горе, 3) томить, угнетать кого-л.»; *гум темыхуэн* «1) не вытерпеть, не стерпеть, 2) ненавидеть кого-что-л.»; *гур иудын* «1) морально подавить, напугать кого-л., 2) огорчить кого-л.»; *гум къыщетхъ* «1) очень жаль, 2) скрепя сердце, 3) за душу хватает»; *гур дахэ* (фы) хуэщын «1) успокаивать, одобрять, утешать кого-л., 2 приласкать кого-л.»; *гур к1эрыпщ1эн* «1) привязаться к кому-чему-л., 2) влюбиться в кого-л., присохнуть сердцем».

Помимо фразеологизмов с гу, предполагающих определенные эмоции (например, гум ирихьын «понравиться», гур къызэфІэнэн «заволноваться, разволноваться», гукIэ гу ϕ Iэн «радоваться сердцем, всей душой», гур къикъуэльыкIын «разьяриться, прийти в ярость» и т.д.), в кабардино-черкесском языке встречаются устойчивые сочетания, требующие эмотивной конкретизации: гум дэльын «иметь что-л. на сердце, держать в сердце» (СынольэІу, гукьеуэ уи гум дэльу зумыгъэлІэну⁷. «Прошу тебя, с обидой на сердце не умирай»). Гум тельын «лежать на сердце» (Зэ льагьуныгьэ гуащ эм и гур къи уам ар мыхьуж дамыгьэу и гум тельш⁸. «Однажды, ранив сердце, жестокая любовь незаживающим клеймом лежит на сердце»). Гум зыкъегъазэ «сердце переворачивается» (A **шынагъуэр** шильэгьуам и гум зыкъигъэзащ «Увидя этот ужас, его сердце перевернулось». Асльэн ф**Іыуэ ильагьуу** шыта Маринэ дахэм шыхуэзам и г**ум зыкьигьэзаш**. «Встретив красавицу Марину, которую некогда любил, у Аслана сердце перевернулось»). Гу къильэту «с трепетом, с замиранием сердца» (Саримэ гуф**Іат** Елдар щильэгьуам, и гур къильэту къеуэрт⁹. «Сарима обрадовалась, когда увидела Эльдара, ее сердце с трепетом (готовое вылететь) стучало». Жэщ къыщыхъум игу къильэту Хьэдэм пщащэр **щышынауэ** И гур узу, гъы зэпыту Нэхур щ1ыбым щиг1ощащ10. «Когда наступила ночь, трепеща от испуга перед мертвецом, девушка, с щемящим сердцем, без конца плача, встретила рассвет на улице». Шу къакГуэу зэм пльагьумэ, Ap μ хьэкIуэ къы $n\phi Io\mu I - Yu$ **нэnсхэр зэneIэу, YuIу** μ абэр **къольэm** ^{11} . «Иногда, видя приближающегося всадника, кажется он тебе плохим вестником – Твои слезы навертываются, твое мягкое сердце трепещет».

В художественной литературе авторы часто для усиления выражения какогото чувства, наряду с эмотивным обозначением, используют эмотивное описание,

косвенное выражение эмоций: *Шэч хэлькъым, и гур зыгуэрым Щысхьыншэу, щэхуу ефыщІыр, Іэ щІыІэр щІыфэм щыджэгуу,* Гуауаеу и гум дэмыхуэр Дадий къеІуатэр мылхуэдэу...¹². «Без сомнения, что-то ее сердце безжалостно терзает, с беспокойно бегающими по телу холодными руками, не вынося больше горе, Дадий рассказывает следующее...». *Жэнгулэз и гум зишхыхыжурэ ІэльэщІ дахэр дурэшым дидээри ежьэжащ*¹³. «Жангулаз злясь, закинула красивый платок в угол и ушла». *Къазджэрий и гур кІуэдыпат: сэ сызыщыгугъа, мыр къызэрыщІэкІа, жиІэу и бгъэгум еуэж шхьэкІэ, ней Іэмал*¹⁴. «Казджарий совсем упал духом: как я думал и как все оказалось, говорил он ударяя себя в грудь, но что толку». *Зи гур гуауэм иуІари КІуэрт гъы защІзу, къэмыувыІзу, Гъусэу иІэр игъэгуІзу*¹⁵. «Тот, кого обидели, шел беспрерывно плача, заставляя переживать спутников».

Следует упомянуть и о сложных словах с первым компонентом гу, характерным для кабардино-черкесского языка. По мнению Кумахова М.А., продуктивность слова гу «сердце» в идиоматичных сложных лексических единицах объясняется исторически сложившимся представлением адыгов о сердце, как хранилище всех душевных сил и переживаний человека¹⁶. Среди подобных слов много эмотивов, которые также как устойчивые сочетания с гу, широко используются в кабардинской речи: гузагъэ «удовлетворение, удовлетворенность», гуих «ужас, страх», гукъанэ «обида», гукъанэ хуиІэн «обижаться на кого-л.», гукъанэ щІын «обижаться», гукъеуэ 1) «печаль, горе», 2) «обида», гукъеуэ етын «опечалить, огорчить, обидеть кого-л.», гукъеуэ щІын «опечалиться, огорчиться», гукъутэ «большое горе, печаль», гухэхъуэ «радость», гухэхъуэ иІэн «испытывать радость», zyuIэгьугьэ «жалость, сострадание», zyyз «печальный, скорбный», zyxэuI «горе, печаль», гущІыхьэ «скорбь, горе, печаль», гущІыхьэ щыхъун «сильно печалиться по какому-л. поводу», гурыхь щыхъун, гурыхь щІын «прийтись по душе, понравиться», гухэщт «тревога, волнение, трепет», гущ Іэгьу хуэщ Іын «испытывать чувство жалости, сострадания к кому-л.», гущык І хуэщ Іын «испытать к кому-чему-л. чувство отвращения, неприязни».

Роль слова *гу* в кабардино-черкесском сознании, культуре, и, следовательно, в языке велика. В этом проявляется одна из наших национальных особенностей. Подтверждением тому служит большое количество устойчивых сочетаний, пословиц, поговорок, сложных слов с *гу*, так часто и повсеместно используемых адыгами. Проведенное нами исследование показало, что многие фразеологизмы и сложные слова с *гу* используются в кабардино-черкесском языке для обозначения, выражения эмоций. Данный факт позволяет говорить о том, что упомянутые языковые явления представляют значимый пласт в эмотивной лексике кабардино-черкесского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Изард К.Е. Эмоции человека. М., 1980. С. 53.
- 2. *Ekman P.* Universal and cultural differences in facial expression of emotion. Lincoln, Nebraska, 1972.
  - 3. Изард К.Е. Указ. соч. С. 83-88.
  - 4. Словарь кабардино-черкесского языка. М., 1999. 860 с.
  - 5. Додонов Б.И. Эмоция как ценность. М., 1978. С. 80.
  - 6. Словарь кабардино-черкесского языка. М., 1999. 860 с.
  - 7. Нартхэр. Къэбэрдей эпос. Налшык, 1951. Н. 430.
  - 8. Шортэн Аскэрбий. «Тхыгъэ къыхэхахэр». Налшык, 1957. Н. 137.
- 9. *КІыщокъуэ Алим*. Хъуэпсэгьуэ нур // Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ. Налшык, 1984. Т. 1. Н. 133.
- 10. *КІыщокъуэ Алим*. Бдзэжьеящэм ипхъу // Шум и гъуэгу. Налшык, 1946. H. 151.

- 11. КІыщокъуэ Алим. Уигу, си анэ // Шум и гъуэгу. Налшык, 1946. Н. 26.
- 12. КІыщокъуэ Алим. Адэ // Шум и гъуэгу. Налшык, 1946. Н. 134.
- 13. *КІыщокъуэ Алим*. КІапсэ кІапэ // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Налшык, 2007. Т. 6. Н. 18.
- 14. *КІыщокъу*э *Алим*. Мазэ ныкъуэ щхъуантІэ. // Тхыгъэхэр томиплІым щызэхуэхьэсауэ. Налшык, 1984. Т. 2. Н. 664.
- 15. *КІыщокъу*э *Алим*. Тисей // Тхыгъэхэр томихым щызэхуэхьэсауэ. Налшык, 2004. Т. 1. Н. 453.
  - 16. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. М.-Нальчик, 1964. С. 111.

M.H. Tokmakova

THE WORD GHU'HEART' IN EMOTIVE LEXICON OF KABARDIAN-CIRCASSIAN LANGUAGE

The work is devoted to the emotive lexicon of Kabardian-Circassian language, namely the participation of the word «ghu» («heart») in designation and expression of emotions. As a part of phraseological units and compound words, «ghu» designates the main fundamental emotions; it participates in polysemantic processes in Kabardian-Circassian; in combination with other emotive words it concretizes and strengthens emotional expressions.

Keywords: Kabardian-Circassian language, emotive lexicon, polysemantic processes, emotive expression, emotive description, idiomatic compound words.

3.Р. Хежева

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АДЫГСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ (К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА)

В статье проанализированы концепции по категории наклонения у исследователей адыгских языков Кумахова М.А., Шаова Ж.А., Зекох У.С., Губжоковой М.К. Изучение и обобщение результатов научных поисков на разных этапах развития языкознания позволяет системно и многоаспектно описать категорию наклонения с учетом современной лингвистической теории и практики и будут способствовать созданию целостной картины функционирования данного языкового явления.

Ключевые слова: наклонение, модальность, время, семантика, индикатив, конъюнктив, оптатив, императив.

Для адыгских языков характерна весьма развитая многочленная система наклонений и форм их репрезентации. По мнению М.К. Кумахова, предпринявшего попытку реконструировать общеадыгскую систему наклонений, некоторые модусные формы восходят к общеадыгскому хронологическому уровню¹. Вместе с тем, после распада этой системы модальные образования подверглись существенным изменениям: образовались принципиально новые формы, осложнились традиционно сложившиеся формы наклонений.

В последнее время разные лингвистические школы сформировали целый спектр мнений о категории наклонения и ее месте в кругу других грамматических категорий. Исследователи, которые занимаются проблемой наклонения, не повторяют друг друга, и каждый предлагает собственную точку зрения, во многом, если не во всем, отличающуюся от других. Вероятно, это объясняется сложной спецификой предмета исследования — наклонения — грамматического способа выражения модальности.

Именно поэтому история изучения категории наклонения имеет столь важное значение в теоретическом и практическом отношении, поскольку появляется возможность проследить особенности исследования данного языкового явления в адыгских языках в определенные исторические периоды и на разных этапах развития лингвистической науки. Кроме того, это, бесспорно, способствует более глубокому осмыслению и пониманию сущности категории наклонения как таковой.

Исследование теории грамматических категорий в адыгских языках (адыгейском, кабардино-черкесском) связано с именем известного языковеда М.А. Кумахова. Он внес значительный вклад в разработку проблем частей речи, словообразования и общей морфологии. По его мнению, глагол в адыгских языках — наиболее сложная часть речи, и он характеризуется чрезвычайно высокой степенью синтеза. Безусловно, подобная сложность обусловлена наличием большого количества грамматических категорий глагола.

На основании проведенного исследования М.А. Кумаховым, сформированы основные положения о системе наклонений адыгского глагола, которая включает следующие наклонения: 1. Изъявительное (индикатив); 2. Условное; 3. Сослагательное (конъюнктив); 4. Предположительное; 5. Желательное (оптатив); 6. Повелительное (императив); 7. Наклонение удивления.

По мнению ученого, материал современных адыгских языков дает возможность реконструировать общеадыгскую систему, в которую входят все перечисленные наклонения, за исключением сослагательного наклонения. Образование последнего, как считает М.А. Кумахов, нужно рассматривать как результат индивидуального развития исследуемых языков. Он пишет: «Конъюнктив рассматривается в тесном переплетении с категорией времени, поскольку форманты данного наклонения генетически тождественны формантам временных форм»².

В кабардино-черкесском языке конъюнктив образуется с помощью форманта — то основы будущего I и II. Например: стхынт, стхынут «я написал бы». Этот же формант применяется для образования имперфекта (кІуэт «иди»), перфекта II (кІуат «он тогда пошел»), плюсквамперфекта II (кІуэгьат «он тогда пошел было»). Другими словами, сочетаясь с разными производящими основами, суффикс — образует формы разных наклонений. В некоторых диалектах выделяется еще больше форм, выражающих сослагательное наклонение. М.А. Кумахов объясняет это тем, что среди исследователей нет единого мнения по вопросу о морфологических средствах выражения конъюнктива. Тем не менее, в его концепции доминирует положение о том, что в адыгейском языке, как и в кабардино-черкесском, конъюнктив базируется на основе будущего времени. Индикатив характеризуется тем, что обладает наибольшей полнотой системы форм словоизменения, и это касается, прежде всего, образования времен, с обилием форм в изъявительном наклонении.

Формы индикатива, сочетающиеся с суффиксальными морфемами типа -n, -x, -y9 (адыг.) и $-\mu$ (каб.-черк.)являются специфичными не только для индикатива. Отличительной особенностью кабардино-черкесского индикатива М.А. Кумахов считает суффикс утвердительности $-\mu$, но и указанный суффикс оказывается общим у индикатива и предположительного наклонения. Временные формы последнего характеризуются большим разнообразием в адыгейском языке. В этом отношении предположительное наклонение уступает только индикативу.

Рассматривая желательное наклонение, М.А. Кумахов приходит к выводу, что среди специалистов нет единодушия по вопросу о том, какие формы должны быть отнесены к желательному наклонению (оптатив). Исследователь объясняет это функциональным разнообразием некоторых форм, совмещающих значения разных косвенных наклонений, и поэтому считает целесообразным разграничение нескольких типов форм оптатива. Автор выделяет три типа форм глагола в желательном наклонении. Отнесение суффиксов –йэм (адыг.) и –рэм (каб.) к оптативу I не вызывает никаких возражений, поскольку выражение значения желания очевидно. По поводу оптатива II, образованного с помощью $-p_2$ (адыг.) и $-p_2$ (каб.) и выражающего значение желания и соизволения, в ученом мире существуют некоторые разногласия. В зависимости от контекста, указанные суффиксы, т.е. формы оптатива II, имеют оттенки значения желания или повеления. М.А. Кумахов считает, что именно поэтому специалисты нередко относят разбираемую форму к повелительному наклонению, что не лишено известных оснований. Тем не менее, оптатив II отграничивается от собственно повелительного наклонения не только в грамматическом плане, но и в функциональном. Условно также объединение оптатива I с оптативом II под общим названием «Желательное наклонение», хотя оптатив II ближе к оптативу I, нежели к императиву.

Мы солидарны с М.А. Кумаховым в вопросе о том, что императив является одним из древних наклонений не только в адыгских языках, но и в языках всей группы абхазо-адыгских языков, т.к. в образовании форм императива в языках абхазоадыгской семьи много общего. В этой связи М.А. Кумахов обращает внимание не только на отсутствие временной дифференциации, характерное для всех языков данной группы, но и на тождество самой модели императива, и на некоторые общие тенденции развития этой грамматической категории.

Условное наклонение по М.А. Кумахову образуется посредством общеадыгского суффикса — мэ. Как суффикс данного наклонения рассматривается также — мэмэ, хотя, как считает ученый, — мэмэ представляет собой сочетание суффикса времени — мо. Отнесение форм типа къак јуи «приходи и...» (каб.-черк.), уэрэк јуи «приходи и...» (адыг.) к условному наклонению без учета их окружения автор считает по меньшей мере необоснованным. Отнесение форм типа ирек јуи «если он пойдет» к условному наклонению также нецелесообразно, поскольку они восходят к союзному оптативу: ирек јуи иреплъ «пусть он пойдет и посмотрит». По выражению М.А. Кумахова, «как и условно-императивные формы, условно-желательные формы типа ирек јуи, иретхи в разных окружениях употребляются в разных конструкциях, хотя вторичность функций условного наклонения очевидна»³.

Вызывает интерес анализ наклонения удивления, которое образуется с помощью суффикса $-u(\tilde{u})$: мак I y > pu «он, оказывается, идет». Глаголы в наклонении удивления, по М.А. Кумахову, способны изменяться по лицам и временам, но данное наклонение образуется не от всех временных форм. Что касается особенностей образования форм словоизменения, наклонение удивления ближе всего стоит к индикативу. Несмотря на то, что модальное значение у суффикса -u является производным, вторичным, М.А. Кумахов полагает, что наклонение удивления восходит к общеадыгскому единству.

Большой вклад в изучение категории наклонения в адыгских языках внес Ж.А. Шаов. Им предпринята попытка установить критерии выделения форм наклонений в адыгейском языке, на основе морфолого-синтаксического принципа определить количество наклонений. Ж.А. Шаовым корректно решен вопрос о структурных типах (синтетических и аналитических формах) наклонения и установлено соотношение форм наклонения и времени, определен характер взаимосвязи между отдельными формами наклонения.

По мнению Ж.А. Шаова, наклонение, выражающее модальное значение, является одной из самых сложных категорий глагола, она (категория наклонения), выявляемая морфологическими и частично — синтаксическими средствами, является не только грамматической. Ж.А. Шаов отмечает: «Реально наклонение проявляется в языке в том, что, будучи глагольной категорией, оно образуется своими специальными морфологическими аффиксами. Вместе с тем приходится учитывать и семантику, ибо эта категория выражает модальность, все оттенки которой не всегда находят свой специальный грамматический оформитель»⁴.

Особое внимание Ж.А. Шаов уделил связи наклонения и времени. По его мнению, в адыгейском языке отдельные формы наклонения органически переплетаются с формами времени, и именно поэтому некоторые исследователи связывают изучение формы времени и наклонения с выяснением структуры спряжения глагола и проводят классификацию форм времени и наклонения, опираясь на основу глагола. В данном случае Ж.А. Шаов имеет в виду классификацию, отраженную в «Грамматике адыгейского языка» Г.В. Рогава и З.И. Керашевой.

В адыгейском языке Ж.А. Шаов выделяет 7 наклонений: 1. Изъявительное; 2. Условное; 3. Сослагательное; 4. Желательное; 5. Повелительное; 6. Вопросительное; 7. Наклонение вероятности.

Детальное освещение в концепции Ж.А. Шаова получило вопросительное наклонение, наличие которого ставилось под сомнение в грамматиках адыгейского языка. Более того, автор выделяет 4 подвида внутри данного наклонения и относит его к наиболее сложным формам наклонения. Он объясняет это, во-первых, спецификой содержания данного наклонения — наличием в нем вопросительного значения, обычно сопровождаемого вопросительной интонацией; во-вторых, богатством формообразования и широким диапазоном его применения в языке. В специальной литературе высказывается мнение о том, что «вопросительное

наклонение не столько собственно модальное образование, сколько средство выражения цели высказывания»⁵.

Ж.А. Шаов придерживается мнения о том, что в адыгейском языке существует желательное наклонение, т.к. данная грамматическая категория вполне отчетливо выделяется как в плане морфологическом, так и в плане семантическом. В пределах желательного наклонения автор выделяет формы желательно-позволительного подвида, выражающего желание, разрешение, позволение и т.д. В этой связи интересен ход рассуждений некоторых ученых, которые считают, что структурная форма глагола прошедшего времени в условном наклонении совпадает с формой желательного наклонения (У.С. Зекох, Н.З. Гаджиева), хотя сходное образование форм условного и форм желательного наклонений с аффиксами —гъэ, —гъагъэ и —мэ еще не говорит об их идентичности с семантической и грамматической точек зрения. Скорее всего, такое явление говорит о синкретическом характере указанных форм условного и желательного наклонений в адыгейском языке.

Особое внимание в работах Ж.А. Шаова уделяется также и формам, образованным при помощи аффикса -p. По мнению ученого, характерной особенностью формы с аффиксом -p. Является ее двойственность: с одной стороны, она выражает желание, связанное с побуждением говорящего к действию и сопровождаемое побудительной интонацией, с другой — выражает желание-позволение говорящего. Именно поэтому в адыгейском языке Ж.А. Шаов выделяет, соответственно: побудительно-желательный подвид повелительного наклонения и желательно-позволительный подвид желательного наклонения.

Касаясь вопроса о наклонении вероятности в адыгейском языке, Ж.А. Шаов отмечает, что данное наклонение не было предметом специального исследования и даже не освещалось в описательных грамматиках адыгейского языка. Тем не менее он считает, что данная грамматическая категория вполне отчетливо выделяется как с морфологической, так и с семантической точек зрения. По теории Ж.А. Шаова, наклонение вероятности выражает значение вероятности, неопределенности, сомнения и т.д., и его морфологическим признаком является аффикс -штын, который слагается из суффиксов будущего времени -щт и -н. Автор возводит наклонение вероятности к формам изъявительного наклонения и доказывает это наличием аналитических форм в парадигме данной грамматической категории. Он пишет: «Наклонение вероятности как самостоятельная грамматическая категория оформилось сравнительно недавно, образовавшись на базе форм изъявительного наклонения»⁶. Об этом свидетельствует тот факт, что, во-первых, это наклонение морфологически выражается при помощи суффиксов будущего времени, во-вторых, каждый из этих суффиксов, отдельно взятый, и в наше время нередко выражает значение сомнения, предположительности и т.д.

Особое внимание следует обратить на точку зрения на наклонения в адыгейском языке другого лингвиста — У.С. Зекоха. По его мнению, наклонение принадлежит к числу важнейших формально-грамматических категорий языка; он считает, что она (категория наклонения) служит средством выражения модальности. По мнению У.С. Зекоха, из всех языковых способов передачи модальности наклонение имеет наиболее обобщенный и абстрактный характер, оно относится к словоизменительным категориям грамматики.

На основе анализа материала, накопленного исследовательской практикой, ученый ставит вопрос в иной плоскости и предлагает новую теорию, согласно которой категория наклонения — формальное средство именной части речи, образующее грамматически мыслимое предикативное состояние слов этого класса в их синтаксической позиции главного члена предложения.

Адыгейское наклонение квалифицируется У.С. Зекохом как синтаксическая категория, поскольку «оно не различает в составе сказуемого категории имени и глагола. Имя, выступая в сказуемом, изменяется по наклонениям теми же

морфологическими приемами, что и глагол»⁷. Кроме того, по мнению ученого, любое слово в предикативной позиции одинаково облекается в модусную форму независимо от его лексического содержания и таким образом становится морфологически выраженным передатчиком модальности высказывания.

Нужно отметить, что ученый непоследователен в вопросе определения количества наклонений в адыгейском языке. В статье «К вопросу о категории наклонения в адыгейском языке» (1966) он выделяет 6 наклонений: изъявительное, повелительное, дозволительное, запретительное, сослагательное и желательное. В более поздней его монографической работе «Адыгейская грамматика» (2002) автор выделяет всего 3 наклонения: изъявительное, сослагательное и желательное. По мнению У.С. Зекоха, наклонением может стать не всякое выражение модальности, хотя бы и морфологическое.

Выделение вопросительного, отрицательного и подтвердительного наклонений У.С. Зекох считает весьма условным, так как они составляют в адыгейском языке содержание отмодусных образований. Автор пишет: «Эти элементы выявляются не изменением слова по наклонениям, а специально приуроченными к ним грамматическими формами, образуемыми от уже имеющихся наклонений» 10.

Критически относится У.С. Зекох и к концепции Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа о темпоральных образованиях. Напомним, что выводимые названными учеными в списке темпоральных образований грамматические формы, образуемые посредством аффиксов -- *щтгъэ* (-- *щтгъагъэ*) сытхэщтгъэ «я писал бы», сытхэщтгъагъэ «я писал бы», носят названия «условных времен». Указанные авторы считают эти единицы «подлинными временными формами, а не наклонениями»¹¹. По мнению же У.С. Зекоха, все условные формы в действительности имеют не временное, а модальное содержание, т.е. выражают действие, которое могло бы осуществиться при определенных условиях. У.С. Зекох не обходит стороной и образования типа mx3 «пиши», уэрэmx3 «пусть он пишет», хотя такие явления в рамках теории наклонения не получили в адыгейской лингвистической литературе адекватного отражения. Словообразования типа mx3 «пиши» автор безоговорочно относит к повелительному наклонению, поскольку они передают побудительную модальность, а грамматические формы типа уэрэтхэ «пусть он пишет» выражают разрешение или позволение кому-либо сделать что-либо. Во втором случае выявляется совершенно другая модальность и, исходя из его семантики, У.С. Зекох дает название такому явлению «дозволительное наклонение». Хотя ученый не отрицает, что дозволительное наклонение при произнесении с побудительной интонацией передает побудительный оттенок высказывания, однако эти наклонения (дозволительное и побудительное), по его мнению, разнятся между собой не только в семантическом плане, но и своим интонационным оформлением.

У.С. Зекох выделяет также и запретительное наклонение (прохибитив), которое обозначает запрещение или намерение говорящего предостеречь кого-либо от чего-либо опасного, могущего причинить вред. Данное наклонение, как и наклонения дозволительности и повелительности, может произноситься в процессе речи с интонацией повеления, хотя это делается в большей части в стилистических целях.

Как видим, У.С. Зекох сделал попытку и, далеко небезуспешную, отойти от традиционного взгляда на теорию наклонения в адыгейском языке, и тем самым завоевал прочную позицию автора оригинальной концепции.

В последние годы усилился интерес к проблематике наклонения и модальности. Об этом свидетельствует рост числа работ молодых авторов, в которых делаются попытки сказать новое слово в области теории адыгского глагола — сложнейшей части речи в адыгских языках, в том числе и теории наклонения.

Ярким примером в этом плане является диссертационная работа М.К. Губжоковой «Морфологические и семантико-синтаксические способы выражения модальности в адыгских языках»¹². Здесь представлена система форм наклонений и дана убедительная грамматическая и семантико-функциональная характеристика рассматриваемого языкового явления. При исследовании модальности и категорий наклонения, автор исходит, в первую очередь, из семантики форм, которые обычно выражают в языке особые оттенки значения в передаче отношения говорящего к высказываемому. Вопрос о характере и типах наклонений в адыгских языках М.К. Губжокова рассматривает во взаимосвязи трех сторон – морфологии, синтаксиса и семантики при доминирующей роли семантики. По ее мнению, явление наклонения относится к языковым универсалиям, и поэтому она относит его к грамматическим (общеязыковым) уровням, независимо от наличия особых форм. Автором предпринята попытка квалифицировать наклонение как самостоятельную категорию, отдельную от категории времени. По убеждению М.К. Губжоковой, это имеет принципиальное значение, поскольку эти категории имеют в языке совершенно разные функции: наклонение не является постоянным, необходимым компонентом речи, а появляется только при необходимости выражения говорящим своего отношения к высказыванию - посредством особой модальности. Поэтому категория наклонения и категория времени не могут быть соотносимы по своим категориальным грамматическим значениям¹³. Кроме того, вопреки утверждению многих исследователей (В.В. Виноградов, А.Б. Шапиро и др.), М.К. Губжокова не считает модальность присущей только предложению. В защиту своего мнения она пишет: «Модальность – одна из синтаксических (речевых, контекстуальных) форм языка. Она появляется в речи (в контексте) по намерению говорящего, для выражения особого отношения к высказыванию; помимо этого, имеются предложения, в которых нет модальных оттенков для выражения говорящим своего отношения к своему же высказыванию, а имеет место простая констатация действительности без каких-либо экспрессивных оттенков»¹⁴. Как считает автор, уподобление модальности целому предложению само по себе устраняет понятие модальности, что необоснованно с научной точки зрения.

М.К. Губжокова дает характеристику девяти наклонениям, которые она выделяет, иллюстрируя их примерами, взятыми в контексте на адыгейском и кабардино-черкесском языках: 1. Изъявительное; 2. Повелительное; 3. Условное; 4. Вопросительное; 5. Желательное; 6. Сослагательное; 7. Предположительное; 8. Усилительное; 9. Предупредительное.

Изъявительное указывает на соответствие между содержанием высказывания и действительностью и, по мнению М.К. Губжоковой, этим противопоставляется другим категориальным формам наклонения, выражающим модальное отношение содержания высказываемого к действительности. В то же время автор подчеркивает, что изъявительное наклонение не обладает модальностью, т.к. не имеет формальных показателей для ее выражения. Тем не менее изъявительное наклонение включается ею в классификационную схему адыгского наклонения в качестве исходной, нулевой номинативной единицы.

Неотъемлемой частью системы наклонения М.К. Губжокова считает условное наклонение. Она наделяет данное наклонение модальным значением, вопреки мнению некоторых ученых, которые считают, что в словоформах, выраженных формами данного вида наклонения, отсутствует законченность мысли. В данном случае автор своеобразным способом противоречит себе, говоря, что даже простой намек может носить в себе модальный оттенок.

Усилительное наклонение, выделяемое М.К. Губжоковой, скорее, является аналогом наклонения удивления. Данное наклонение выражает усилительные, удивительные, уступительные и другие модальные отношения и имеет усилительно-удивительную интонацию. Автором выделяется также и предупредительное наклонение с оговоркой, что «это не запретительное наклонение». Таким образом, рассуждая о модальности и категории наклонения, М.К. Губжокова делает

вывод, что модальность в адыгских языках должна рассматриваться в синтаксисе как грамматическое (общеязыковое) явление, аккумулирующее семантику и синтаксис и, имеющее общесемантическое содержание.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Кумахов М.А. Словоизменение адыгских языков. М.: Наука, 1971. С. 241.
- 2. Кумахов М.А. Указ. соч. С. 231.
- 3. Там же. С. 229.
- 4. *Шаов Ж.А.* О месте категории наклонения в адыгейском языке и формах желательного наклонения // Адыгейская филология. Краснодар: Краснодарский Гос. пед. институт, 1967. Вып. 2. С. 162.
- 5. Зекох У.С. Очерки по морфологии адыгейского языка. Майкоп: АНИИ, 1991. С. 109.
- 6. *Шаов Ж.А.* Категория наклонения в адыгейском языке: Автореф. дис... канд. филол. наук. Майкоп, 1966. С. 15.
  - 7. Зекох У.С. Адыгейская грамматика. Майкоп: Адыгея, 2002. С. 139.
- 8. Зекох У.С. К вопросу о категории наклонения в адыгейском языке // УЗ АНИИ. Майкоп: Краснод. кн. изд-во, 1966. С. 158–174.
- 9. Зекох У.С. Об оппозиции «динамичность-статичность», ее сущности и специфика в адыгских языках // Материалы региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп: АНИИЭЯЛИ, 1980. С. 238–244.
- 10. Зекох У.С. К вопросу о категории наклонения в адыгейском языке // УЗ АНИИ. Майкоп: Краснод. кн. изд-во, 1966. С. 161.
- 11. *Яковлев Н.Ф.*, *Ашхамаф Д.А*. Грамматика адыгейского литературного языка. М.–Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. С. 341.
- 12. Губжокова М.К. Морфологические и семантико-синтаксические способы выражения модальности в адыгских языках: Автореф. дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2006. 21 с.
  - 13. Там же. С. 16-17.
  - 14. Там же.

Z.R. Hezheva

CATEGORY OF MOOD IN MODERN ADYGHE LINGUISTICS (TO THE HISTORIOGRAPHY)

The article analyses the concepts of the category of Mood in the works of Adyghe language researchers Kumakhov M.A., Shaova Zh.A., Zekoh U.S., Gubzhokova M.K. The study and generalization of the results of scholarly inquiries at different stages of development of linguistics will allow to systematically and multidimensionally describe the category of Mood taking into account the modern linguistic theory and practice; it will promote creation of a complete picture of this language phenomenon functioning.

Keywords: Mood, modality, time, semantics, indicative, conjunctive, optative, imperative.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

Г.Д. Базиева

ИДЕНТИЧНОСТЬ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ*

В статье анализируются проблемы развития этнокультурной идентичности в контексте формирования «этнических маркеров» и проявлений этничности в современных художественных процессах.

Ключевые слова: идентичность, этничность, этнические маркеры, искусство, литература, Кабардино-Балкария.

В современной культуре проблемы идентичности приобретают актуальность на всех уровнях: лингвистическом, конфессиональном, национальном, историческом. Если в XX веке решение данных проблем было осложнено распространением массовой культуры и формированием «человека толпы», предоставленного самому себе и свободного от норм традиционной этики и морали, то в современном глобализированном мире формируются новые типы идентичности.

А. Макинтайр говорит об «эмотивизме» современных идентичностей (когда все ценностные суждения имеют характер субъективных предпочтений)¹. Э. Гидденс вводит понятие «рефлексивной идентичности», подвижной модели, заменяющей в определенном смысле этнический и религиозный компоненты. Национальная идентичность, по Э. Гидденсу, имеет конструктивистский характер и является в контексте глобализации результатом интернализации «внешних структур» для реализации целей национального ренессанса. Условиями формирования гражданской идентичности, по мнению Т. Парсонса и Р. Мертона, выступают социальная модернизация, демократические институты и выработка форм гражданского общества в политической жизни.

Я. Ассман выделяет несколько форм идентичности: коллективная, индивидуальная и личная. «Индивидуальная идентичность — это создавшийся и упрочившийся в сознании индивида образ индивидуальных черт, отличающих его от всех («релевантных») остальных, такой тип идентичности опирается на биографию с ее «краеугольными датами» рождения и смерти, на телесность жизни и ее основных потребностей. Личная идентичность — это, напротив воплощение всех ролей, свойств и компетенций, которые приобретает отдельный человек через вхождение в конкретную данность общественного устройства, такой тип идентичности опирается на общественную востребованность и вменяемость индивида»².

Коллективная идентичность, по Я. Ассману, основана «на участии в общем знании и общей памяти, которые сообщаются через говорение на одном языке или, говоря шире, через использование общей системы символов. Ведь речь идет при этом не только о словах, предложениях и текстах, но также и об обрядах и танцах, узорах и орнаментах, костюмах и татуировках, еде и питье, памятниках, картинах, ландшафтах, дорожных указателях и межевых камнях. Все это может

^{*} Статья выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции, обычай, ритуал в истории и культуре» по проекту «Идентичность в поисках традиции: народы Кабардино-Балкарии в государственно-политических и социо-культурных трансформациях».

стать знаком, кодирующим общность. Важна не материальная оболочка, а функция символа и структура знака»³.

«Культура, – по определению Я. Ассмана, – это комплекс обеспечивающего идентичность знания, объективированного в символических формах, таких как мифы, песни, танцы, пословицы, законы, священные тексты, скульптуры, орнаменты, живопись...»⁴. Кроме типологии идентичностей, Я. Ассман разработал концепцию культурной памяти, которая играет центральную роль в культурной эволюции, формирует и репродуцирует идентичность родовой группы, государства, нации посредством коммуникации – циркуляции культурных смыслов.

«Приспособление к символическому смысловому миру культуры с ее предписаниями и запретами, ее нормами и установлениями, ее правилами и значениями предполагает отстранение как вовне, так и вовнутрь, по отношению к «миру» и по отношению к «себе». Приспосабливаясь к установлениям культуры, человек... обретает благодаря этому отстранению «пространство совести», в котором только и становится возможно действие на основании свободно принятого решения и тем самым идентичность⁵, — таким образом Я. Ассман дает оригинальную трактовку идентичности как свободного индивидуально-личностного акта, но предпринятого в рамках той или иной культурной традиции.

В российской науке выделяют несколько видов идентичности: гражданская (государственная), национальная, этническая, региональная и др.

Л.М. Дробижева отмечает: «Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность – на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности...Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства*.

По мнению Л.М. Дробижевой, «формирование гражданского сознания, солидаризации с ценностью человеческого достоинства, свободы и ответственности, уважения к индивидуальному выбору могло бы как раз стать цементирующим государственную и этническую идентичность, делающим государственную идентичность привлекательной для всего населения страны»⁶.

Ввиду того, что коллективная российская идентичность находится в стадии формирования, наибольшее значение приобретает этнокультурная, этническая идентичность - результат самокатегоризации, достигаемой индивидом в итоге конструирования образа окружаемого мира и своего места в нем (Т.Г. Стефаненко). Наряду с причислением индивидом себя к представителям своего этноса, этническая идентичность включает, прежде всего, глубоко значимое переживание данной принадлежности, как одной из важнейших составляющих в системе представлений личности о себе. Проблемы этнической идентичности актуализируются в связи с достаточно высоким уровнем устойчивости локальных традиционных культур, стремящихся к сохранению национальной самобытности в условиях глобализации, что находит выражение в поиске новых форм и способов пропаганды этнокультурных ценностей. Наиболее ярко данные тенденции проявляются в духовной сфере, в частности, в данной статье мы рассматриваем проблемы этничности и этнической идентичности в профессиональном искусстве Кабардино-Балкарии. А принадлежность искусства к культуре подчеркивает тот факт, что определяющим в формировании и развитии этнохудожественных стереотипов является социокультурная среда.

^{*} Нам более близка концепция о формировании государственной идентичности на основе надэтнических принципов.

Безусловно, «характерной чертой современной этнокультурной действительности выступает не этническая культура народа как комплекс этноспецифических черт, а культура этноса или группы как совокупность культурных явлений и процессов, необходимых народу для жизнедеятельности. В современных условиях открытого общества не существует чисто этнических культур. В то же время, в культуре всех народов имеются этноспецифические, присущие только им элементы культуры»⁷.

«Типология способов и форм проявления этнического начала в искусстве» начинает строиться еще в 70-е гг. ХХ в. в связи с исчезновением и или частичной утратой традиций народной культуры, но не теряет своей актуальности до сих пор. Специфика искусства этноса, по мнению Б. Бернштейна, сводится к двум положениям: первое, чем оно отличается от искусства других этносов (условие индивидуальности), второе, чем различные произведения искусства одного народа сходны между собой (условие инвариантности). Инвариантность обусловлена устойчивым этническим характером, психическим складом, которые получают свое отражение в искусстве.

Какие элементы этнокультуры могут быть отнесены к этническим маркерам в современных условиях? Опыт осмысления данной проблемы предпринял А. Бурыкин, утверждающий, что язык не является этническим маркером литературы, а в качестве такового выступает содержание литературного произведения, его персонажи, изображение быта, природы, отношения к природе⁹. Наиболее значимым этническим маркером выступает, по мнению ученого, место действия произведения. В доказательство данного утверждения можно привести феномен русскоязычной литературы Северного Кавказа (по произведениям писателей Кабардино-Балкарии, пишущих на русском языке: Д. Кошубаева, М. Хакуашевой, А. Макоева, Б. Чипчикова, нетрудно определить их национальную принадлежность). «Возможно, это прозвучит банально, но я за все деньги мира не отказался бы от того, что я — балкарец. Для меня самое важное — знать откуда я расту. Знать свои корни» 10, — признается Б. Чипчиков.

Формирование нового художественного кода в литературе и искусстве обостряет интерес к этнокультурным феноменам на уровне как личной, так и коллективной идентичности. Каждый из видов искусства наряду с общими обладает и специфическими этническими маркерами (в изобразительном искусстве — в качестве маркера может выступать, наряду с объектом и сюжетом, форма и материал художественного произведения). Однако, ни один из видов искусства не застрахован от использования этнокультурных стандартов и клише. «Нарисовать человека, обвешанного саблями, газырями, в бурке и папахе — это не имеет никакого отношения к национальным мотивам. Мы смотрим на картину и говорим, это Китай, или это Испания. Потому что в ней присутствует национальный дух»¹¹, — признается художник X. Теппеев, работающий в настоящее время в Турции.

Яркий генотип национального мировидения и мироощущения придает дополнительную индивидуальность живописи Кабардино-Балкарии, характерную для творчества многих художников республики (Б. Гуданаев, Р. Цримов, В. Баккуев, Р. Тураев, Х. Теппеев, Т. Черкесов, и др.), национальная сущность произведений которых кроется не столько в этнографических признаках, сколько в особенной интерпретации традиционного художественного идеала, той особой «национальной картине мира», которая моделируется в координатах современного времени.

В целом, в творчестве художников так называемой «традиционной» линии интегрируются мировоззренческие смыслы и пластические ценности народа, благодаря чему национальное приобретает эмоционально-образную, эстетическую целостность. Например, В. Баккуев выбирает те детали, и тот цвет, которые либо подчеркивают («Ковровщицы», «Портрет балкарки», «В горах Балкарии»), либо, напротив «растворяют» («Палата № 3», «Ветка пальмы») этническую идею в

пространстве холста. В ряде произведений цвет, ограниченный четкими контурами по чистоте и эмоциональной выразительности напоминает витражи, что вносит декоративную условность и экзотику в созданные работы («Ветка пальмы»).

Обращение к мифу предполагает либо модернизацию мифа, либо, напротив, мифологизацию современности. Если в первом случае мифологема наполняется современным конкретным содержанием, то во втором художник использует те или иные структуры мифопоэтического мышления с целью объяснения современных реалий. Для художественного почерка А.Т. Жилова характерно использование двух данных тенденций. В картинах «Раненый черкес», «Пляска беса», «Маленький ажигафа» художник моделирует новую вселенную, в которой миф и современность – две грани единого целого. По мнению художника, даже в самом рафинированном искусстве присутствует архаика этнической культуры¹².

Этнические мотивы активно используются и техническими видами искусств, в которых синтез литературы, музыки, живописи позволяет многомерно и многопланово отразить различные оттенки особенностей национального менталитета и мирочувствования. К примеру, в рамках кинофестиваля «Кавказ и мир» в 2010 году в республике демонстрировался фильм Мухадина Кандура «Черкес», вызвавший неоднозначную реакцию, в частности, в газете «Московский комсомолец в Кабардино-Балкарии» было опубликовано обращение научной и творческой интеллигенции, в котором содержалась резкая критика кинофильма. «Историческая достоверность и факты традиционного уклада жизни адыгов, существующие даже в наше время, — явное излишество для создателей фильма. Они не пытаются соответствовать им ни в сюжете, ни в костюмах, ни в декорациях... По нашему глубокому убеждению кинофильм «Черкес» — это вредное для народа явление, способствующее разрушению уникальной этнической культуры» 13.

В интернете была развернута острая полемика по поводу качества и исторической достоверности фильма. По мнению М. Бжаховой, фильм, снятый без особого пафоса, «наполнен символами и знаками, которые благодаря лаконичной форме выражения воспринимаются на уровне сердечной чакры...Почти каждая фраза достойна того, чтобы ее цитировать... Ни одного лишнего жеста, ни одного лишнего слова...¹⁴.

При анализе любого произведения на историческую тему необходимо учитывать, что здесь находят выражение две эпохи — та, о которой идет речь, и та, в которую создается произведение, но зачастую преобладает эпоха «авторская», в которой субъективизм нередко преобладает над объективностью и исторической достоверностью. Тем более, что современные исторические фильмы, как правило, снимаются не столько в жанре исторической драмы, обозначенном на афишах, сколько в приключенческом, наиболее востребованном в индустрии развлечений.

Современное искусство, также как и культура в целом, подвержено изменениям, трансформациям и модификациям. Как отмечает О.Н. Астафьева: «Внутренние ценностно-смысловые трансформации в культурах, происшедшие за три последних десятилетия, и внешние перемены, связанные с изменениями процессов взаимодействия культур, расширением возможностей их пространственных перемещений, возникновением новых культурных форм, позволяют признавать качественные изменения принципов создания, фиксации, распространения культуры и культурного опыта» ¹⁵.

Своеобразным экспериментом стала постановка фольк-шоу «Черкесский круг» (2007) (режиссер Роберт Саральп, ансамбль «Хатти»), совмещающего традиционные национальные танцы и музыку с авангардными поисками в пластике и музыке. В спектакль были привнесены многие элементы инонациональных культур: джегуако в костюме Пульчинелло из классической комедии дель арте, исполнение «Кафы» не в национальных, а в классических костюмах западноевропейского образца, использование фотоколлажа в качестве декораций и т.д.

Не удивительно, что в процессе постановки спектакля возникали определенные трудности. «Пришлось убеждать танцоров, чтобы они не боялись выйти за рамки привычных представлений о национальных танцах. Ревностные сторонники кабардинских обычаев и традиций могли не понять, что я не деформирую память народа, а расширяю ее памятью этносов, близких ему! Мы все — неотъемлемая часть общего мира» — признается режиссер. По его мнению, фольк-шоу — качественный продукт эпохи глобализации, который может смотреть любой человек любой культуры в любой точке мира¹⁶.

Современный художественный процесс – неоднозначное и сложное явление, ставящее под сомнение, а иногда и разрушающее представление о традиционности, преемственности и т.д. К тому же, что понимать под традиционностью в современном контексте? Как отмечал М.С. Каган, «невозможно сплести разобщенные нити отдельных искусств в те самые «узоры», в каких они скрещивались изначально, как невозможна вообще реставрация древних форм культуры» 17. По мнению К.Б. Соколова, «традиционное искусство все менее пригодно для того, чтобы формировать новые, своеобразные картины мира: его рамки оказываются слишком тесными. В XX веке возникло множество совершенно новых массовых субкультур со своим своеобразным менталитетом и предпочтениями художественных ценностей» 18.

В настоящий период сфера этнической специфичности постепенно снижается: в одних областях быстрее, в других медленнее происходит трансформация идентификационных матриц в условиях формирования новой транснациональной культуры.

Под транснационализацией понимаются процессы насыщения пространства национальных культур новым ценностно-смысловым содержанием, формирования нового типа культуры с унифицированными, мобильными и коммерциализированными чертами, расширения информационно-коммуникативного пространства национальной культуры (создание медиапространств, виртуализация культурной среды), усиления международного обмена культурным опытом, самостоятельного включения национальных регионов (в лице не только государственных, но общественных и частных структур) в процессы международного взаимодействия, расширения масштабов деятельности транснациональных систем образования, науки, формирования нового уровня личностной культуры, новых типов идентичности в глобализирующемся мире¹⁹. Таким образом, современные социокультурные изменения носят не только отрицательный (унификация, коммерциализация, стандартизация и т.д.), но и положительный характер, так как:

- способствуют обостренному чувству национальной самобытности и вместе с тем осознанию, что национальный культурный опыт является составляющей мирового культурного пространства;
- стирают межкультурные грани и тем самым содействуют появлению оригинальных культурных синтезов;
- формируют новую культурную среду, мобильную и восприимчивую к современным тенденциям;
- стимулируют появление новых видов и форм пропаганды этнических традиционных ценностей, что приводит к содержательно-ценностным изменениям в культуре и формированию нового типа этнокультурной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. М., 2001.
- 2. *Ассман Я*. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 141.
  - 3. Там же. С. 150.

- 4. Там же. С. 96.
- 5. Там же. С. 147.
- 6. Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М., 2006. С. 28–29.
- 7. *Бортикова Т.Г.* Этническая культура и социокультурная деятельность: проблемы взаимодействия и развития. М., 2004. С. 62.
- 8. *Бернштейн Б.М.* Несколько соображений в связи с проблемой « искусство и этнос» // Критерии и суждения в искусствознании. М., 1986. С. 128.
- 9. Бурыкин А.А. Проблемы этничности в применении к разным формам искусства (опыт осмысления) // Живопись как знак культуры. Элиста, 2004. С. 84.
- 10. Так и живем. Интервью И. Теппеева с Б.М. Чипчиковым // Дайджест «Эльбрусоид». 2010. № 8. С. 69.
- 11. *Битиров* Э. Проблема этнического в искусстве. Интервью с *X. Теппеевым* // ЛКБ. № 6. 2009. С. 168.
- 12. *Битиров Э*. Вдохновение это потребность души. Интервью с *А. Жиловым* // КБП. 2008. 10 апреля.
- 13. Нужно ли нам такое кино? (Обращение интеллигенции КБР к общественности республики после премьеры фильма «Черкес» // МК в Кабардино-Балкарии. 19–26 мая 2010. С. 14.
  - 14. www/kbr.time
- 15. Астафьева О.Н. Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // Человек, культура и общество в контексте глобализации. Мат-лы межд. научн. конф. М., 2007. С. 6.
- 16. *Верниковская Ю*. Шаг от традиций сделан во фраке. Черкесский круг // Территория гор. 2008. № 3. С. 50.
  - 17. Каган М.С. Морфология искусства. М., 1972. С. 239.
- 18. *Соколов К.Б.* Социология искусства в XXI веке: смена парадигмы и новые пути // Теория художественной культуры. М., 2002. Вып. 6.
- 19. *Астафьева О.Н.* Транснационализация культурного пространства: государство и проблемы координации коммуникативных стратегий // Человек, культура и общество в контексте глобализации. Мат-лы межд. научн. конф. М., 2007. С. 5–11.

G.D. Baziyeva

IDENTITY IN A MODERN CULTURE SYSTEM

The problems of ethno-cultural identity development in the context of «ethnic markers» formation and ethnicity manifestations in modern art processes are analysed in the article.

Keywords: identity, ethnicity, ethnic markers, art, literature, Kabardino-Balkaria.

Ж.М. Аппаева

ИСТОКИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

О зарождении в Кабардино-Балкарии профессиональной художественной критики можно говорить в связи с открытием в 1960 году в Нальчике Кабардино-Балкарского музея изобразительных искусств и с приездом в республику двух искусствоведов В. Горчакова и В. Шлыкова. Позже их ряды пополнили другие искусствоведы. Благодаря их усилиям с середины 60-х годов прошлого века стали появляться серьезные научные труды, посвященные традиционному народному творчеству и современному изобразительному искусству.

Ключевые слова: художественная критика, изобразительное искусство, культурные ценности, музейные коллекции, архивные источники.

За почти вековую историю развития изобразительного искусства Кабардино-Балкарии в ней произошли глубокие перемены. Оценить их можно лишь при критическом анализе сложившейся ситуации. А поскольку художественная критика — производное от искусства, то она напрямую связана с его развитием, и, главное, способна оказывать влияние на художественный процесс.

Появлению у нас художественной критики предшествовал долгий путь. Впервые вопрос о необходимости для республики искусствоведов был поставлен еще в 20-х годах прошлого столетия. Острая потребность в специалистах по истории изобразительного искусства возникла в связи с передачей в краеведческий музей Нальчика художественных ценностей из ленинградских и московских хранилищ и музеев. Из-за отсутствия собственных искусствоведов для отбора культурных памятников вынуждены были пригласить человека со стороны, поскольку перед властями КБАО Центр поставил условие, чтобы отбор раритетов был произведен только знатоком искусства.

В одном из документов Ленинградского отделения Главнауки от 26 января 1926 года сказано: «Ленинградское отделение Главнауки в свое время имело договоренность с представительством области в том, что весь отбор будет производить приглашенный на службу Кабардино-Балкарской областью специалист... В случае отсутствия специалиста прислать разрешение на приглашение такового в Ленинграде, причем Ленинградское отделение Главнауки имеет в виду приглашение не только на отбор музейных предметов, но и на постоянную работу по организации музея в Нальчике»¹.

Еще в 20-е годы находились люди, которых не пугала жизнь в глухой провинции, и они давали согласие поехать в Нальчик. Однако, то ли из-за сопротивления тогдашнего заведующего краеведческим музеем Ермоленко, то ли из-за равнодушия областных властей, но желающие работать в КБАО так здесь и не появились. Этим вопросом весьма серьезно, но безуспешно занимались на уровне, к примеру, заведующего Ленинградским отделением Главнауки В. Томашевского, зав. Музейным отделом Главнауки Г. Ятманова и представителя Кабардино-Балкарской автономной области Н. Макарова.

Не только в 20-х, но и позже, вплоть до 60-х годов прошлого столетия в адрес кабардино-балкарских властных структур и в местный Союз художников приходили письма от искусствоведов, желающих работать в Нальчике. Так, к примеру,

в 1959 году искусствоведы Олег Черников (сотрудник Министерства культуры РСФСР) и его жена написали о своем желании работать в республике тогдашнему председателю Кабардино-Балкарского отделения Союза художников РСФСР В. Славникову. «Пишу именно Вам, – говорилось в письме, – потому что знаю – более всех в искусствоведе заинтересован Союз художников, и Вы будете действовать. Возможно, приеду с семьей, и у вас сразу будет два искусствоведа»².

Увы, надеждам его не суждено было осуществиться. В то же время в справке о состоянии развития изобразительного искусства в Кабардино-Балкарии, составленной председателем СХ В. Славниковым, в частности, сказано: «В нашей республике нет ни одного искусствоведа. Пропаганда искусства поставлена очень плохо. Необходимо министерству культуры КБАССР привлечь к работе в своей системе хотя бы одного искусствоведа».

Между тем Художественный Фонд РСФСР систематически делал запросы на нужных для нашего региона молодых специалистов с высшим образованием (живописцев, скульпторов, графиков, искусствоведов, монументалистов, художников театра и кино). Кажется, чего проще, отправь заявку в Москву и будешь обеспечен любыми нужными кадрами. Но как говорил Михаил Булгаков, все испортил квартирный вопрос. А с решением этой проблемы в Нальчике всегда были большие трудности. Потому роль искусствоведов выполняли сами художники. «Художественная выставка «Советская Кабардино-Балкария» прошла «в большом светлом зале Дома Советов с 5 по 23 ноября... На выставке постоянно дежурили два художника, которые проводили экскурсии и отвечали на вопросы зрителей. Интересно прошла встреча художников со зрителями, в числе которых присутствовали студенты КБГУ, с которыми пришлось много дискутировать. Во всех местных газетах печатались материалы о выставке. Выставка снята на кинопленку местным телецентром и хроникальным киножурналом «Северный Кавказ» — писал в своем отчете председатель местного отделения Союза художников Славников.

Основы национальной художественной школы в республике закладываются в 50-х годах XX века, когда в республику после окончания художественных училищ возвращаются первые группы молодежи, получившие профессиональное художественное образование. В 60-х, 70-х, 80-х годах и позже в искусство Кабардино-Балкарии вливаются новые творческие силы. Если до 60-х годов художественная жизнь нашего края отличалась известной бедностью, то позже она начинает налаживаться. Растет мастерство художников. Часть из них успешно выступает во всероссийских и всесоюзных выставках. Разрыв уровня местного искусства с общесоюзным заметно сокращается.

Несмотря на успехи в развитии искусства края, критическая мысль остается на очень низком уровне. Но и возникла она значительно позднее, ведь до 60-х годов в республике не было ни одного искусствоведа. Это не значит, что наши художники оказались вне критики. Устную оценку их творчеству давали коллеги. Те из них, что участвовали во всероссийских или всесоюзных смотрах творчества художников, эпизодически попадали в поле зрения столичных критиков. Эваку-ировавшиеся в 1941 году из Москвы в Нальчик крупные советские художники Грабарь, Туржанский, Файнберг, Чернышев, Менделевич, Сварог не только дали объективную оценку творчеству местных авторов, но и оказали им колоссальную творческую помощь. В 50-х годах в центральной печати, в частности, в статьях крупных специалистов-искусствоведов Езерской и Евсеева упоминались имена художников Кабардино-Балкарии, представлявших свои работы на выставках такого ранга, как всероссийские и всесоюзные.

Мощный импульс к дальнейшему развитию изобразительного искусства Кабардино-Балкарии дали московские и ленинградские художники разного профиля, приехавшие в республику в связи с подготовкой к празднованию в 1957 году 400-летия присоединения Кабарды к России. Оргкомитет Союза советских художников СССР принял решение: «Направить в июле-августе 1956 года в Нальчик на два-три месяца мастеров живописи и декоративно-прикладного искусства для оказания практической помощи художникам Кабарды в подготовке к предстоящим республиканской и Всесоюзной художественных выставок 1957 года, а также для подготовки к юбилейной выставке кабардинского искусства в Москве»³. Еще один документ СХ РСФСР гласит: «Командировать в Нальчик трех-четырех московских и ленинградских художников на два месяца с целью создания художественных произведений по утвержденному министерством культуры КАССР тематическому плану к предстоящей юбилейной выставке, а также для творческой помощи художникам Кабарды»⁴.

В обсуждении эскизов работ кабардинских художников принимал участие А. Шепелюк, начальник отдела изобразительного искусства Главного управления по делам искусств Министерства культуры РСФСР и известный график В.В. Богаткин. Они дали весьма дельные советы как художникам, так и работникам министерства культуры КАССР. Гости объективно оценили состояние местного изобразительного искусства, детально проанализировали ошибки и просчеты художников, дали рекомендации министерству культуры КАССР, чтобы некоторые заказы на произведения местных художников были перезаключены на другие, более удачные работы.

Юбилейную выставку, посвященную 400-летию присоединения Кабарды к России, демонстрировавшуюся в Москве во время декады республики в столице, посетили такие выдающиеся художники, как К.Ф. Юон, Журавлев, В.А. Фаворский. Они очень высоко оценили народное прикладное искусство кабардинцев и довольно доброжелательно отозвались о произведениях современных кабардинских художников.

Надо сказать откровенно, что в советское время всегда были серьезно озабочены состоянием изобразительного искусства на периферии страны. Проблемы становления и развития искусства автономных республик обсуждались на самых разных уровнях, чаще всего это были расширенные заседания выездных президиумов оргкомитета СХ РСФСР. К примеру, одно из них прошло в Орджоникидзе (Северная Осетия) и было посвящено вопросу состояния изобразительного искусства автономных республик Северного Кавказа и мерам помощи отделениям СХ. В резолюции комиссия отметила, что «изобразительное искусство в Дагестане и КБАССР в настоящее время находится на невысоком художественном уровне. За последние годы художниками Дагестана и Кабардино-Балкарии не было создано ни одного значительного тематического произведения. Художники указанных автономных республик, за небольшим исключением, не участвуют на республиканских и Всесоюзных выставках... Правления союзов мало заботились о подготовке национальных художественных кадров...Отсутствие художественных музеев в г.г. Грозном и Нальчике, низкий культурный уровень пропаганды искусства в музее г. Орджоникидзе, неукомплектованность квалифицированными кадрами Дагестанского музея, недооценка отделениями СХ передвижных выставок для глубинных районов республик, отсутствие систематического и квалифицированного освещения вопросов русского и советского изобразительного искусства и работ местных художников в периодической печати и т.д. -все это отрицательно сказывается на развитии изобразительного искусства в республике» (1959 г.)⁵.

На основании глубокого анализа художественной ситуации в автономиях Северного Кавказа президиумом оргкомитета СХ РСФСР было принято постановление, в котором, в частности, говорится:

- «...б) Просить обком КПСС КБАССР о выделении специального помещения отделению Художественного фонда под постоянно действующую выставку.
- в) Предусмотреть выделение штатной должности инспектора-искусствоведа для министерств культуры Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и ЧИАССР...». Подписано постановление членами президиума оргкомитета СХ $PC\Phi CP$ Грицаем A., Смирновым Б., Сокольниковым $M.^6$.

16/У-59 Союзом художников РСФСР по результатам этого выездного заседания было направлено письмо первому секретарю Кабардино-Балкарского обкома КПСС Т. Мальбахову: «Направляем Вам резолюцию расширенного заседания выездного президиума оргкомитета СХ РСФСР в г. Орджоникидзе по вопросам о состоянии изобразительного искусства автономных республик Северного Кавказа и мерах помощи отделениям СХ.

Президиум оргкомитета СХ РСФСР просит Вас изыскать возможность рассмотреть вопрос о состоянии изобразительного искусства в Вашей республике и об оказании соответствующих мер помощи художникам.

Оргсекретарь оргкомитета СХ РСФСР Б. Смирнов».

Вскоре после этого в Нальчике открылся Музей изобразительных искусств и появились первые искусствоведы. Наконец был решен вопрос, никогда не сходивший с повестки дня, рассматривавшийся и на местном уровне, и на заседаниях выездного президиума оргкомитета СХ РСФСР, посвященных состоянию изобразительного искусства автономных республик Северного Кавказа.

Об открытии художественного музея в Нальчике заговорили еще в 20-х годах ХХ века одновременно с тем, как фонды Краеведческого музея пополнились замечательной художественной коллекцией из центральных хранилищ музейных ценностей, куда были свезены экспроприированные советской властью предметы искусства, а также художественными сокровищами из московских и ленинградских музеев. Вопрос организации художественного музея не сходил с повестки дня еще долгие годы. К примеру, один из пунктов Постановления президиума Кабардино-Балкарского исполнительного комитета (10/I-1934 г.) гласит: «Возбудить перед Наркомпросом вопрос об организации в КБАО художественной галереи с использованием фондов центральных музеев и об ассигновании необходимых средств на организацию галереи». Когда оказалось не под силу открытие художественного музея было решено «считать необходимым организовать в музее (при переходе краеведческого музея в новое помещение – $\mathcal{K}.A.$) художественного отдела, для чего приобрести соответствующие экспонаты (картины, макеты, скульптуры и т.п.), отражающие историю, быт и социалистическое строительство области» (Протокол заседания президиума облисполкома 9-го созыва)7.

Поскольку проблема долго не решалась, вновь и вновь властями Кабардино-Балкарии поднимался вопрос об открытии художественного музея: «...7. Поставить перед Наркомпросом вопрос о передаче облмузею в соответствии с постановлением ВЦИК от 20 августа 1934 года разного рода экспонатов-оригиналов и дубликатов из фондов центральных музеев, имеющих непосредственное отношение к Северному Кавказу и КБАО. 8. Возбудить перед Наркомпросом вопрос об организации в КБАО художественной галереи с использованием фондов центральных музеев и об ассигновании необходимых средств на организацию галереи»⁸.

В годы советской власти Москва была очень заинтересована в том, чтобы поддерживать тесные связи с периферией, получать информацию о положении дел в изобразительном искусстве в республиках Советского Союза. Из редакций журналов, посвященных изобразительному искусству, в Нальчик нередко приходили письма с предложением о сотрудничестве. К примеру, на имя председателя СХ КБАССР Славникова пришло письмо из журнала «Декоративное искусство СССР», подписанное главным редактором М. Шадуром: «В новом 1961 году редакция журнала «Декоративное искусство СССР» намечает широко освещать художественную жизнь республик, краев и областей. В связи с этим обращаемся с просьбой регулярно сообщать нам о событиях, происходящих в декоративном искусстве Вашей республики. Для специального раздела «Вести из республик» просим присылать информационный материал о выставках, обсуждении новых работ художников-прикладников, о творческих конференциях, юбилейных датах и т.п. Для непосредственной связи с редакцией журнала просим выделить ответственное

лицо из числа членов секции декоративно-прикладного искусства, который являлся бы нашим внештатным корреспондентом».

Подобного рода предложение председателю правления Союза художников КБАССР Славникову прозвучало и в письме, полученном из СХ РСФСР: «Один из номеров журнала «Художник» будет посвящен Югу Российской Федерации, в который войдет материал о художниках КБАССР. Просим организовать следующий материал по Вашему отделению Союза художников: 1. Статью о работе художников Кабардино-Балкарского отделения (короткую историческую справку и, в основном, о подготовке к выставке «Советская Россия». Объем — около 10 страниц машинописного текста и 10—15 иллюстраций); 2. Статью о творчестве Н. Гусаченко (объем 7—8 страниц и 5—6 иллюстраций). Очень прошу подготовить материал обо всем, что есть интересного и важного в художественной жизни Вашей республики и что мы не могли, к сожалению, учесть заранее. Статью нужно закончить к числу 15 февраля. Редактор Е. Можуховская» К сожалению, предоставлявшиеся для Нальчика возможности так и не были реализованы.

Письма шли и в обратном направлении. В начале 1960 года в оргкомитет СХ РСФСР и в редакцию журнала «Художник» поступила жалоба о том, что телевидение Кабардино-Балкарии подготовило передачу о выставке работ местных художников, о которой авторы письма отозвались, что «это был бестолково-нелепый набор слов» 10. И в оргкомитете СХ РСФСР и в журнале «Художник» были серьезно озабочены подобным сигналом и тут же отреагировали на него.

Невысокий уровень художественной критики в республике неоднократно становился предметом обсуждения также на заседаниях Кабардино-Балкарского обкома КПСС, к примеру, на том, что проходил 4–10 января 1964 года. На нем отметили: «Наличие серьезных недостатков в содержании работы Кабардино-Балкарского отделения Союза художников объясняется еще отсутствием подлинно профессиональной искусствоведческой критики. Республиканские газеты, радио и телевидение редко и недостаточно квалифицированно освещают творческую работу художников и скульпторов»¹¹.

Слабость художественной критики, зависимость от мнения людей, некомпетентных в вопросах культуры сковывало творчество художников. О вульгарности требований к художественным произведениям свидетельствуют многочисленные документы того времени, дающие возможность восстановить ту атмосферу, в которой приходилось работать художникам. Вот какой характер носят замечания в одном из них: «Узел пионерского галстука сделать меньше. Левый конец галстука сделать короче, чем правый. Показать концы лент банта в косах». Речь идет отнюдь не о художественных достоинствах произведения. Такого рода «критика» нанесла немалый вред развитию духовной культуры края.

О зарождении профессиональной художественной критики можно говорить лишь в связи с открытием в 1960 году в Нальчике музея изобразительных искусств и с приездом в нашу республику двух искусствоведов: Вадима Анатольевича Горчакова и Вениамина Андреевича Шлыкова. Наконец, руководство республики было вынуждено пригласить в Нальчик искусствоведов, поскольку министерство культуры РСФСР предварительно поставило условие, что для открытия художественного музея в республике нужно непременно иметь не менее двух искусствоведов. Делать было нечего, в Москву отправили заявку на двух специалистов. На этот призыв сразу откликнулись Горчаков и Шлыков. Первый из них – выпускник факультета истории и теории изобразительного искусства Ленинградского института имени Репина 1956 года, Шлыков же окончил отделение искусствоведения Ленинградского госуниверситета. После получения высшего образования оба в течение четырех лет работали в Пермской художественной галерее. Вениамин Андреевич за хорошую работу был награжден Почетной грамотой министерства культуры РСФСР и Почетной грамотой Пермского горисполкома, а Горчаков –

Почетной грамотой Пермского горисполкома. В общем, наконец, в Нальчике появились специалисты.

Во вновь открытом музее изобразительных искусств сразу активно взялись за работу, начали тесно сотрудничать и с местным Союзом художников. Об этом свидетельствует, например, одно из официальных писем руководства музея, адресованное председателю СХ КБАССР:

«Уважаемый тов. Славников! 16 мая сего года в 9 ч. утра в Музее изобразительных искусств состоится заседание Ученого Совета по вопросам:

- 1. Задачи музея изобразительных искусств в свете решений конференции по развитию художественной критики и искусствоведения (сообщение т. Горчакова).
- 2. О новой экспозиции, о создании путеводителя и каталога музея (сообщение т. Шлыкова).
- 3. О художественной выставке 1961 г. (сообщение т.т. Косьяненко и Славникова).
  - 4. Утверждение плана работы Ученого Совета на 1961 г.

Просьба принять участие в обсуждении этих вопросов.

Председатель Ученого Совета Косьяненко»¹².

В 60–70-х годах сотрудники Кабардино-Балкарского музея изобразительных искусств неоднократно выступали на научно-практических конференциях самого высокого ранга. На вторую республиканскую конференцию по вопросам развития критики и искусствознания, проходившую в Ленинграде в 1962 году, Союз художников КБАССР командировал В. Шлыкова. Еще в октябре 1960 года местная творческая организация получила письмо из российского Союза художников: «Секретариат СХ РСФСР в связи с подготовкой конференции по критике просит Вас выслать в адрес Союза следующие сведения: 1. ФИО искусствоведов, работающих в области, крае, республике, их образовательный ценз, место работы, участие в работе отделений СХ, из них кандидатов в члены СХ; 2. Фамилии авторов статей по искусству, напечатанных в газетах, журналах (местных, республиканских, всесоюзного значения) за последние два года и т.д.»¹³.

В. Шлыкову посчастливилось также принять участие в научно-практической конференции по обсуждению выставки автономных республик Российской Федерации, проходившей в Манеже в 1977 году, где он выступил с содокладом. Изучая документы того времени, удивляешься тому, насколько заинтересованно относились в Советском Союзе к развитию искусства, как серьезно и добросовестно пестовали кадры творческих работников. Центр постоянно предоставлял периферии квоты в художественные училища и вузы. К примеру, председателю правления СХ КБАССР Славникову регулярно приходили документы из министерства культуры КБАССР такого характера: «Мы получили два места в Ростовское училище. Прошу Вас просмотреть работы желающих учиться и дать нам мнение Союза. 16.VI.59 г. Певзнер»¹⁴. Или: «Для подготовки национальных кадров послать в 1960 году в высшие и средние учебные художественные заведения 10-15 выпускников училищ и средних школ. Поручить Совету министров КБАССР (т. Черкесову) рассмотреть вопрос об организации с 1960-1961 учебного года художественного класса в двух-трех школах-интернатах Кабардино-Балкарии» 15. На общих собраниях Союза художников КБАССР в повестку дня регулярно включался вопрос «направить из коренных наций на учебу». Практически все кабардино-балкарские художники получили образование в художественных вузах и училищах по брони¹⁶.

В. Горчаков и В. Шлыков были весьма подготовленными специалистами, однако их ожидало немало трудностей в реализации своих знаний. Основным жанром выступлений этих критиков были газетные рецензии на выставки, но кроме того, за очень короткий срок и Горчакову и Шлыкову удалось написать и издать книги и каталоги по изобразительному искусству Кабардино-Балкарии. В.А. Горчаков свою книгу «Художники Кабардино-Балкарии» издал в 1964 году

в Ленинграде. У В. Шлыкова увидели свет монография «Изобразительное искусство Кабардино-Балкарии» (1963 г.), «Путеводитель по музею изобразительных искусств КБАССР. Живопись, графика, скульптура» (1964 г.), Каталог музея изобразительных искусств.

Горчаков и Шлыков, с одной стороны, стремились объективно оценивать состояние изобразительного искусства Кабардино-Балкарии, а с другой, кое-когда должны были умеривать свой пыл, чтобы не подвергнуться атаке со стороны художников, которые не всегда оставались в восторге от критических замечаний искусствоведов. К примеру, на одном из собраний СХ КБАССР художник Р. Хажуев заявил: «Шлыков неверно анализирует мои работы на выставке в музее. Запрещаю Шлыкову говорить о моих картинах». Свое недовольство на этом собрании выразил и Виктор Абаев: «Критика должна расти так же, как растут художники. Сейчас она отстает. Ей не следует быть тенденциозной, а подмечать те шаги, которые делает вперед художник. Это даст ему стимул для творчества» 17.

Совсем непростое занятие — уметь выявить качественные особенности творчества каждого художника, поскольку для этого нужен широкий кругозор, тонкий художественный вкус и умение видеть искусство каждого художника в контексте культуры Кабардино-Балкарии, а также обладать известной смелостью, не бояться неприятностей, связанных с издержками профессии.

Изначально в Шлыкова и Горчакова инвестировали много ожиданий, которые каждый из художников и власть предержащих понимал по-своему. Но прежде всего от них требовали прославления тех произведений, которые строго следовали заповедям соцреализма. Критики, по представлениям того времени, должны были активно вмешиваться в культурную жизнь республики, направлять деятельность художников в нужное русло, помогать им обрести «правильную» творческую позицию. Это, разумеется, встречало сопротивление части художников, которых в то время именовали формалистами. Недовольны были и правоверные соцреалисты, поскольку считали, что «формалистам» со стороны искусствоведов и партийного руководства не дается должный отпор.

Доказательством отсутствия толерантности в художественной среде Кабардино-Балкарии могут служить многие материалы. Для обоснования своей точки зрения сотрудники музея нередко должны были апеллировать к мнению народа, чтобы избежать нападок на себя. Удавалось это не всегда, потому наиболее талантливым искусствоведам приходилось покидать стены этого учреждения, что, конечно же, резко отрицательно сказывалось на деятельности музея изобразительных искусств.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1. УЦГА АС КБР. Р. 8. Оп. 1. Д. 147. Л. 37.
- 2. Там же. Ф. 778. Оп. 1. Д. 14. Л. 13.
- 3. Там же. Ф. 778. Оп. 2. Д. 1. Л. 7.
- 4. Там же. Ф. 778. Оп. 2. Д. 1. Л. 8.
- 5. Там же. Ф. 778. Оп. 1. Д. 14. Л. 39–42.
- 6. Там же. Ф. 778. Оп. 1. Д. 14. Л. 43.
- 7. Там же. Р. 367. Оп. 1. Д. 66. Л. 43.
- 8. Там же. Р. 367. Оп. 1. Д. 66. Л. 7.
- 9. Там же. Ф. 778. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.
- 10. Там же. Ф. 778. Оп. 1. Д. 16. Л. 29.
- 11. УЦДНИ АС КБР. Оп. 1. Д. 1224. Л. 4.
- 12. УЦГА АС КБР. Ф. 778. Оп. 1. Д. 15. Л. 80.
- 13. Там же. Ф. 778. Оп. 1. Д. 17. Л. 121.
- 14. Там же. Ф. 778. Оп. 2. Д. 7. Л. 28.

- 15. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1116. Л. 71-73.
- 16. УЦГА АС КБР. Ф. 778. Оп. 1. Д. 15. Л. 30.
- 17. Там же. Оп. 2. Д. 7. Л. 81.

Zh.A. Appayeva

THE ORIGINS OF ART CRITICISM

About the origin of professional art critics in the Republic of Kabardino-Balkaria one can speak in connection with the opening in 1960 Kabardino-Balkarian Museum of fine arts in Nalchik, and with the arrival of two art historians – V. Gorchakov and V. Shlykov – in the Republic. Later other art historians joined their ranks. Thanks to their efforts in the mid 60-ies of the last century there began to appear serious academic works devoted to the traditional folk and contemporary arts.

Keywords: art criticism, fine art, cultural values, museum collections, archival sources.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бгажноков Барасби Хачимович, д.и.н., директор ФГБУН Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-09-48 E-mail: <u>kbigi@mail.ru</u>

Дзагов Рустам Нургалиевич, к.и.н., старший научный сотрудник сектора истории ФГБУН Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНП РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-64 E-mail: <u>kbigi@mail.ru</u>

Магомедсалихов Хайбула Гамзатович, к.и.н., старший научный сотрудник отдела этнографии ФГБУН Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН.

367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, 75

Тел. 8 (8722) 62-45-71 E-mail: <u>inae@iwt.ru</u>

Цаллагова Зарифа Борисовна, д.п.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

119991, г. Москва, Ленинский пр., 32 а

Тел. 8-916-352-62-13 E-mail: sozieva@mail.ru

Агларов Мамайхан Агларович, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РД, Заслуженный деятель науки РФ.

367030, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. М. Ярагского, д. 75

Тел. 8 (8722) 62-45-71 E-mail: ihae@iwt.ru

Тимижев Хамиша Тарканович, д.ф.н., профессор, зав. отделом адыгской филологии ФГБУН Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-47-12 E-mail: <u>kbigi@mail.ru</u>

Шакова Марьяна Кушбиевна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардинской литературы ФГБУН Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 77-13-09 E-mail: kbigi@mail.ru **Бижоев Борис Чамалович**, д.ф.н., зав. сектором кабардино-черкесского языка ФГБУН Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-47-98 E-mail: kbigi@mail.ru

Гузеев Жамал Магомедович, д.ф.н., профессор, зав. отделом балкарской филологии ФГБУН Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-22-02 E-mail: kbigi@mail.ru

Гукетлова Фатима Нашировна, д.ф.н., профессор кафедры романских языков Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова.

360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел.: 8 (8662) 40-07-37 E-mail: <u>fatiguketl@rambler.ru</u>

Кумыкова (Гучапшева) Элина Тугановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Кабардино-Балкарского госуниверситета.

360004 Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173

Тел.: 8 (8662) 42-02-53 Email: <u>etkumykova@mail.ru</u>

Токмакова Мадина Хасанбиевна, к.ф.н., старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБУН Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-20-52 E-mail: <u>kbigi@mail.ru</u>

Хежева Залина Рашадовна, к.ф.н., научный сотрудник сектора кабардиночеркесского языка ФГБУН Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-42-00 E-mail: kbigi@mail.ru

Базиева Гульфия Джамаловна, к.филос.н., старший научный сотрудник сектора этнологии ФГБУН Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-51-95 E-mail: <u>gbaz@mail.ru</u>

Аппаева Жаухар Мустафаевна, искусствовед.

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8-960-431-01-53

E-mail: appaewa2565@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Bgazhnokov Barasby Hachimovich, Doctor of History, Director of the Institute for the Humanities Research of KBR Government and Russian Academy of Sciences KBSC.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-09-48 E-mail: kbigi@mail.ru

Dzagov Rustam Nurgalievich, Candidate of History, senior research fellow at the History department of the Institute for the Humanities Research of KBR Government and Russian Academy of Sciences KBSC.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-52-64 E-mail: kbigi@mail.ru

Magomedsalihov Khaybula Gamzatovich, Candidate of History, senior research fellow at the Ethnography department of the History, Archeology and Ethnography Institute of the RAS DSC.

75 M. Yaragskogo Street Republic of Dagestan, Makhachkala, 367030

Ph.: 8 (8722) 62-45-71 E-mail: <u>inae@iwt.ru</u>

Tsalagova Zarifa Borisovna, Doctor of Pedagogy, professor, leading research fellow of Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (RAS).

32a Leninsky Avenue, Moscow 119991

Moscow 119991 Ph.: 8-916-352-62-13 E-mail: sozieva@mail.ru

Aglarov Mamaykhan Aglarovich, chief research fellow at the Institute of History, Archeology and Ethnography of the DSC of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History, professor, Honored scholar of DR, Honored scholar of the Russian Federation.

75 M. Yaragskogo Street

Republic of Dagestan, Makhachkala, 367030

Ph.: 8 (8722) 62-45-71 E-mail: ihae@iwt.ru

Timizhev Hamisha Tarkanovich, Doctor of Philology, professor, the Head of the Adyghe Philology Department of the Institute for the Humanities Research of KBR Government and Russian Academy of Sciences KBSC.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph.: 8 (8662) 42-47-12 E-mail: kbigi@mail.ru **Shakova Mariana Kushbievna**, Candidate of Philology, senior research fellow at the Kabardian Literature Department of the Institute for the Humanities Research of KBR Government and Russian Academy of Sciences KBSC.

Nalchik 360000 Ph.: 8 (8662) 77-13-09 E-mail: <u>kbigi@mail.ru</u>

18 Pushkin Street

Bizhoev Boris Chamalovich, Doctor of Philology, the Head of the Kabardian-Circassian Language Department of the Institute for the Humanities Research of KBR Government and Russian Academy of Sciences KBSC.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph. 8 (8662) 42-47-98 E-mail: kbigi@mail.ru

Guzeev Zhamal Magomedovich, Doctor of Philology, professor, the Head of the Balkar Philology Department of the Institute for the Humanities Research of KBR Government and Russian Academy of Sciences KBSC.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph.: 8 (8662) 42-22-02 E-mail: kbigi@mail.ru

Guketlova Fatima Nashirovna, Doctor of Philology, professor at the Roman Languages Department of the Kabardian-Balkarian State University

173 Chernyshevskiy Street

Nalchik 360004 Ph: 8 (8662) 40-07-37

E-mail: fatiguketl@rambler.ru

Kumykova (Guchapsheva) Elina Tuganovna, Candidate of Philology, ass. Prof., Foreign Languages Department of Kabardino-Balkarian State University.

173 Chernyshevskiy Street

Nalchik 360004 Ph. 8 (8662) 42-02-53

E-mail: etkumykova@mail.ru

Tokmakova Madina Khassanbievna, Candidate of Philology, senior research fellow at the Kabardian-Circassian Language Department of the Institute for the Humanities Research of KBR Government and Russian Academy of Sciences KBSC.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph.: 8 (8662) 42-20-52 E-mail: kbigi@mail.ru

Khezheva Zalina Rashadovna, Candidate of Philology, research fellow at the Kabardian-Circassian Language Department of the Institute for the Humanities Research of KBR Government and Russian Academy of Sciences KBSC.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph.: 8 (8662) 42-42-00 E-mail: kbigi@mail.ru **Bazieva Gulfia Dzhamalovna**, Candidate of Philosophy, senior research fellow at the Ethnology Department of the Institute for the Humanities Research of KBR Government and Russian Academy of Sciences KBSC.

Nalchik 360000 Ph.: 8 (8662) 42-51-95 E-mail: <u>gbaz@mail.ru</u>

18 Pushkin Street

Appaeva Zhaukhar Mustafaevna, art critic.

18 Pushkin Street Nalchik 360000 Ph.: 8-960-431-01-53

E-mail: appaewa2565@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

- 1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:
  - история;
  - филология;
  - проблемы развития современного общества;
  - культурология.
- 2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи до 15 стр. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.
  - 3. Статьи должны иметь:
  - 3.1. направление организации, в которой работает автор;
  - 3.2. акт экспертизы;
  - 3.3. справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
  - 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
  - 3.5. фамилию и инициалы автора на русском языке;
  - 3.6. название статьи на русском языке;
  - 3.7. аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. в конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью:
  - 3.10. первая страница статьи подписывается автором.
- 4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги A4, шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал, страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).
- 5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически, нумерация сквозная, например:
  - 1. Фотометрия и радиометрия оптического излучения М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
- 2. Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному, и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители не возвращаются авторам.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8(8662) 42-50-94

Формат 70х108 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Таймс Усл. печ. л. 10,2. Тираж 500 экз. Заказ № 80

Зав. издательским отделом $\mathit{K.M.~Xaxosa}$. Макет и техническое редактирование $\mathit{A.B.~Гергоковой}$ Корректор $\mathit{3.B.~Черкесовa}$